

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-10-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-10-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович - доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Рерихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGU), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Boyarski Marek – Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universität Bremen, Universitätallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica – Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich – Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmms@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.

chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,

aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhonovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

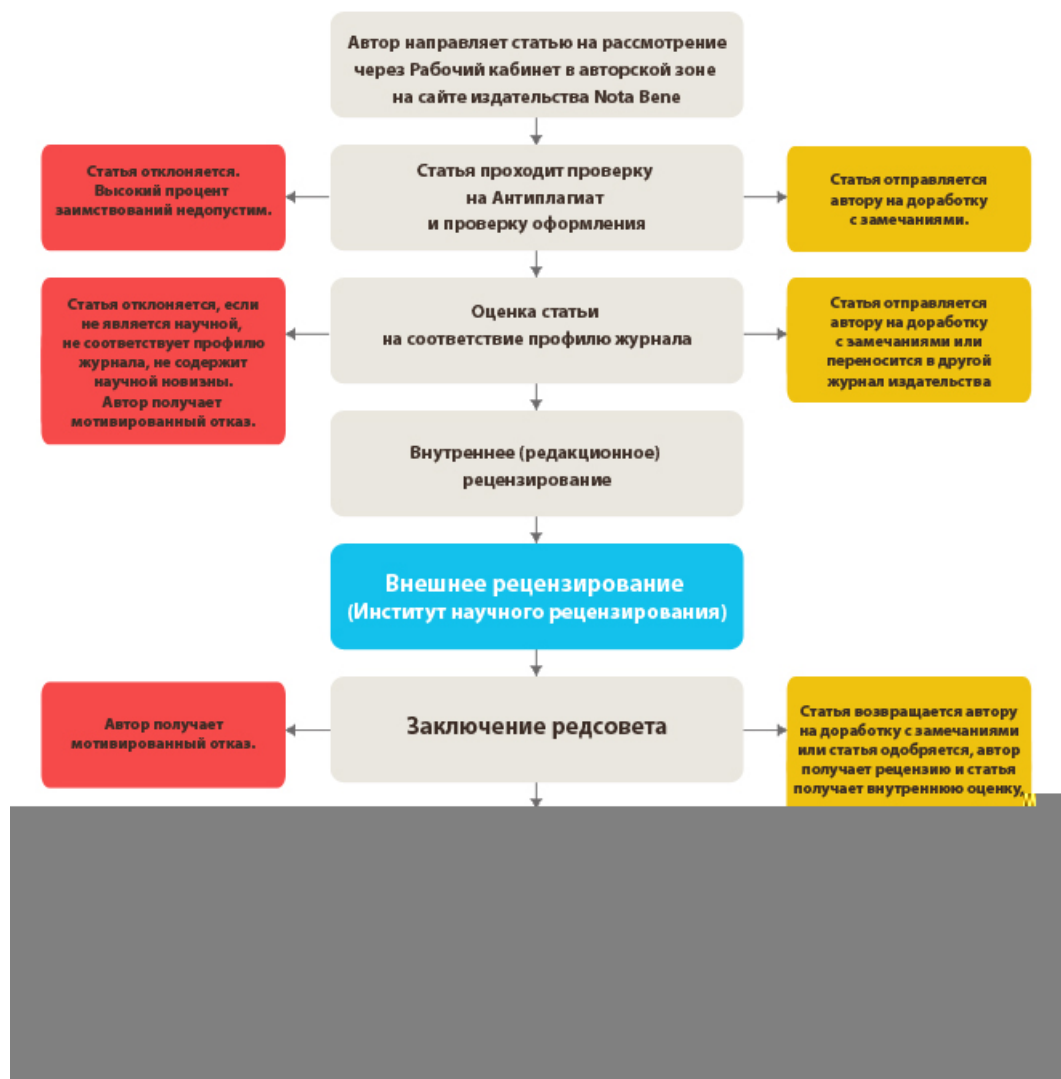
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Туршин А.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы	1
Шокур А.В. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну	12
Назарова Н.А. Информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание	29
Андрианова Н.Г. Перспективы использования искусственного интеллекта в денежном обращении	46
Бирюков И.И. Социальная обусловленность probation в современной России	61
Свашенко А.С. Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49	75
Сергиенко С.Ю., Гриб В.Г. Гражданско-правовая ответственность туроператоров и турагентов: перспективы законодательных изменений	91
Журавлёв В.В. Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина	107
Поеров С.В. Оспаривание в процедурах банкротства как правовое средство защиты кредиторов: необходимо ли совершенствование?	125
Капустина А.В. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции в XI–XVIII вв.	148
Конорезов Н.А. Институт налоговых льгот в судебной практике: некоторые проблемные аспекты	159
Гончарова Ю.В. Публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах-участницах ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан	171
Англоязычные метаданные	185

Contents

Turshin A.I. Electronic evidence in criminal proceedings: experience of foreign countries and Russian prospects.	1
SHokur A.V. Differentiation of criminal liability for attacks on personal and family secrets	12
Nazarova N.A. Information support for public procurement and its institutional content	29
Andrianova N.G. Prospects for the use of artificial intelligence in money circulation	46
Biryukov I.I. The social conditioning of probation in modern Russia.	61
Svashenko A.S. Specifics of Applying the Statute of Limitations in Protecting Public Interest through Anti-Corruption Lawsuits: Insights from Constitutional Court Decision No. 49	75
Sergienko S.Y., Grib V.G. Civil liability of tour operators and travel agents: prospects for legislative changes.	91
Zhuravlyov V.V. The Heir as a Key Figure in the Bankruptcy Procedure of the Deceased Person	107
Poerov S.V. Challenging in bankruptcy procedures as a legal means of protecting creditors: is improvement necessary?	125
Kapustina A.V. The development of domestic criminal legislation on liability for illicit trafficking in alcoholic beverages in the XI–XVIII centuries	148
Konorezov N.A. The Institute of Tax Benefits in Judicial Practice: Some Problematic Aspects	159
Goncharova Y.V. Public law regulation of the production and circulation of organic agricultural products in the EAEU member countries based on the experience of the Republic of Kazakhstan.	171
Metadata in english	185

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Туршин А.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75764 EDN: YGMMIK
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75764

Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы

Туршин Андрей Иванович

ORCID: 0009-0005-2926-9091

аспирант; кафедра уголовно-процессуального права им. Н.В. Радупной; Российский государственный университет правосудия

152850, Россия, Ярославская область, г. Пошехонье, наб. реки Согожи, 2, кв. 9

✉ antursh@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75764

EDN:

YGMMIK

Дата направления статьи в редакцию:

30-08-2025

Дата публикации:

06-09-2025

Аннотация: Предметом исследования являются электронные доказательства в уголовном процессе. Объект исследования составляют правоотношения, возникающие в ходе использования электронных доказательств в доказывании по уголовному делу. Автор рассматривает такие аспекты темы, как понятие, признаки электронных доказательств, способы подтверждения их достоверности. Анализ проводится как в контексте российской правовой системы, где электронные доказательства пока не имеют самостоятельного закрепления, так и зарубежных правопорядков, уже разработавших специальные нормы. В сравнительном аспекте рассматриваются подходы Китая, Индии, Бразилии, США и других стран, что позволяет выявить тенденции развития и предложить направления совершенствования российского законодательства. Работа направлена на формирование целостного представления о месте и роли электронных доказательств в

современном уголовном процессе. Методология исследования основана на использовании общенаучных и частно-научных методов познания. Юрико-догматический метод применён для интерпретации содержания правовых норм. Формально-логический метод использовался для выявления и изучения признаков электронных доказательств. Метод сравнительного правоведения позволил изучить зарубежный опыт регулирования электронных доказательств. Научная новизна исследования заключается в исследовании актуальных зарубежных подходов к электронным доказательствам и их достоверности. Выявлены различные подходы, которые применяются для обеспечения подлинности и целостности электронных доказательств, которые применяются в мировой практике. Установлено, что в большинстве стран значительное внимание уделяется проверке целостности электронного доказательства, вводятся специальные процессуальные правила, которые позволяют объективно подтверждать сохранность доказательства цифровыми способами (электронная подпись, контрольная сумма). По результатам исследования автором сформулировано понятие электронных доказательств, учитывающее подходы к обеспечению их целостности и достоверности. Предложена классификация электронных доказательств относительно того, насколько их эквивалентность оригинальной информации подтверждается цифровыми средствами верификации. Полученные результаты могут использоваться для развития подходов к обеспечению достоверности электронных доказательств в российском уголовном процессе посредством цифровых технологий.

Ключевые слова:

электронные доказательства, доказывание, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, цифровизация, сравнительное правоведение, достоверность электронных доказательств, целостность электронных доказательств, электронная подпись, контрольная сумма

Цифровизация и стремительное развитие информационных технологий оказывают существенное влияние на все сферы жизни общества, включая право. В уголовном процессе всё большее значение приобретают электронные доказательства, однако в Российской Федерации их изучение по большей части находится в стадии формирования, доктринального осмысления, когда в практике и законе продолжают использоваться традиционные подходы к электронным данным как к вещественным или письменным доказательствам. Законодательство минимально учитывает специфику электронной информации, не предусматривая, какое она может иметь процессуальное значение. Возникают противоречия между законом и правоприменительной практикой, сталкивающейся с необходимостью использования цифровых следов [\[1, 276-277\]](#). Таким образом, предметом настоящего исследования являются электронные доказательства и их особенности в уголовном судопроизводстве.

Исследование проводится на базе общенаучных методов познания с применением частно-научных юридических методов. Юрико-догматический метод позволил выявить содержание и интерпретировать действующие процессуальные нормы. Метод сравнительного правоведения обеспечил изучение особенностей регулирования электронных доказательств в зарубежных странах. Формально-логический метод использовался при построении понятия электронных доказательств через выявление их особенностей и отграничение от смежных категорий. Теоретическую основу составили

научные работы отечественных и зарубежных авторов, исследовавших тематику электронных доказательств и смежные с ней: J. Varghese, P. W. Grim, А. А. Дмитриевой, А. И. Зазулина, С. В. Зуева,, А. А. Количенко, П. С. Пастухова, М. С. Шалумова, К. Ю Яковлевой и других учёных.

Учение о доказательствах в России прошло через значительный период развития, эволюции. Исследователи раскрывают уголовно-процессуальные доказательства как многогранное явление: сведения, позволяющие установить обстоятельства преступления; предусмотренные законом процессуальные источники таких сведений; установленные факты, позволяющие аргументировать решение [2, с. 66]. С другой стороны, на сегодняшний день УПК РФ не предусматривает регулирование электронных доказательств, поэтому вопрос об их самостоятельности является дискуссионным. Часть учёных говорят об их самостоятельности [3, с. 11; 4, с. 79-81; 5, с. 10], другие же относят их к вещественным доказательствам или иным документам [6, с. 15; 7, с. 15-16]. Как правило, в публикациях встречаются различные похожие по смыслу термины, например компьютерная информация [8, с. 8], цифровая информация [9, с. 11-13], которые предлагается использовать в качестве основы для конструирования нового вида доказательств в уголовно-процессуальном праве.

В то же время данные термины описывают однородное явление, только с разных точек зрения на информацию в зависимости способов её существования и представления: в виде электрических сигналов, нулей и единиц или посредством компьютерной техники, что не имеет существенного значения для уголовного процесса. В первую очередь суд и стороны заинтересованы в достоверности информации и возможности её исследования в ходе разбирательства. Соответственно, заслуживает поддержки вывод Ю. Н. Соколова о том, что электронная информация — понятие более широкое, охватывающее как компьютерную, так и цифровую информацию, а также согласованное с употребляемым в УПК РФ термином «электронные носители информации» [10, с. 43-51]. В связи с чем в рамках проводимого исследования сосредоточимся на понятии «электронные доказательства» как на основном.

Как правило, исследователи понимают под электронным доказательством электронную информацию в некоем чистом виде [3, с. 10], электронные документы [11, с. 8-14] либо электронные носители [5, с. 8]. При таком многообразии следует согласиться с мыслью о том, что электронная информация может не иметь каких-либо реквизитов, позволяющих отнести её к электронным документам с точки зрения закона [12, с. 48]. Сама по себе абстрактная информация не является доказательством [13, с. 22-23]. Кроме того, далеко не всегда имеет смысл заострять внимание на электронном носителе как средстве хранения информации. Сведения могут быть скопированы на другой носитель или помещены в систему электронного документооборота. В связи с чем электронный носитель имеет лишь вторичное значение в формировании понятия электронных доказательств, а полноценное исследование его внешних признаков (масса, внешний вид, модель и номер устройства) может иметь место, когда он сохранил на себе иные следы преступления помимо электронных, например, отпечатки пальцев, следы крови [14, с. 136].

Многие доказательства из классического перечня в ч. 2 ст. 74 УПК РФ могут быть теоретически изготовлены в форме электронного документа, но тем самым они не изменяют свою изначальную природу. Например, для протоколов следственных действий

и судебного заседания техническим является лишь способ их изготовления (ст. 166, 259 УПК РФ). Показания участников даются непосредственно, и их оглашение, в том числе с воспроизведением записи на электронных устройствах, возможно в исключительных случаях (276, 281 УПК РФ). Иные документы также могут быть представлены в электронном виде, при этом отражения следов преступления они не содержат [\[7, с. 16-20\]](#).

Согласно позиции, выраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57, в суде могут быть представлены электронные документы и электронные образы документов, которые объединяет электронная форма их существования. Электронные образы формируются из существующих в материальном мире предварительных источников, например бумажных документов, с помощью сканирования, фотографирования и других способов оцифровки. Электронные документы никакого заранее существующего источника не имеют. Данный подход может быть использован для отделения электронных доказательств (возникающих в электронной среде сведений, отражающих следы преступления) и иных доказательств, для которых электронная форма выступает способом фиксации, передачи или создания образа [\[15, с. 80-85\]](#).

Конвенция ООН против киберпреступности (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24.12.2024) устанавливает особенности собирания, обмена и использования доказательств в электронной форме. Следовательно, для реализации положений Конвенции необходима разработка соответствующего правового регулирования электронных доказательств в национальном законодательстве. В этом контексте закономерным представляется обращение к исследованиям зарубежных учёных, особенно в тех правовых системах, где электронная информация в том или ином виде включена в систему доказательств по уголовному делу.

В уголовно-процессуальном законе Китая электронные данные признаны самостоятельным видом доказательств. Так, в перечень доказательств, предусмотренный ст. 50 УПК КНР, включены электронные данные (电子数据^[11]). Согласно исследованию китайских учёных, важным признаком, который подлежит установлению в отношении электронных доказательств, является их целостность, что по сути значит идентичность. Файл должен быть идентичен сам себе в разные периоды времени на протяжении всего процесса, а его копии должны совпадать с оригиналом. Для проверки целостности в Китае предусмотрены различные способы, например, применение цифровых подписей и сертификатов, вычисление значения контрольной суммы, запечатление процесса собирания на видеозапись, допрос свидетелей и другие [\[16\]](#). Фиксация контрольной суммы (хеш-значения) является одним из наиболее простых и эффективных методов подтверждения целостности электронного документа. Совпадение контрольных сумм позволяет установить тождество скопированной информации оригиналу [\[17, с. 41\]](#). Согласно ГОСТ 34.10-2018, хеширование лежит в основе технологии электронной подписи, которая, помимо подтверждения личности автора, позволяет контролировать целостность данных и защищает их от подделки. Электронные подписи и хеширование уже активно используются в мировой юридической практике.

В 2023 г. в доказательственном праве Индии произошли значительные изменения, которые конкретизировали использование в доказывании как первичных электронных доказательств, так и их копий. Новый закон установил требование об обязательном наличии сертификата электронного доказательства, содержащего описание фиксируемой информации и её хеш-значение, вычисленное одним из предусмотренных законом

способов [\[18, с. 88859\]](#). По форме такой сертификат представляет краткий протокол, который заполняют сторона, предъявляющая доказательство, и эксперт. В то же время судебная практика допускает исключения из правила об обязательном наличии такого сертификата, если доказательства представляются на первичном, изъятом в ходе расследования электронном носителе информации [\[19, с. 25\]](#). Кроме того, электронные образы документов и цифровые копии допустимы без сертификата, если суд получает их из надлежащего хранилища электронных данных [\[19, с. 28\]](#). Таким образом, сбалансирован формальный подход к подтверждению достоверности электронных данных.

Уголовно-процессуальный закон Бразилии непосредственно включает требование о соблюдении цепочки хранения доказательств с момента их получения следователем или экспертом, что в отношении электронных доказательств может быть обеспечено при помощи хеширования [\[20, с. 8\]](#). Автор считает, что для подтверждения подлинности и целостности электронных доказательств в первую очередь необходимо использовать компьютерные методы их фиксации, хранения и представления [\[20, с. 9\]](#). Одновременно с этим констатируется, что отсутствие специальных норм об электронных доказательствах является источником правовой неопределённости и риском нарушения прав участников судопроизводства [\[21, с. 27\]](#). Например, Верховный суд Бразилии признал, что доказательства, полученные полицией, являются недопустимыми, поскольку отсутствует надлежащим образом оформленная документация и иные доказательства, которые бы подтверждали порядок и методологию изъятия электронных доказательств и обеспечения их целостности. Судья-докладчик прямо упоминает, что сотрудники полиции могли бы использовать хеширование, подчёркивая, что нарушения процедуры документирования подрывают профессионализм полиции и не могли иметь места, поскольку данная технология применяется уже несколько лет [\[22, с. 15-17\]](#).

В Объединённых Арабских Эмиратах закон прямо предусматривает, что электронные доказательства, подлинность которых подтверждена, могут использоваться наравне с вещественными [\[23, с. 524\]](#). Законодатель ОАЭ закрепил положения о целостности электронных данных как необходимом условии их допустимости [\[23, с. 534\]](#). По мнению исследователей, процедура получения электронных доказательств требует более подробной регламентации, отражающей требования о том, чтобы такие сведения собирались компетентным субъектом, при необходимости с привлечением эксперта или специалиста, осуществлялась процедура проверки цифровых копий и по необходимости оригиналов, фиксация содержания доказательства в протоколе перед отправлением его на экспертизу [\[23, с. 530\]](#).

В Египте согласно ст. 11 Закона «О борьбе с киберпреступностью и преступлениями в сфере информационных технологий» электронным доказательствам также придаётся юридическая сила, равная вещественным доказательствам, в случае, если соблюдены технические требования, предусмотренные подзаконными актами [\[24\]](#).

Правила доказывания США допускают, что электронное доказательство может быть отнесено к категории самостоятельно подтверждающих свою подлинность (то есть не требующих дополнительных свидетельских показаний), когда такие данные заверены методами цифровой сертификации квалифицированным лицом [\[25, с. 39-42\]](#). Данное правило не ограничивается какой-то конкретной технологией, но на практике преимущественно используется хеширование. При этом исследователи приходят к

выводу о том, что на современном этапе установление тождества двух файлов иными способами, помимо хеширования, не только неэффективно, но и затратно по времени [\[26, с. 16\]](#).

Исходя из изложенного, во многих мировых правовых порядках уделяется достаточно серьезное внимание проблематике электронных доказательств. Подчеркивается их изменчивость и тот факт, что обычный осмотр электронного документа без предварительной фиксации его содержимого не позволяет достоверно установить, были ли внесены в него какие-либо изменения. В связи с этим в различных странах предлагается на доктринальном уровне либо уже получило закрепление в законе правило о возможности подтвердить целостность электронного доказательства при помощи цифровых технологий: видеозаписи процесса собирания доказательства, прикрепления к процессуальным документам хеш-значения (контрольной суммы) электронного доказательства либо электронной подписи. Такое требование, по сути, придаёт произвольной электронной информации процессуальный статус полноценного электронного документа, а затем и доказательства, поскольку она наделяется рядом реквизитов, которые могут иметь процессуальное значение для подтверждения целостности и достоверности данных в ходе их копирования и длительного хранения.

Подводя итоги, отметим следующие значимые положения. С ростом цифровизации электронные доказательства в уголовном судопроизводстве получают всё большее значение. В Российской Федерации данное явление не выходит за пределы доктрины, в зарубежных правовых порядках, напротив, получают закрепление отдельные нормы, учитывающие специфику электронных доказательств. Учитывая различия в мировых практических и доктринальных подходах, понятие электронного доказательства может быть сформулировано следующим образом.

Электронное доказательство — это изначально существовавшая в электронной форме информация, сохранившая следы преступления, полученная в соответствии с законом, зафиксированная в виде электронного документа, целостность которой подтверждается протоколом следственного или судебного действия, а также электронно-цифровым способом верификации, исследуя которую перечисленные в законе субъекты доказывания могут установить обстоятельства уголовного дела.

В зависимости от степени эквивалентности оригиналу можно выделить: 1) оригинал электронного доказательства — сведения, содержащиеся на первичном электронном носителе, изъятом в ходе следственных действий; 2) идентичные копии ЭД — сведения, полностью совпадающие с оригинальной информацией, что удостоверяется средствами цифровой верификации (электронная подпись, контрольная сумма); 3) иные копии — сведения, воспроизводящие электронную информацию, не содержащие подтверждающих их целостность отметок. Юридическое значение данной классификации состоит в том, что суд в ходе рассмотрения дела может обращаться к идентичным копиям с оригиналом. Это позволяет упростить процесс восстановления электронного доказательства по его копии, распространять на неё результаты следственных действий, проведённых с оригиналом, непосредственно исследовать доказательства в параллельно идущих процессах. Иные копии не обладают презумпцией подлинности, которая может дополнительно подтверждаться, например, протоколами следственных действий, свидетельскими показаниями, экспертизой.

Исследование показывает, что применение современных технологий может служить для достижения назначения уголовного процесса, позволяет сделать его более прозрачным, устойчивым к искажению истины. Электронные доказательства и различные средства,

обеспечивающие их подлинность, могут более активно использоваться в процессе. Однако, невозможно фокусироваться лишь на технической составляющей, упуская из виду ориентиры уголовного судопроизводства, призванные обеспечивать справедливость и доверие общества к правосудию. В конечном счёте задача цифровизации — это не подмена правосудия техникой, а приспособление и адаптация фундаментальных правовых ценностей к современным условиям.

[\[1\]](https://www.gov.cn/xinwen/2018-10/27/content_5334920.htm) Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-10/27/content_5334920.htm

Библиография

1. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 1. С. 270-294. DOI: 10.21202/jdtl.2023.11. EDN: SGAOKS.
2. Россинский С. Б. О доктринальных подходах к пониманию доказательств по уголовному делу: история и современность // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 6. С. 57-69. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069. EDN: JDHPLR.
3. Количенко А. А. Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. – Нижний Новгород, 2024. 224 с. EDN: IVFWDX.
4. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152). С. 74-84. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084. EDN: JZBDUT.
5. Оконенко Р. И. "Электронные доказательства" и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис. ... кан. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2016. 158 с. EDN: VMNEAE.
6. Яковлева К. Ю. Использование электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – Москва, 2023. 202 с.
7. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. док. юрид. наук: 12.00.09. – 2015, М. 454 с. EDN: QIXPVH.
8. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09. – Челябинск, 2010. 20 с. EDN: QGZBQF.
9. Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2018. 251 с. EDN: BPRQKQ.
10. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... док. юрид. наук: 5.1.4. – Екатеринбург, 2023. 440 с. EDN: EGYKTJ.
11. Митрофанова М. А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.15. – Саратов, 2013. 27 с. EDN: SVERLD.
12. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2020. № 3 (26). С. 46-51. EDN: YJXYEK.
13. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 1. С. 15-25. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002. EDN: KORQGW.
14. Малыгин К. В. Использование электронных документов в уголовном

судопроизводстве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2024. 303 с.

15. Шалумов М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2021. № 12 (204). С. 80-85. DOI: 10.53114/20764413_2021_12_80. EDN: SBPAFK.

16. Го Ч., Чен С. "Электронные доказательства в Китае" // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. С. 35-51. DOI: 10.17803/2618-8198.2024.23.1.035-051. EDN: YTUIIA.

17. Яковлева К. Ю. Контрольная сумма как элемент достоверности доказательства, содержащего электронную информацию, в уголовном процессе // Российский следователь. 2024. № 2. С. 39-43. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-2-39-43. EDN: QTOFGL.

18. Bharati R. K., Nagarale S. Digital Forensic Science and Evidentiary Standards in the Bharatiya Sakshya Adhiniyam (BSA) 2023: A Legal Examination of Admissibility // Indian Journal of Natural Sciences. February, 2025. Vol. 15, issue 88. Pp. 88853-88866.

19. Varghese J. Electronic and digital records under Bharatiya Sakshya Adhiniyam, 2023. Part II. Judicial Vision. May, 2024. Pp. 1-28.

20. Righi Ivahy Badaró, G. H. Os standards metodológicos de produção na prova digital e a importância da cadeia de custódia // Boletim IBCCRIM. São Paulo. 29 (343). P. 7-9.

21. Saad M., Costa Rossi H., Partata P. Henrique. Does obtaining digital evidence in criminal proceedings require its own legal discipline? An analysis of the concept, characteristics and peculiarities of digital evidence // Brazilian Journal of Criminal Procedure. 2024. Vol. 10, No. 3. Pp. 1-34.

22. Silva D. B., Barbosa R. de S. Provas digitais e a cadeia de custódia no rhc 143.169 // Revista contemporânea. Vol. 4. No. 12. Article e6782.

23. Alhawawsheh A., Alfalahi Q., Soltan K., Taher A., Dhaheri L. Digital Evidence as a Means of Proof in Criminal Proceedings in the UAE // Access to Justice in Eastern Europe. 2025. 8(3). P. 1-20.

24. Chawki M. Anti-Cyber and Information Technology Crimes Law. Egypt Law No. 175 of 2018. Unofficial Translation. Paris, 2020.

25. Grimm P. W., Capra D., Joseph G. P. Authenticating Digital Evidence // Baylor Law Review. 2017. Vol. 69. P. 1-55.

26. Facciola J. M., Barrett L. Law of the Foal: Careful Steps Toward Digital Competence in Proposed Rules of Evidence 902(13) and 902(14) // Georgetown Law Technology Review. 2016. Vol. 1. P. 6-34.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам использования электронных доказательств в уголовном процессе. Автором на основе правовых актов различных стран, а также практики, которая складывается в разных государствах, делаются выводы о том, как решить проблемы использования данного рода доказательств в уголовном процессе. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства разных стран, мнения ученых,

материалы судебной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об использовании электронных доказательств в уголовном процессе в разных странах. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, в самой статье отмечается, что «Исследование проводится на базе общенаучных методов познания с применением частно-научных юридических методов. Юрико-догматический метод позволил выявить содержание и интерпретировать действующие процессуальные нормы. Метод сравнительного правоведения обеспечил изучение особенностей регулирования электронных доказательств в зарубежных странах. Формально-логический метод использовался при построении понятия электронных доказательств через выявление их особенностей и отграничение от смежных категорий».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Многие доказательства из классического перечня в ч. 2 ст. 74 УПК РФ могут быть теоретически изготовлены в форме электронного документа, но тем самым они не изменяют свою изначальную природу. Например, для протоколов следственных действий и судебного заседания техническим является лишь способ их изготовления (ст. 166, 259 УПК РФ). Показания участников даются непосредственно, и их оглашение, в том числе с воспроизведением записи на электронных устройствах, возможно в исключительных случаях (276, 281 УПК РФ)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема использования электронных доказательств в уголовном процессе в различных странах сложна и неоднозначна. Электронные доказательства используются все чаще ввиду того, что именно в онлайн пространстве остаются следы преступления. Однако не всегда понятно, как работать с данными доказательствами. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Цифровизация и стремительное развитие информационных технологий оказывают существенное влияние на все сферы жизни общества, включая право. В уголовном процессе всё большее значение приобретают электронные доказательства, однако в Российской Федерации их изучение по большей части находится в стадии формирования, доктринального осмысления, когда в практике и законе продолжают использоваться традиционные подходы к электронным данным как к вещественным или письменным доказательствам. Законодательство минимально учитывает специфику электронной информации, не предусматривая, какое она может иметь процессуальное значение».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она

выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«С ростом цифровизации электронные доказательства в уголовном судопроизводстве получают всё большее значение. В Российской Федерации данное явление не выходит за пределы доктрины, в зарубежных правовых порядках, напротив, получают закрепление отдельные нормы, учитывающие специфику электронных доказательств. Учитывая различия в мировых практических и доктринальных подходах, понятие электронного доказательства может быть сформулировано следующим образом».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«в различных странах предлагается на доктринальном уровне либо уже получило закрепление в законе правило о возможности подтвердить целостность электронного доказательства при помощи цифровых технологий: видеозаписи процесса собирания доказательства, прикрепления к процессуальным документам хеш-значения (контрольной суммы) электронного доказательства либо электронной подписи. Такое требование, по сути, придаёт произвольной электронной информации процессуальный статус полноценного электронного документа, а затем и доказательства, поскольку она наделяется рядом реквизитов, которые могут иметь процессуальное значение для подтверждения целостности и достоверности данных в ходе их копирования и длительного хранения».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с доказательствами в уголовном процессе.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, предложив конкретные идеи по поводу российского и зарубежного законодательства в связи с использованием электронных доказательств в уголовном процессе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Дмитриева А. А., Пастухов П. С., Россинский С. Б., Количенко А. А., Митрофанова М. А., Bharati R. K., Nagarale S. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного процесса.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к проблеме использования электронных доказательств в уголовном процессе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шокур А.В. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну //

Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75586 EDN: YLPJEJ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75586

Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну

Шокур Андрей Владимирович

старший преподаватель; высшая школа публичного права; Тихоокеанский государственный университет

680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 140

✉ 2020104885@togudv.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75586

EDN:

YLPJEJ

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Дата публикации:

06-09-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию актуальной проблемы дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну в современном российском уголовном праве. Автор акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к обеспечению надлежащей правовой охраны указанной сферы правоотношений, подчеркивая значимость различия между сбором и распространением конфиденциальной информации. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере охраны личной и семейной тайны, а также уголовно-правовые механизмы, обеспечивающие защиту данных отношений. Предметом исследования являются юридические конструкции и правовые институты, регулирующие дифференциацию уголовной ответственности за указанные правонарушения. Цель исследования заключается в разработке научно-обоснованных

предложений по совершенствованию механизма дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну, учитывая современные тенденции и усиление угрозы вторжения в приватную сферу граждан. Особое внимание уделено изучению международного опыта и судебной практики высших судебных инстанций России. Автором выявлены недостатки действующего законодательства, касающиеся недостаточной дифференциации ответственности за сбор и распространение личной и семейной тайны. Предложены рекомендации по повышению эффективности правовой охраны конфиденциальности, включающие введение дополнительной ответственности за нарушение персональной информации, касающихся разных видов тайн, а также ужесточение санкций за отдельные случаи разглашения. Методологическая основа исследования включает использование формально-логических приемов анализа и синтеза, классификацию и ограничение понятий, сравнительное правоведение, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Научная новизна работы состоит в детальном анализе ныне существующих подходов к дифференциации уголовной ответственности, а также систематизации зарубежных практик и выработке конкретных рекомендаций по реформированию отечественного законодательства, ориентирующихся на повышение уровня защищенности личной и семейной тайны в условиях современных технологий и социальных изменений. В отличие от существующих подходов, рассматривающих личную и семейную тайну как единый или смежный объект, в исследовании обосновывается их дифференциация. Личная тайна позиционируется как ядро конституционного права на неприкосновенность частной жизни индивида, в то время как семейная тайна трактуется как доверительная информация, возникающая в рамках особой социальной общности – семьи, и защищаемая в интересах всех ее членов.

Ключевые слова:

дифференциация, уголовная ответственность, преступление, состав преступления, личная тайна, семейная тайна, персональные данные, уголовное законодательство, санкции, наказание

Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну в современном российском уголовном праве приобретает особую остроту в условиях цифровизации общества и государства, роста числа нарушений конфиденциальности, что требует глубокого анализа существующих подходов и выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства. Актуальность уголовно-правовых исследований в данной области обусловлена рядом обстоятельств, среди которых особое значение приобретают следующие.

Во-первых, рост угроз произвольного вторжения в частную жизнь. Современные технологии позволяют легко собирать и распространять личные данные, что повышает риск нарушения конфиденциальности и усиливает необходимость эффективной правовой защиты. Во-вторых, действующее уголовное законодательство недостаточно четко разграничивает ответственность за сбор и распространение конфиденциальной информации, составляющей личную и семейную тайну гражданина, что создает пробелы в правовом регулировании. В-третьих, анализ зарубежного законодательства показывает успешные примеры дифференциации ответственности, которые могут быть имплементированы в российскую правовую систему. В-четвертых, повышенная

социальная значимость семьи и межличностных отношений (особенно в контексте конституционного принципа социальной солидарности): личная и семейная тайна играет важную роль в поддержании стабильности семейных и межличностных отношений, и её защита требует особого внимания со стороны закона. Наконец, в настоящее время существуют сложности в определении состава преступления и назначении адекватного наказания, что также требует разработки четких критериев и механизмов дифференциации уголовной ответственности. Таким образом, возникает потребность в исследовании, которое направлено на разработку научно обоснованных предложений по совершенствованию механизма дифференциации уголовной ответственности, что делает его актуальным и значимым для современной правовой науки и практики.

Общим вопросам дифференциации уголовной ответственности в отечественной юридической науке посвящены работы М. В. Арзамасцева, В. К. Дуюнова, С. В. Кондратюк, В. Н. Кудрявцева, Т. А. Лесниевски-Костаревой, Е. В. Роговой, Ю. А. Тимошенко, А. В. Шеслера и других исследователей. При этом специальные исследования, относящиеся к вопросам дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну, проводились, в частности, такими авторами, как: А. Р. Акиев, И. И. Бунова, В. Н. Воронин, И. Р. Диваева, Ю. В. Николаева, Т. Н. Нуркаева, О. А. Пальчиковская.

Признавая достоинства и вклад проведенных исследований названных и других авторов в юридическую науку, стоит отметить, что многие из их научных работ выполнены в иных социально-экономических условиях, не учитывающих по объективным причинам масштабов современных тенденций и процессов масштабной цифровизации общества и государства, насущных требований обеспечения повышенной защищенности частных аспектов жизни индивидов и их коллективов. Кроме того, не все имеющиеся исследования в области уголовно-правовой охраны частной жизни, личной и семейной тайны опирались на действующее правовое регулирование, учитывали его стремительное развитие и возникающие в связи с этим проблемы правовой регламентации и правоприменения. Сказанное, как представляется, обуславливает необходимость в проведении дополнительных исследований по вопросам дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Стоит отметить, что настоящее исследование предлагает методологические основы дифференциации уголовной ответственности, включающие помимо прочего формально-логические приемы анализа и синтеза, классификацию, ограничение понятий и использование международно-правового опыта (элементы компаративного анализа). Так, автор использует приемы формальной логики в целях ограничения понятия «дифференциация» в контексте правовой теории и юридической практики, а также обоснования избранного законодателем способа юридико-технического оформления структурных элементов уголовно-правовых норм. Кроме того, проведено деление по видам уголовно-правовой дифференциации. При этом использование элементов метода сравнительного правоведения позволило сделать вывод о целесообразности заимствования подходов, сформированных в уголовно-правовом регулировании некоторых стран СНГ, в условиях российского правопорядка.

Дифференциация обычно определяется через категории: «разделение», «расчленение», «расслоение», - что в латинизированной версии означает «различение» или «разделение с целью установления отличий, распознавание частей» [\[9, 99\]](#). Однако для более полного уяснения феномена дифференциации необходимо, на наш взгляд,

установить коррелирующие дифференциации простейшие логические приемы (операции), которые продемонстрируют «архитектуру различения» юридического материала, с которым предстоит далее работать.

Так, при обращении к исследованиям, посвященным вопросам дифференциации уголовной ответственности [\[1, 3, 12, 14, 15\]](#), можно отметить, что в ее основе лежат формально-логические приемы ограничения и деления понятий (в том числе классификация), а также сечение (расчленение) целого на части. Примечательно, что деление и расчленение противопоставлены с точки зрения логики [\[6, 46; 54-58.\]](#), поскольку понятия способны делиться до известного предела, тогда как их сечение недопустимо (это логическая ошибка), разбить целое на части можно в физическом смысле либо построить мыслительную модель сечения объекта материального мира. В то же время законодатель в действующем УК РФ лишь на первоначальном этапе дифференциации уголовной ответственности пользуется правилами ограничения и классификации, оперируя родо-видовыми категориями, например, «принуждение», «ответственность», а затем сообразно правилам юридической техники группирует нормативный материал через отношения «часть-целое», что продиктовано объективными закономерностями и спецификой охраняемых уголовным законодательством общественных отношений: преступление и его состав, санкция и наказание, общий и специальный (привилегированный, квалифицированный и особо квалифицированный) составы преступления невозможно представить в рамках родо-видовых логических связей посредством осуществления соответствующих логических приемов, что соответствует замыслу пандектной системы построения кодифицированного уголовного законодательства. Таким образом, ведя речь о дифференциации уголовной ответственности, следует иметь в виду, что ее основой будет именно отношение части и целого, например: институт уголовного законодательства – группа обособленных уголовно-правовых норм, конкретная норма в рамках статьи УК РФ.

Данная логика дифференциации уголовной ответственности с рядом теоретических уточнений положена в основу данного исследования. Но для начала необходимо установить сущность дифференциации уголовной ответственности вообще, а затем перейти к ее изучению относительно уголовной ответственности за посяательства на личную и семейную тайну.

Так, по мнению В.К. Дуюнова и С.В. Кондратюк, сущность дифференциации в уголовном законодательстве «заключается в нормативном обеспечении справедливой реакции государства на совершаемые преступления путем установления в законодательстве необходимых и достаточных условий, средств и возможностей для соразмерного содеянному уголовно-правового воздействия на разные категории правонарушителей» [\[4, 202\]](#). Иными словами, дифференциация уголовной ответственности представляет собой не что иное как последовательную реализацию законодателем принципа справедливости. При этом идею дифференциации уголовной ответственности как средства законодательной оценки общественной опасности преступлений обстоятельно и аргументированно отстаивает А.В. Шеслер, утверждая, что в отличие от правоприменительной деятельности, которой присуща индивидуализация ответственности на основе оценочных норм уголовного законодательства, дифференциация суть процесс и результат законодательной работы и реализации соответствующего метода уголовно-правовой политики [\[16, 127\]](#).

На справедливость вышеназванных позиций указывают не только законопроектная и законодательная деятельность, направленная на реализацию соответствующих программ

и концепций, но и результаты ранее проведенных исследований, посвященных моделям криминализации противоправных деяний [\[7, 5-6\]](#).

Иначе говоря, «идея дифференциации ответственности, таким образом, с содержательной стороны представляет собой принцип (основополагающую идею, руководящее начало) уголовно-правовой политики, который в уголовном законодательстве получает свое выражение в качестве одного из требований принципа справедливости. Так, согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Как с точки зрения содержательной, так и с позиций юридической техники, представляя собой прием построения законодательства, она выражается в требовании: 1) законодательного обеспечения (наличия достаточно полного, полноценного) комплекса необходимых инструментов, которыми мог бы руководствоваться правоприменительный орган для определения справедливой меры уголовно-правового воздействия; 2) соответствующей (оптимальной) законодательной дифференциации указанных инструментов, их надлежащего урегулирования и организации» [\[4, 211\]](#).

Стоит отметить, что дифференциацию уголовной ответственности высшие судебные инстанции также связывают с реализацией принципов справедливости и гуманизма.

В частности, выявляя конституционно-правовой смысл отдельных норм Особенной части Уголовного Кодекса РФ, Конституционный Суд РФ указал, что данные законоположения «призваны обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (См. п. 24 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2019 года // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2019. № 11).

Кроме того, в Определении от 12.11.2020 № 2597-О Конституционный Суд РФ сформулировал следующую правовую позицию: «В соответствии со статьей 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации для осуществления задач Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель устанавливает основные и дополнительные виды наказаний за совершение преступлений, что не выходит за рамки средств, которые могут быть использованы для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств... наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Иными словами, Конституционный Суд РФ, во-первых, дифференциацию уголовной ответственности считает проявлением принципа справедливости, во-вторых, связывает такую дифференциацию исключительно с деятельностью законодателя. Аналогичного подхода придерживается и Верховный Суд РФ, разграничивая дифференциацию ответственности и индивидуализацию исполнения наказания (См. п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. №

7).

Но рассмотрение дифференциации уголовной ответственности как проявления принципа справедливости (отчасти и принципа гуманизма) фактически относится к содержательному аспекту процесса (деятельности) по дифференциации. Формальная сторона дифференциации уголовной ответственности проявляется в использовании законодателем правил юридической техники при формулировании отдельных положений уголовного законодательства (преимущественно в рамках Особенной части УК РФ).

Согласно сложившейся в юридической науке позиции «юридическая техника представляет собой (имеется в виду правотворческая форма реализации юридической техники, а точнее – законотворческая) совокупность исторически сложившихся методов придания законодательным актам оптимальной языковой формы и логической структуры, достижения научной истинности их содержания» [\[2, 53; 11, 139\]](#). В таком случае дифференциацию уголовной ответственности можно рассматривать в качестве сложного метода (совокупности приемов, правил) юридико-технического оформления законодательных актов (в частности, когда речь идет об уголовном законе).

Вместе с тем дифференциация юридической ответственности имеет и более широкий смысл, позволяющий производить различие уголовной ответственности как в отношении иных видов социальной (и ее частного случая – юридической) ответственности, так и в рамках уголовного законодательства (на уровне обособления и специализации средств уголовно-правовой охраны тех или иных общественных отношений).

Данная последовательность суждений, образующих теоретическую модель дифференциации юридической ответственности, может быть использована для наиболее полного и убедительного представления дифференциации уголовной ответственности за посягательства на частную тайну.

Так, дифференциация ответственности за посягательства на личную и семейную тайну по общеправовому признаку предполагает отграничение юридической ответственности во всем ее многообразии от ответственности социальной (выступающей родовой категорией по отношению к юридической ответственности). Это, в первую очередь, означает определение границ юридического воздействия на лицо, нарушающее неприкосновенность частной жизни иного лица (лиц). Действительно, нарушитель, посягнувший на личную или семейную тайну, может быть подвергнут общественному порицанию, встретить сопротивление со стороны представителей общественности, отдельных индивидов, может быть исключен из различных межличностных отношений и коммуникаций и т.д., что характеризуется общим понятием социальной ответственности, а не юридической.

В свою очередь, юридическая ответственность за соответствующие противоправные деяния имеет место в условиях регламентации оснований и условий, порядка привлечения к юридической ответственности: необходимы правовые нормы, ставящие под охрану конкретные блага (личную и семейную тайну), механизм их реализации, наличие состава того или иного правонарушения – лишь тогда можно говорить о юридической ответственности в отличие от социальной.

В то же время не существует юридической ответственности как таковой, это обобщающая теоретическая категория, охватывающая множество конкретизированных деятельностей и отношений, связанных с реализацией принудительных мер: частно-правовых

(гражданско-правовая ответственность) и публично-правовых (административная, дисциплинарная и уголовная ответственность). При этом межотраслевая дифференциация юридической ответственности за противоправные посягательства на личную и семейную тайну демонстрирует комплексный характер мер правового принуждения, закрепленных в разноотраслевых кодифицированных правовых актах, например: ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ. Межотраслевое основание для дифференциации юридической ответственности позволяет представить всю систему принудительных мер воздействия на правонарушителя в одном ряду для дальнейшей дифференциации по отраслевому признаку, обособив уголовно-правовую ответственность от административной, дисциплинарной и гражданско-правовой.

Наибольший интерес в целях настоящего исследования представляет дальнейшая дифференциация юридической ответственности за противоправные посягательства на личную и семейную тайну именно по отраслевому признаку и в рамках единственной отрасли уголовного права в зависимости от института уголовного законодательства, группы уголовно-правовых норм и в пределах конкретной уголовно-правовой нормы.

Так, целесообразно и обоснованно рассматривать дифференциацию уголовной ответственности за противоправное посягательство на личную и семейную тайну в рамках соотнесения регулятивных и охранительных институтов уголовного законодательства [\[5\]](#), установив в рамках второго из них необходимую и достаточную группу норм, посвященных охране неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

Российский законодатель обособил уголовно-правовые нормы, посвященные охране личной и семейной тайны (ст. 137, ст. 155 УК РФ), от иных норм, предусматривающих уголовную ответственность за противоправное посягательство на неприкосновенность частной жизни (ст.ст. 128.1, 138, 138.1, 139 УК РФ и др.). В основу такой дифференциации положено не только отличие в обеспечиваемых конституционных правах, но и в характере сведений, составляющих ту или иную тайну в зависимости от ее вида (ст.ст. 137, 138, 155 УК РФ), в зависимости от достоверности сообщаемой информации (ст. 128.1 и ст. 137 УК РФ), в зависимости от аспекта частной жизни (ст. 137, ст. 139 УК РФ), а также иные основания, которые в теории уголовного права связывают непосредственно с общественной опасностью противоправного деяния.

Например, по мнению Т.А. Лесниевски-Костаревой, «дифференциация как процесс, противоположный интеграции, характеризуется разделением, расслоением ответственности в законе в зависимости от типовой степени общественной опасности деяния и типовой степени опасности личности виновного» [\[8, 52\]](#). С данной позицией можно согласиться лишь отчасти, констатируя ее дискуссионный характер, в том числе неполноту, поскольку в основу дифференциации уголовной ответственности за посягательство на личную и семейную тайну положена не только общественная опасность деяния и лица его совершающего, но и иные критерии.

В частности, как следует из Особого мнения судьи К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П (Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2): «общественная опасность - не единственное основание законодательных решений в области уголовного права. Кроме нее и форм вины могут и должны быть, вероятно, учтены, например, особенности объективной стороны преступления, ожидаемые эффекты уголовной репрессии, включая общую и частную превенцию, попутные социальные, экономические, политические риски и еще многое - по законодательному усмотрению. Учесть можно и практику, репутацию уголовной

репрессии, и то, как ее средствами распоряжаются субъекты, обладающие правом уголовного преследования».

С учетом сказанного представляется верным обратить внимание на необходимость дифференциации уголовной ответственности (и наказаний) за деяния, посягающие на личную и семейную тайну, в следующих случаях:

1) в реалиях современного российского правового порядка должна быть установлена ответственность не только за незаконное собирание или распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну гражданина, но и за собирание или распространение персональных данных, когда такие действия повлекли причинение существенного вреда. На данную необходимость указывается также некоторыми исследователями [\[10\]](#).

При этом для реализации дифференцированного подхода к уголовно-правовой охране как личной и семейной тайны, так и персональных данных может быть использован законодательный опыт Республики Казахстан и Грузии, в уголовных кодексах которых (соответственно ст.147 УК Казахстана и ст. 157 УК Грузии) нашли отражения нормы об уголовно-правовой охране персональных данных. Также может быть заимствован и опыт Кыргызской Республики, по ч. 1 ст. 186 УК которой уголовной ответственности подлежат лица, которые незаконно собирают, хранят, используют и распространяют конфиденциальную информацию о частной жизни человека без его согласия. Стоит отметить, что на плодотворность подобного подхода, связанного с заимствованием положительного опыта других правовых порядков, в том числе в связи с юридической защитой неприкосновенности частной жизни, указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи [\[17;18\]](#).

Необходимость в данном подходе вызвана возросшим числом случаев несанкционированного вторжения в частную жизнь граждан в условиях цифровизации российского общества и государства, повышенной общественной опасностью деяний, связанных с незаконным получением разнообразных сведений о различных аспектах частной жизни граждан (не всегда относящихся к личной или семейной тайне), потребностью в действенном обеспечении законодательства о персональных данных и рядом других значимых обстоятельств.

2) дифференцированный подход, как представляется, должен быть реализован и при обеспечении уголовно-правовой охраны личной и семейной тайны отдельно от собирания соответствующих сведений о частной жизни граждан и от распространения таких сведений. Иными словами, российским законодателем в ч. 1 ст. 137 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность как за собирание, так и за распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Вместе с тем распространение сведений о личной или семейной тайне является более общественно опасным деянием, нежели просто собирание указанных сведений без намерения их дальнейшего распространения, в связи с чем ответственность (соответственно наказание) за распространение в данном контексте должна быть строже, чем за собирание сведений, составляющих личную или семейную тайну лица.

Справедливость данного подхода подтверждает, например, сравнение норм ст. 137 УК РФ и ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну): во втором случае реализован

дифференцированный подход к уголовной ответственности как за незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, так и за незаконное распространение таких сведений. По ч. 2 ст. 183 УК РФ (за незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну) санкцией предусмотрены более строгие наказания, чем в санкции ч. 1 ст. 183 УК РФ (за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Таким же образом возможно подойти к дифференциации ответственности за собирание / распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну (ст. 137 УК РФ).

Если при этом обратиться к зарубежному опыту, то можно сказать, что подобный подход частично реализован в ст. 176 Уголовного кодекса Республики Молдова, где уголовная ответственность за собирание сведений о частной жизни граждан с использованием технических средств отграничена от распространения таких сведений с использованием технических средств.

3) в то же время дифференцированный подход к установлению уголовной ответственности может быть реализован в отношении ее разграничения в зависимости от вида тайны, то есть в идеале под самостоятельную правовую охрану ставится личная тайна отдельно от семейной, наказание за собирание или распространение сведений о которой должно быть строже, поскольку в случае посягательства на семейную тайну страдает не единственное лицо, а правовая и социокультурная общность лиц – семья. Типовой характер и степень общественной опасности в случае посягательства на семейную тайну значительно выше, чем при посягательстве на тайну личную. Действительно, разделение частной тайны на личную и семейную согласно действующему законодательству должно представлять не только теоретический интерес, но и учитываться при формулировании диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, что соответствовало бы обоснованному, последовательному и исчерпывающему подходу у дифференциации уголовной ответственности за посягательство на личную / семейную тайну.

4) отдельного внимания заслуживает также дифференцированный подход к определению содержания (по виду и размеру наказаний) санкций уголовно-правовых норм, направленных на охрану личной и семейной тайны.

В частности, обоснованной является позиция Е.В. Роговой, В.С. Ишигеева, И.П. Парфиненко, согласно которой санкция должна обеспечивать принцип дифференциации уголовной ответственности [\[13, 718\]](#). Однако из сравнения санкций ч. 1 ст. 137 и ст. 155 УК РФ можно сделать вывод, что данный принцип не был учтен законодателем, который фактически трансформирует специальную норму об охране семейной тайны (тайны усыновления (удочерения), сведения о которой в данном случае нуждаются в усиленной защите, в привилегированную за счет установления менее строгих (в сравнении с предусмотренными ч. 1 ст. 137 УК РФ) наказаний, среди которых не нашло место даже лишение свободы.

Так, незаконное разглашение тайны усыновления (удочерения) предполагает возможность назначения следующих из наказаний: штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо арест на срок до четырех месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В свою очередь за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 137 УК РФ, могут назначаться следующие из перечисленных наказаний: штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо арест на срок до четырех месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

На практике возможна такая ситуация, что лицу, распространившему без согласия обладателя персональных данных сведения о его паспорте, будет назначено наказание в виде лишения свободы (в зависимости от учета всех обстоятельств дела), а лицу, разгласившему тайну усыновления (удочерения) будет назначен лишь штраф в пределах 80 000 рублей.

В связи со сказанным представляется верным реализовать принцип дифференциации уголовной ответственности при построении санкции ст. 155 УК РФ в качестве санкции специального квалифицированного (а не привилегированного) состава преступления по отношению к ч. 1 ст. 137 УК РФ, усилив ответственность (посредством изменения видов и размеров наказания) за деяния, направленные на разглашение тайны усыновления (удочерения).

Резюмируя сказанное, необходимо обратить внимание на важность последовательной и полной реализации принципа дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. При том такая дифференциация должна основываться не только на типовых характере и степени общественной опасности соответствующих деяний, но и учитывать различия в охраняемых сведениях, осуществляемых противоправных действиях, наступающих последствиях, предусмотренных санкциями уголовно-правовых норм наказаниях.

Таким образом, настоящее исследование направлено на развитие научно обоснованного подхода к формированию эффективных механизмов защиты частной жизни, личной и семейной тайны в условиях российского правопорядка на основе принципа и теоретико-прикладного концепта дифференциации уголовной ответственности. При этом значимыми результатами и выводами проведенного исследования являются: 1) необходимость введения дополнительной ответственности за нарушение персональных данных и формирования самостоятельных составов преступлений для разных видов охраняемых тайн; изменения санкций за отдельные случаи разглашения конфиденциальной информации, например, усиленная защита семейной тайны; 2) целесообразность заимствования международного опыта стран СНГ (Казахстан, Грузия, Кыргызстан), а именно конструкций специализированных норм для защиты персональных данных; 3) разница в общественном восприятии правонарушений против личного пространства и семейной тайны требует дифференцированного подхода к назначению уголовных наказаний, что с позиции уголовной политики должно найти отражение в действующем законодательстве; 4) рекомендованы структурированные изменения в тексте статей УК РФ (например, ст.ст. 137 и 155), которые обеспечивают адекватную защиту частной жизни, личной и семейной тайны. Представленные рекомендации могут способствовать укреплению доверия населения к правоохранительным органам и судам, повысить эффективность борьбы с нарушениями частной конфиденциальности (личной и семейной тайны).

Библиография

1. Арзамасцев М. В. Правила оценки признаков деяний, дифференцирующих административную и уголовную ответственность // Уголовное право. 2017. № 4. С. 12-20. EDN: ZHBIVR.
2. Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 52-59.
3. Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 98-107. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.098-107. EDN: ZDLSPR.
4. Дуюнов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 11А. С. 201-214. DOI: 10.34670/AR.2020.91.11.026. EDN: YCJOWA.
5. Жук М. С. Классификация уголовно-правовых институтов // Общество и право. 2009. № 5. С. 168-176. EDN: ONLSTT.
6. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов / под ред. проф. В. И. Кириллова. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. 235 с.
7. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3-10.
8. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 1998. 296 с.
9. Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1978. 311 с.
10. Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Нарушение неприкосновенности частной жизни: вопросы толкования и совершенствования законодательства // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1. С. 45-56. EDN: TIOLOD.
11. Орловская Н. А. Основания и принципы построения уголовно-правовых санкций: монография. Одесса: Юрид. лит., 2011. 622 с.
12. Рогова Е. В. Уголовно-политические основы дифференциации уголовной ответственности // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 53-58. EDN: ZGUDZZ.
13. Рогова Е. В., Ишигеев В. С., Парфиненко И. П. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 710-720. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).710-720. EDN: XQTRKT.
14. Тимошенко Ю. А. Уголовный проступок: способ межотраслевого сближения или дифференциации уголовной ответственности? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 112-115. EDN: CJKGOT.
15. Хачак Б. Н. Международно-правовые основы дифференциации уголовной ответственности (отдельные аспекты проблемы) // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 56-57. EDN: YQDYUY.
16. Шеслер А. В. Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3. С. 123-128. EDN: YAALKX.
17. Goode S. The Right to Privacy. / S. Goode. N.Y., 1983. 149 p.
18. Smith, Rhona K.M. The Essentials of Human Rights / Rhona K.M. Smith, van der Anker. Hodder Arnold, 2005. 382 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих в связи с уголовной ответственностью за посягательства на личную и семейную тайну. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация привлечения к уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать приемы анализа и синтеза, классификацию, ограничение понятий, компаративный анализ. Приемы формальной логики эффективно используются «в целях ограничения понятия «дифференциация» в контексте правовой теории и юридической практики, а также обоснования избранного законодателем способа юридико-технического оформления структурных элементов уголовно-правовых норм».

Актуальность разработки заявленной темы представляется достаточной, поскольку проблема семьи и семейных ценностей уделяется значительное внимание как на федеральном, так и на региональных уровнях. Так, семья включена в круг традиционных российских духовно-нравственных ценностей согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», минувший 2024 год был объявлен в России годом семьи. Следует, на наш взгляд, солидаризироваться с автором, что актуальность исследуемой темы определяется также следующими моментами: во-первых, ростом угроз произвольного вторжения в частную жизнь в условиях цифровизации общества, во-вторых, «действующее уголовное законодательство недостаточно четко разграничивает ответственность за сбор и распространение конфиденциальной информации, составляющей личную и семейную тайну гражданина, что создает пробелы в правовом регулировании»; в-третьих, «анализ зарубежного законодательства показывает успешные примеры дифференциации ответственности, которые могут быть имплементированы в российскую правовую систему»; в-четвертых, следует учитывать повышенную социальную значимость семьи и межличностных отношений.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну исследуется с учетом современных социально-экономических и технических тенденций.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода. Вместе с тем для межстранового исследования следовало бы использовать не только нормативно-правовые, но и научные зарубежные источники.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в уголовно-правовых и сравнительно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки в части дополнения источников она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. Автором рассматриваются проблемы квалификации данного вида преступлений, раскрываются различные подходы ученых по заявленной проблематике, предлагаются меры по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом цель исследования может быть ясно понята, исходя из наименования и содержания статьи. Цель исследования может быть сформулирована в качестве разрешения отдельных проблемных вопросов, связанных с дифференциацией уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Как с точки зрения содержательной, так и с позиций юридической техники, представляя собой прием построения законодательства, она выражается в требовании: 1) законодательного обеспечения (наличия достаточно полного, полноценного) комплекса необходимых инструментов, которыми мог бы руководствоваться правоприменительный орган для определения справедливой меры уголовно-правового воздействия; 2) соответствующей (оптимальной) законодательной дифференциации указанных инструментов, их надлежащего урегулирования и организации»».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, делаются авторские выводы на основании анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну сложна и неоднозначна. От решения данной тематики зависит охрана прав граждан, в том числе в аспекте охраны семейной тайны. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну в современном российском уголовном праве приобретает особую остроту в условиях цифровизации общества и государства, роста числа нарушений конфиденциальности, что требует глубокого анализа существующих подходов и выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства. Актуальность уголовно-правовых исследований в данной области обусловлена рядом обстоятельств, среди которых особое значение приобретают следующие».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«необходимо обратить внимание на важность последовательной и полной реализации принципа дифференциации уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну. При том такая дифференциация должна основываться не только на типовых характере и степени общественной опасности соответствующих деяний, но и учитывать различия в охраняемых сведениях, осуществляемых противоправных действиях, наступающих последствиях, предусмотренных санкциями уголовно-правовых норм наказаниях».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«При этом значимыми результатами и выводами проведенного исследования являются: 1) необходимость введения дополнительной ответственности за нарушение персональных данных и формирования самостоятельных составов преступлений для разных видов охраняемых тайн; изменения санкций за отдельные случаи разглашения конфиденциальной информации, например, усиленная защита семейной тайны».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с дифференциацией уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы, указав на конкретные направления совершенствования института уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Арзамасцев М.В., Воронин В.Н., Дююнов В.К., Кондратюк С.В., Жук М.С., Goode S. Smith, Rhona K.M. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного права.

Однако все источники опубликованы более чем 5 лет назад. Автору следует актуализировать библиографию.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, е способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об апелляции к оппонентам будет разрешен после актуализации списка литературы.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным вопросам, но только после актуализации библиографии.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает механизм дифференциации уголовной ответственности за преступления против личной и семейной тайны в российском уголовном праве. Автор рассматривает теоретические основы дифференциации, анализирует действующее законодательство и предлагает пути совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на защиту конфиденциальной информации о частной жизни граждан.

Методология исследования

Методологическая база исследования представляется достаточно обоснованной. Автор использует комплексный подход, включающий:

формально-логические приемы анализа и синтеза

методы классификации и ограничения понятий

элементы компаративного анализа зарубежного законодательства

системный анализ уголовно-правовых норм

Особо следует отметить корректное применение логических операций деления и расчленения при построении теоретической модели дифференциации. Автор обоснованно разграничивает эти логические приемы и показывает их специфику в контексте юридической техники.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Автор убедительно обосновывает необходимость изучения данной проблематики через призму современных вызовов:

интенсивная цифровизация общества и связанные с ней новые угрозы приватности
недостаточная дифференциация в действующем уголовном законодательстве
необходимость адаптации правовых механизмов к изменяющимся социальным реалиям
Временной контекст исследования выбран удачно – период масштабной цифровизации
действительно требует переосмысления подходов к защите персональных данных и частной жизни.

Научная новизна

Научная новизна работы проявляется в нескольких аспектах:

Теоретический вклад: автор предлагает оригинальную концепцию дифференциации, основанную на отношениях "часть-целое", что отличает его подход от традиционных родо-видовых классификаций.

Практические предложения: конкретные рекомендации по совершенствованию статей 137 и 155 УК РФ, включая предложения о разделении ответственности за собирание и распространение конфиденциальной информации.

Компаративный анализ: исследование опыта стран СНГ (Казахстан, Грузия, Кыргызстан) в сфере защиты персональных данных и его возможной имплементации в российском праве.

Вместе с тем, некоторые выводы автора требуют дополнительной аргументации, особенно касающиеся необходимости усиления ответственности за разглашение тайны усыновления.

Стиль, структура, содержание

Стиль изложения в целом соответствует научному жанру, однако местами избыточно усложнен. Некоторые предложения содержат излишне громоздкие конструкции, что затрудняет восприятие материала.

Структура работы логична и последовательна. Автор движется от общих теоретических положений к конкретным предложениям по совершенствованию законодательства. Однако переходы между отдельными разделами могли бы быть более плавными.

Содержательные замечания:

глубокая проработка понятийного аппарата дифференциации
обоснованная критика действующего законодательства
конструктивные предложения по совершенствованию правового регулирования
Недостатки:

недостаточное внимание к практике правоприменения
ограниченный анализ статистических данных о рассматриваемых преступлениях
некоторые выводы нуждаются в более детальной аргументации

Библиография

Библиографический аппарат насчитывает 18 источников, что представляется

достаточным для статьи подобного объема. Список включает как классические труды по теории уголовного права (В.К. Дуюнов, Т.А. Лесниевски-Костарева, А.В. Шеслер), так и современные исследования специализированного характера.

Положительно следует оценить включение зарубежных источников, что подтверждает компаративный характер исследования. Вместе с тем, библиография могла бы быть расширена за счет включения работ по цифровому праву и защите персональных данных, что усилило бы аргументацию автора.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знание различных научных позиций по исследуемой проблематике. Особенно удачно представлена дискуссия относительно оснований дифференциации уголовной ответственности, где автор полемизирует с позицией Т.А. Лесниевски-Костаревой.

Включение в анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ свидетельствует о комплексном подходе к исследованию. Однако автор мог бы более активно вступать в научную дискуссию, формулируя собственную аргументированную позицию по спорным вопросам.

Выводы и интерес для читательской аудитории

Основные выводы исследования можно оценить как обоснованные и практически значимые:

Предложение о введении специальной ответственности за нарушения в сфере персональных данных отвечает современным потребностям правового регулирования.

Идея разделения ответственности за сбор и распространение конфиденциальной информации представляется логичной и соответствующей принципам дифференциации.

Критика существующего подхода к санкциям за разглашение тайны усыновления заслуживает внимания законодателя.

Предложения по заимствованию опыта стран СНГ обоснованы и могут быть использованы в законотворческой деятельности.

Читательская аудитория: работа будет интересна научным работникам, специализирующимся в области уголовного права, студентам юридических вузов, практикующим юристам, а также законодателям при разработке изменений в уголовное законодательство.

Общая оценка

Рецензируемая статья представляет собой качественное научное исследование актуальной проблемы современного уголовного права. Автор демонстрирует глубокое знание теоретических основ дифференциации уголовной ответственности и умение применять их к конкретной сфере правового регулирования.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Назарова Н.А. Информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75576 EDN: YIQRXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75576

Информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание

Назарова Наталья Алексеевна

аспирант; кафедра частноправовых дисциплин; ФГНИУ "Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации" главный специалист по закупкам; ООО "Синара-Транспортные машины"

117218, Россия, г. Москва, Академический р-н, ул. Большая Черёмушkinsкая, д. 34

✉ nazarova29041980@mail.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75576

EDN:

YIQRXQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-08-2025

Дата публикации:

06-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является взаимосвязь информационного сопровождения публичных закупок и их результативности, в том числе контексте минимизации обжалования (в административном и судебном порядке). Автор делает акцент на электронизации и цифровизации публичных закупок в контексте заявленной темы исследования. При этом в авторском понимании электронизация является формой, а цифровизация – алгоритмом осуществления закупки (в широком смысле: не только как процедура, но как правоотношение, включающее контрактные обязательства). Автор рассматривает и оценивает роль операторов электронных торговых площадок в публичных закупках, отмечая, что не будучи непосредственными субъектами контрактации, они оказывают влияние, сопряженное с результативностью самого контракта. В статье дан анализ евразийского сотрудничества в плане информационной

интеграции, отмечена критическая составляющая взаимного признания электронных цифровых подписей. Методология работы представлена общенаучными методами исследования, как то анализ и синтез, дедукция, диалектика, системный и сравнительный методы, а также специальными методами, в частности, формально-юридическим. Кроме того, автором были применены статистический метод и метод наблюдения. Новизна исследования, представленного в статье, заключается в институциональном подходе к оценке информационного сопровождения публичных закупок (для государственных и муниципальных нужд); автором выявлены причинно-следственные связи между информацией и результативностью (эффективностью) закупок. Кроме того, автором впервые предложено понимание институционального наполнения информации о закупках в его взаимосвязи с административным контролем публичных закупок. Судебный контроль в статье не анализируется, поскольку является отдельным предметом исследования в связи с его процессуальной спецификой. Также автор делает вывод о влиянии деятельности операторов электронных торговых площадок на результативность закупок: не будучи непосредственными участниками обязательственных отношений заказчика и поставщика, они детерминируют контрактные обязательства, возникающие впоследствии. Автор делает прогноз о необходимости взаимного признания электронных цифровых подписей на уровне ЕАЭС, без которого будет невозможно формирования общего рынка публичных закупок на евразийском пространстве.

Ключевые слова:

закупки, публичные закупки, информация, транспарентность, электронный, цифровая закупка, Евразийский экономический союз, Электронная цифровая подпись, Оператор, импортозамещение

Введение

Как известно, в Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим сферу публичных закупок, является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Именно он определяет базовые принципы информационного обеспечения закупочных процедур: открытость и прозрачность информации, обеспечение конкуренции и профессионализма заказчиков, стимулирование инноваций, единство контрактной системы в сфере закупок, ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок.

Сегодня информационное обеспечение государственных закупок идет путем модернизации и технологического прогресса, что способствует построению максимально транспарентной системы государственного заказа.

Принцип профессионализма в российской контрактной системе требует наличия специалистов, обладающих специальными знаниями и опытом. Профессионалы, обладающие глубоким пониманием договорного права, нормативных актов и отраслевой специфики, помогают системе работать более эффективно. Эти специалисты могут предоставить ценную информацию, выявить потенциальные риски и обеспечить соблюдение требований законодательства, что в конечном итоге приведет к улучшению результативности контракта. Подготовка кадров в сфере государственных закупок

является задачей, о важности которой среди прочего свидетельствует утверждение профессиональных стандартов^[1].

Принцип профессионализма напрямую связан с информационным обеспечением закупок, которые подвержены рискам, обусловленным, во-первых, человеческим фактором, поскольку при формировании извещений и заключении контрактов не всегда можно избежать ошибок; в связи с чем в перспективе нужно использовать искусственный интеллект в целях их нивелирования. Во-вторых, уровень компетентности специалистов контрактной службы заказчика может оказаться недостаточным, что до сих пор актуально для удаленных регионов, где ошутим кадровый голод контрактной системы.

Основная часть

Одной из основных фигур, способствующих самому возникновению контрактных отношений, выступают операторы электронных торговых площадок. Электронная площадка – это комплекс информационных и технических решений, обеспечивающий взаимодействие заказчика с поставщиком через электронные каналы связи на всех этапах заключения сделки. Кроме того, электронную площадку можно рассматривать как средство взаимодействия участников торгов и информационный элемент инновационной инфраструктуры.

В контексте информационного обеспечения особенно актуальной целью использования электронных площадок является повышение информационного сопровождения процедуры закупки, ведь в условиях современных тенденций добросовестная конкуренция, прозрачность и равный доступ к государственным и муниципальным закупкам – решающие факторы не только для ведения бизнеса, но и для развития экономики в целом. Помимо этого, электронные площадки представляют собой весьма действенный антикоррупционный инструмент, обладая рядом существенных преимуществ:

- доступность участия (подключение посредством сети Интернет снимает территориальные ограничения для потенциальных участников по всей стране);
- прозрачность процедуры (победитель проведенного аукциона или иной процедуры определяется в электронной форме);
- простота подготовки самой процедуры (удобство интерфейса, дающее возможность принять участие все желающим);
- высокий уровень конкурентности (обеспечивается с помощью анонимности участвующих в закупочной процедуре лиц);
- электронный документооборот прием заявок, направление проекта контракта и заключение контракта с использованием функционала электронной площадки);
- достоверность документов (подтверждается с помощью электронной цифровой подписи).

В течение последних лет роль электронных торговых площадок продолжает возрастать, система электронных закупок является неотъемлемым элементом управления финансами, а ее главными функциями являются обеспечение общественных потребностей и эффективное государственное регулирование экономики.

По мере того, как организации узнают, как определять и квалифицировать поставщиков,

запрашивать предложения, обрабатывать тендеры, управлять заказами и электронными счетами, у разработчиков финансовых технологий есть множество идей по модернизации электронных площадок и электронной торговли в целом. Некоторые из данных идей уже успешно реализуются в зарубежных странах, поэтому для России этот опыт, как всегда, крайне важен. Технологический прогресс иностранных коллег в области электронных площадок предлагает несколько свежих тенденций. Некоторые элементы данных тенденций можно успешно внедрить в систему электронных закупок Российской Федерации, чтобы соответствовать безостановочному развитию информационных технологий, а также повышению эффективности и прозрачности. В последние годы наибольший интерес представляют следующие тенденции в области электронных закупок.

Услуги облачного хранилища данных для бизнеса наиболее актуальны для российского малого и среднего бизнеса, который особенно нуждается в поддержке. В специальной литературе политика поддержки данных субъектов подвергается критике [\[1\]](#). Однако по нашему мнению, такой осудительный дискурс является чрезмерным, тем более, что поддержка малого и среднего предпринимательства закреплена в стратегических и программных документах государства, причем по самым разным направлениям, госзаказ - лишь одно из них.

Сейчас государственные структуры и крупные корпорации почти полностью перешли на работу с электронными площадками, поэтому малому и среднему предпринимательству необходимо адаптироваться к технологическим нововведениям на постоянной основе. На решение этой проблемы и направлены услуги облачного хранилища данных, которые более экономичны и менее трудоемки для внедрения, чем корпоративная локальная система.

Адаптация платформ электронных закупок в целях поиска путей наиболее эффективного и разумного расходования бюджетных средств представляет ключевой интерес для государства. Помимо преимуществ, предлагаемых всем пользователям – повышение эффективности, сокращение риска ошибок, снижение эксплуатационных расходов, – электронные закупки сулят и другие выгоды, в частности, соблюдение налогового законодательства, ускорение роста в государственном секторе экономики. В России это особенно актуально для региональных органов власти, которые не спешат внедрять электронные закупки, что можно связать с недостаточной технологичностью региона, озабоченностью по поводу затрат и нерешительностью перехода к незнакомой технологии. По нашему мнению, по этой причине региональные и муниципальные закупки в объемах, исчисляемых уже триллионом рублей, остаются в бумажной технологии, в так называемой закупке малого объема, реформировать которую Правительство Российской Федерации намерено в краткосрочной перспективе [\[2\]](#).

Блокчейн – это цепочка, конкатенация (от лат. – *concatenatio* «присоединение цепями; сцепление») данных, которые объединяются в отдельные блоки и хранятся на компьютерах всех пользователей. Все блоки данных защищены от последующих изменений с помощью криптографических методов, так что со временем создается непрерывная цепочка связанных блоков данных. Включение новой записи в блокчейн требует прохождения так называемого консенсусного механизма, который работает в сети всех участников и используется для достижения соглашения между всеми участниками сети блокчейна о правильном состоянии данных – это гарантирует, что данные одинаковы на всех узлах сети.

Преимущества блокчейна идеально подходят потребностям электронных закупок. Данная

технология позволяет компании или государственному органу делиться огромными объемами информации с большим количеством лиц наиболее эффективным и безопасным способом, который возможен в настоящее время. Требования к поставщикам, сведения о всей цепочке поставок, электронные счета-фактуры и другие сведения, представляющие интерес для заказчиков и поставщиков, могут передаваться в централизованной записи. Благодаря блокчейну прозрачность повышается, а возможность коррупции практически исключается.

Технология блокчейн позволяет сотрудникам государственных и муниципальных органов, осуществляющим процедуры закупок, иметь достоверные данные обо всём процессе с прозрачной (транспарентной) системой данных о приобретенных товарах (работах, услугах). Каждый участник закупки может «отследить» свою деятельность, имея возможность делиться и предоставлять доступ к данной информации третьим сторонам.

Транспарентность информации снижает транзакционные издержки для всех участников рынка. Преимущество распределенных решений заключается в невозможности изменения данных центральным администратором. На практике все же встречаются проблемы с работой электронных площадок. DDoS-атаки, совершаемые, как правило, с зарубежных адресов на протяжении уже нескольких лет, заставили множество отечественных телекоммуникационных операторов и провайдеров срочно проводить масштабные работы по внедрению новых средств защиты [\[2\]](#).

Нужно сказать и о возможностях, которые предоставляют цифровые технологии для трансформации экономики Евразийского экономического союза. Внедрение цифровых решений ведет к размыванию географических и физических границ и открывает новые возможности для экономического, социального и культурного развития Союза, а также для роста региональной и глобальной конкурентоспособности. На руководстве государств-членов Евразийского экономического союза лежит серьезная ответственность за стимулирование процессов технологической трансформации и управление этими процессами на благо всего населения Союза.

Сегодня перед Евразийским экономическим союзом открываются новые возможности сотрудничества на базе единой сетевой инфраструктуры, общих цифровых платформ и новых цифровых решений, позволяющих сокращать расстояния, преодолевать границы, создавать новые рабочие места и развивать прежде не существовавшие направления деловой активности.

Сейчас перед нами новый этап законодательного регулирования, обусловленный корректировкой политики импортозамещения в публичных закупках [\[3\]](#). В целом, как обоснованно пишет О.А. Беляева, протекционизм в закупках не является самоцелью, а оптимальное сочетание запретов иностранным субъектам и предпочтений отечественным производителям – предмет постоянных дискуссий [\[3\]](#). Данным регулированием не только обозначены новые требования к извещениям в части описания закупаемой продукции, но и отождествлена российская продукция и товары (работы, услуги) из государств – членов ЕАЭС. Однако на повестке остается проблема взаимного признания электронных цифровых подписей государствами – членами ЕАЭС, без которого полноценное участие в электронных закупках невозможно. Первый шаг уже сделан между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, в ближайшее время запланировано техническое тестирование и с другими государствами [\[4\]](#). Вместе с тем следует отметить, что в краткосрочной перспективе этот процесс останется фрагментарным, нацеленным пока только на формирование евразийской цифровой среды государственных закупок;

дальнейшее расширение этого пространства за счет включения в него иных дружественных стран не планируется. Поэтому мы не разделяем позицию ряда авторов, позиционирующих государственные закупки как основной способ интеграции РФ во внешнеторговые отношения и развития системы совместных закупок в различных интеграционных объединениях [\[5\]](#). Объективных предпосылок в сегодняшних реалиях для этого нет.

Фактор информационной прозрачности закупок играет важнейшую роль по целому ряду признаков. В частности, наличие подробной и общедоступной информации о предстоящих государственных закупках практически гарантированно приводит к увеличению числа потенциальных участников процедуры; возрастает интерес к закупке среди добросовестных поставщиков, ведь благодаря прозрачности информации они могут быть с большой долей вероятности уверены в честном распределении контрактов; общедоступная информация, в свою очередь, упрощает процесс мониторинга и контроля, снижает издержки поиска и риски коррупции.

Принято связывать уровень прозрачности информации о закупках с уровнем конкуренции, то есть чем больше информации доступно потенциальным поставщикам, тем проще им оценить свои возможности и войти на рынок и, соответственно, тем выше конкуренция [\[6\]](#). С другой стороны, некоторые потенциальные поставщики могут заранее оценить свои возможности и отказаться от участия в торгах. На региональных рынках такая ситуация не является редкостью, когда субъекты малого и среднего предпринимательства не уверены в своих возможностях надлежащего выполнения контракта. В то же время это не свидетельствует о необходимости сокращения информации о предстоящих закупках, поскольку в любом случае нельзя допустить информационного диссонанса при принятии решения состязаться за право получение государственного заказа.

Важно отметить, что в Российской Федерации, помимо аккумуляирования сведений о закупках в Единой информационной системе, продолжают функционировать региональные информационные системы, наполнение которых нередко обусловлено экономическими, культурными и социальными особенностями отдельно взятого субъекта нашей страны. В связи с этим исследование прозрачности информации, представленной на региональных порталах, видится актуальным.

В рамках данной статьи под прозрачностью подразумевается наличие и доступность всей информации о процессе осуществления государственной закупки, включая даты, цены, характеристики и результаты, которые может отследить любой желающий. Для оценки уровня прозрачности информации о государственных закупках в российских регионах в рамках исследования были изучены 20 региональных сайтов на предмет представленной на них информации о государственных закупках и удобства интерфейса. При выборке регионов автор руководствовался данными ФАС России о результатах мониторинга и оценки конкуренции в системе госзаказа, согласно которым были определены лидирующие регионы (среди них Ульяновская, Калининградская, Липецкая, Калужская, Новосибирская области; Республики Татарстан, Башкортостан, Коми и другие субъекты РФ). Для оценки были отобраны три детерминирующих критерия доступности информации о закупках в регионе на соответствующих сайтах:

- поиск по сайту;
- информация об открытых закупках;

- информация о завершенных закупках.

Критерий поиска по сайту учитывает доступность всей представленной информации, а также способы ее фильтрации. Например, если на сайте представлен большой объем информации, который невозможно отсортировать по необходимым пользователю критериям, то в таком случае уровень прозрачности не будет высоким. Некоторые из рассмотренных сайтов были максимально информативны, однако на некоторых отсутствовала функция поиска как таковая, либо они не функционировала должным образом. Кроме того, рассматривалась возможность перехода по гиперссылке на сторонний ресурс (например, в ЕИС), где будет представлена информация [\[7\]](#).

Под критерием доступности информации об открытых закупках понимается максимально полная информация обо всех открытых на данный момент тендерах, а под критерием о завершенных закупках, в свою очередь, доступность информации о тендерах, которые уже завершены. Такая информация представляет интерес не только для поставщиков, но и для контролирующих органов, а также общественных организаций, контроль которых также необходим для успешного функционирования электронной системы закупок.

Внедрение цифровых технологий неизбежно сопровождается серьезными изменениями в правовом регулировании системы публичных закупок. Но для того, чтобы получить максимальное преимущество от этих технологий, нужно реализовать основной принцип, который заключается в том, что электронное управление должно быть доступным в любое время, в любом месте и каждому человеку. Использование цифровых технологий способствует развитию системы публичных закупок, сокращает управленческие расходы, расширяет доступ участников закупок к информационным источникам, меняет систему взаимоотношений в процессе осуществления закупочной деятельности. Существенно изменяются возможности распространения, хранения и получения информации, улучшается результативность принятия решений в процессе осуществления закупок. Среди основных ожиданий при внедрении цифровых технологий в систему закупок надо выделить трансформацию внутренних и внешних взаимоотношений и оптимизацию работы административного аппарата органов заказчиков на основе использования цифровых технологий.

Проанализировав эволюцию системы публичных закупок можно отметить наличие зависимости современной системы от всей предшествующей траектории развития системы, основными трендами которой стали усложнение системы публичных закупок, увеличение требований к поставщикам, подрядчикам и исполнителям государственных контрактов, развитие системы планирования закупок, определения цены контрактов, увеличение и усложнение форм осуществления закупок, развитие цифровой составляющие при осуществлении государственных закупок.

В последние годы на систему публичных закупок оказывают огромное влияние экономические санкции зарубежных недружественных государств [\[8\]](#). Санкции стали важнейшим фактором изменений в системе государственных закупок. Государство, заинтересованное в поддержке отечественных отраслей, было вынуждено изменить многие правила осуществления закупок, связанные с недопустимостью расширения санкционных списков за счет организаций, взаимодействующих с предприятиями, уже попавшими под санкции. Негативным последствием законодательных изменений становится увеличение закрытости деятельности поставщиков, подрядчиков и исполнителей, связанных с организациями, попавшими под санкции, что в целом негативно сказывается на реализации принципа информационной открытости системы публичных закупок. Однако в текущей геополитической обстановке это вынужденная

мера временного характера.

Несмотря на данные тенденции в России завершен процесс электронизации всех способов публичных закупок. Это обеспечило технологическую основу повышения конкуренции на торгах и сокращения процедурных ошибок при проведении закупок. Завершив процесс электронизации, Россия переходит к цифровизации системы закупок: не только форма будет в электронном виде, но и содержание закупки, выбор оптимального поставщика. Расширение масштабов электронизации публичных закупок, переход к цифровизации позволит существенно снизить преднамеренные и непреднамеренные нарушения в данной сфере, а также затраты на проведение закупок, будет способствовать расширению конкурентных отношений, а значит приведет к сокращению бюджетные расходы.

Важнейшим элементом электронизации публичных закупок является полное информационное сопровождение всех способов торгов. Электронные торги – это условие эффективности информационного сопровождения современной системы публичных закупок, то есть новая форма продажи товаров заказчикам различного уровня. Информационное сопровождение публичных закупок через систему электронных торгов обеспечило максимальную их открытость, оптимизировало государственные расходы через минимизацию стоимости и сокращение сроков поставок, повышение уровня качества и надежности выполнения условий заключения контрактов. При этом несмотря на то, что в целом цифровая экономика оказывает положительное влияние на систему публичных закупок, позволяя добиться значительных экономических и социальных эффектов, в данной сфере остается еще большое количество проблем, решение которых видится в постоянном мониторинге системы электронных закупок в целях выработки направлений дальнейшего совершенствования данной сферы [\[9\]](#).

Электронный формат должен способствовать упрощению аккредитации поставщиков и полноценному внедрению транспарентной системы электронных торгов, что положительно скажется на развитии конкуренции и антикоррупционной деятельности, а также будет способствовать уменьшению временных и финансовых затрат. Но не только. Информационный компонент находится также в прямой причинно-следственной связи с контрольными функциями в контрактных обязательствах [\[10\]](#).

Так, согласно данным Управления Федеральной антимонопольной службы по Московской области за 2024 год поступило и было рассмотрено 1505 жалоб о нарушениях Закона о контрактной системе, что почти на треть меньше, чем в 2022 году [\[4\]](#). В свою очередь также было выявлено 568 нарушений, что в два раза меньше, чем в 2022 году. Очевидно, что несмотря на технологические затруднения прозрачность процесса закупки в Московской области неизменно увеличивается.

В 2024 году в ходе плановых и внеплановых проверок ФАС проанализировало 33 917 процедур определения поставщика. По их итогам России выявила 17 637 нарушений законодательства (52%) и выдала 1641 предписание об их устранении.

Также в 2024 году служба рассмотрела 30 808 обращений о включении информации об участниках закупок в реестр недобросовестных поставщиков (РНП). Принято 15 244 решения (49,4 %) о включении информации в РНП. Основная причина – одностороннее расторжение контракта (13 537 случаев).

С 2024 года ФАС не принимает жалобу, если одновременно в извещении закупки установлены специальные требования к участникам (например, наличие лицензии или

членство в СРО); а у участника-подателя жалобы нет такой лицензии или членства в СРО.

В Законе о контрактной системе есть только два основания отказать в принятии жалобы к рассмотрению: если жалоба подана с нарушением требований статьи 105 Закона; если судом или ФАС уже проводилась проверка законности действий (бездействия) заказчика или оператора и по результатам принято решение.

ФАС России специально указывает на право отказать в рассмотрении жалобы, если жалобщик в принципе не мог подать заявку и исполнить контракт.

В 2023 году Минфин России уже указывал на необходимость отклонять такие жалобы, отмечая при этом, что ФАС России следует не формально отклонять жалобу, а на предварительном этапе устанавливать наличия либо отсутствия признаков неправомерного установления заказчиком специальных требований к участникам^[5].

Решение об отказе в рассмотрении жалобы ФАС принимает без участия сторон в течение 2 рабочих дней с даты поступления жалобы. При этом данный подход ФАС к рассмотрению жалоб может негативно отразиться на интересах добросовестных участников. По этой причине огромную роль играет судебный контроль публичных закупок: допущенные контрольным органом ошибки в квалификации жалобы могут и должны быть исправлены в судебном порядке. Поэтому на сегодняшний день параллельно со статистикой жалоб наблюдается и динамика судебных отмен соответствующих постановлений контрольного органа (см., например, п. 32 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 2021; п. 33 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1, 2020; определение Верховного Суда РФ от 23 мая 2022 г. № 308-ЭС22-6790 по делу № А32-43532/2020 и проч.).

Основываясь на всех вышеизложенных данных, можно с уверенностью сказать, что для повышения уровня информационного сопровождения системы государственных закупок необходимо полностью перейти на модернизированные электронные закупки, а ответственные органы государственной власти должны контролировать доступность информации на региональных сайтах для любого пользователя.

Выводы

Таким образом, переход к электронным процедурам дал следующие неоспоримые преимущества:

- повышение прозрачности закупок, снижение субъективности, чем меньше взаимоотношения между заказчиком и поставщиком в отношении обмена бумажными документами, конвертами, тем меньше шансов на сговор ^[11, 12]; отметим, что эти шансы остаются, они не могут быть нивелированы полностью;
- повышение конкуренции, возможность участия в процедурах поставщиков из других регионов (гипотетическая возможность есть и без этого, но именно электронный формат снижает или полностью устраняет ряд издержек);
- доступность, простота в работе (и заказчиков, и участников закупок), открытость, удобство;
- развитие автоматизированного и дистанционного контроля; минимизация обжалования, что обеспечивает стабильность и плановость закупочного процесса.

Помимо этого следует резюмировать, что информационное обеспечение публичных закупок, будучи первичным залогом их результативности, остается в системной взаимосвязи с качественной реализацией принципа профессионализма заказчиков, а сами контрактные отношения, так или иначе, находятся под влиянием третьего лица - оператора эжлектронной площадки.

[1] См. ст. 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации; Приказ Минтруда России приказ Минтруда России от 10 сентября 2015 г. № 625н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок» (Зарегистрировано в Минюсте России 7 октября 2015 г. № 39210); приказ Минтруда России от 10 сентября 2015 г. № 626н «Об утверждении профессионального стандарта «Эксперт в сфере закупок» (Зарегистрировано в Минюсте России 9 октября 2015 г. № 39275).

[2] См. Концепцию совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 26 июня 2024 г. № 1636-р.

[3] См. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33. Часть II. Ст. 5014.

[4] URL: https://fas.gov.ru/pages/Po_zakonu_o_kontraktnoj_sisteme (дата обращения 31.07.2025).

[5] Письмо Минфина России от 20.10.2023 № 24-01-07/100177 «О подаче в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» жалоб на действия (бездействие) субъектов контроля».

Библиография

1. Агапова Е.В., Беляева О.А. Неординарный правовой режим публичных закупок у субъектов малого и среднего бизнеса // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3(19). С. 26-31. EDN: IKWTIE.
2. Королев Е.В. Проблемы доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 208-218. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-208-219. EDN: GUICDH.
3. Беляева О.А. Правовые проблемы публичных закупок в энергетическом секторе на современном этапе // Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность: Сборник научных трудов Первого Белгородского международного юридического форума. В 2 т., Белгород, 11-12 сентября 2024 года. Белгород, 2024. С. 44. EDN: LWIYPG.
4. Беляева О.А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3(51). С. 78.
5. Алейникова М.Ю., Карахимова А.Д. Развитие системы государственных закупок в контексте международного сотрудничества // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2024. № 3. С. 136-148. EDN: XQMTGT.
6. Проскуряков А.В. Экономические и правовые аспекты осуществления государственных закупок в Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s.I. URL: <https://esj.today/PDF/14FAVN123.pdf> (дата обращения 26 марта 2025 г.). EDN: SHYLRL.
7. Катвалян А.Э. Принцип ответственности за результативность обеспечения

- государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 75-83. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.075-083. EDN: QVOBCF.
8. Беляева О.А. Основы теории корпоративных закупок. М.: ИНФРА-М, Норма, 2025. 240 с. ISBN 978-5-16-113361-3. DOI: 10.12737/2188406. EDN: EBLDCJ.
9. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л.Ю. Василевская. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. С. 262. ISBN 978-5-392-34160-3.
10. Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. 8-е издание переработанное и дополненное. Москва: Норма, 2024. 656 с. ISBN 978-5-00156-353-2. EDN: VJUIJQ.
11. Беляева О.А. Правовая композиция контрактной системы в сфере закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1(21). С. 57-61. EDN: EVIFQP.
12. Агапова Е.В., Вершинина И.А. Контрактная система как на ладони: от планирования до заключения контракта. Калининград, 2023. С. 83. EDN: QGAZRG.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Как известно, в Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим сферу публичных закупок, является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Именно он определяет базовые принципы информационного обеспечения закупочных процедур: открытость и прозрачность информации, обеспечение конкуренции и профессионализма заказчиков, стимулирование инноваций, единство контрактной системы в сфере закупок, ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок. Сегодня информационное обеспечение государственных закупок идет путем модернизации и технологического прогресса, что способствует построению максимально транспарентной системы государственного заказа.

Принцип профессионализма в российской контрактной системе требует наличия специалистов, обладающих специальными знаниями и опытом. Нанимая профессионалов, обладающих глубоким пониманием договорного права, нормативных актов и отраслевой специфики, система может работать более эффективно. Эти специалисты могут предоставить ценную информацию, выявить потенциальные риски и обеспечить соблюдение требований законодательства, что в конечном итоге приведет к улучшению результативности контракта. Специалисты в сфере закупок могут составить конкуренцию юристам в знании российских законов, поэтому подготовка кадров в сфере государственных закупок является задачей, о важности которой среди прочего свидетельствует утверждение профессиональных стандартов[1]. Принцип профессионализма напрямую связан с информационным обеспечением закупок, которые

подвержены рискам, обусловленным, во-первых, человеческим фактором, поскольку при формировании извещений и заключении контрактов не всегда можно избежать ошибок; в связи с чем в перспективе нужно использовать искусственный интеллект в целях их нивелирования. Во-вторых, уровень компетентности специалистов контрактной службы заказчика может оказаться недостаточным или неудовлетворительным в целом, что до сих пор актуально для удаленных регионов, где ощущим кадровый голод контрактной системы". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Сейчас государственные структуры и крупные корпорации почти полностью перешли на работу с электронными площадками, поэтому малому и среднему предпринимательству необходимо адаптироваться к технологическим нововведениям на постоянной основе. На решение этой проблемы и направлены услуги облачного хранилища данных, которые более экономичны и менее трудоемки для внедрения, чем корпоративная локальная система. Адаптация платформ электронных закупок в целях поиска путей наиболее эффективного и разумного расходования бюджетных средств представляет ключевой интерес для государства. Помимо преимуществ, предлагаемых всем пользователям – повышение эффективности, сокращение риска ошибок, снижение эксплуатационных расходов, – электронные закупки сулят и другие выгоды, в частности, соблюдение налогового законодательства, ускорение роста в государственном секторе экономики. В России это особенно актуально для региональных органов власти, которые не спешат внедрять электронные закупки, что можно связать с недостаточной технологичностью региона, озабоченностью по поводу затрат и нерешительностью перехода к незнакомой технологии"; "Преимущества блокчейна идеально подходят потребностям электронных закупок. Данная технология позволяет компании или государственному органу делиться огромными объемами информации с большим количеством людей наиболее эффективным и безопасным способом, который возможен в настоящее время. Требования к поставщикам, сведения о всей цепочке поставок, электронные счета-фактуры и другие сведения, представляющие интерес для заказчиков и поставщиков, могут передаваться в централизованной записи. Благодаря блокчейну прозрачность повышается, а возможность коррупции практически исключается. Благодаря технологии блокчейн сотрудники государственных и муниципальных органов, осуществляющие процедуры закупок, могут иметь достоверные данные обо всем процессе с прозрачной (транспарентной) системой данных о приобретенных товарах (работах, услугах). Каждый участник цепочки закупки может «отследить» свою деятельность, имея возможность делиться и предоставлять доступ к данной информации третьим сторонам"; "Проанализировав эволюцию системы публичных закупок можно отметить наличие зависимости современной системы от всей предшествующей траектории развития системы, основными трендами которой стали усложнение системы публичных закупок, увеличение требований к поставщикам, подрядчикам и исполнителям государственных контрактов, развитие системы планирования закупок, определения цены контрактов, увеличение и усложнение форм осуществления закупок, развитие цифровой составляющие при осуществлении государственных закупок"; "Несмотря на данные тенденции в России завершён процесс электронизации всех способов публичных закупок. Это обеспечило технологическую основу повышения конкуренции на торгах и сокращения примитивных процедурных ошибок при проведении закупок. Завершив процесс электронизации, Россия переходит к цифровизации системы закупок: не только форма будет в электронном виде, но и содержание закупки, выбор оптимального поставщика. Расширение масштабов электронизации публичных закупок, переход к

цифровизации позволит существенно снизить преднамеренные и непреднамеренные нарушения в данной сфере, а также затраты на проведения закупок, будет способствовать расширению конкурентных отношений, а значит позволит существенно сократить бюджетные расходы" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание, выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "При выборке регионов автор руководствовался данными ФАС России о результатах мониторинга и оценки конкуренции в системе госзаказа, согласно которым были определены лидирующие регионы (среди них Ульяновская, Калининградская, Липецкая, Калужская, Новосибирская области; Республики Татарстан, Башкортостан, Коми и другие субъекты РФ)" - "системе", "которым", "Татарстан" (опечатки).

Ученый отмечает: "Некоторые из рассмотренных сайтов были максимально информативны, однако на некоторых отсутствовала функция поиска как таковая, либо они не функционировала должным образом" - "она" (опечатка).

Автор указывает: "Проанализировав эволюцию системы публичных закупок можно отметить наличие зависимости современной системы от всей предшествующей траектории развития системы, основными трендами которой стали усложнение системы публичных закупок, увеличение требований к поставщикам, подрядчикам и исполнителям государственных контрактов, развитие системы планирования закупок, определения цены контрактов, увеличение и усложнение форм осуществления закупок, развитие цифровой составляющей при осуществлении государственных закупок" - "Проанализировав эволюцию системы публичных закупок, можно отметить наличие зависимости современной системы от всей предшествующей траектории развития системы, основными трендами которой стали усложнение системы публичных закупок, увеличение требований к поставщикам, подрядчикам и исполнителям государственных контрактов, развитие системы планирования закупок, определения цены контрактов, увеличение и усложнение форм осуществления закупок, развитие цифровой составляющей при осуществлении государственных закупок" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями и научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е. В. Агапова, О. А. Беляева, М. Ю. Алейникова и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, переход к электронным процедурам дал следующие неоспоримые преимущества: - повышение прозрачности закупок, снижение субъективности, чем меньше взаимоотношения между

заказчиком и поставщиком в отношении обмена бумажными документами, конвертами, тем меньше шансов на сговор [11, 12]; отметим, что эти шансы остаются, они не могут быть нивелированы полностью; - повышение конкуренции, возможность участия в процедурах поставщиков из других регионов (гипотетическая возможность есть и без этого, но именно электронный формат снижает или полностью устраняет ряд издержек); - доступность, простота в работе (и заказчиков, и участников закупок), открытость, удобство;

- развитие автоматизированного и дистанционного контроля"), однако они не отражают всех научных достижений автора, и потому нуждаются в уточнении и конкретизации. Необходимо перечислить проблемы информационного сопровождения публичных закупок, выявленные ученым, а также пути их решения.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие информационного сопровождения публичных закупок. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация информационного сопровождения публичных закупок, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Методология исследования в статье не охарактеризована. Возможно, это сделано в аннотации, однако было бы правильным отразить методологические подходы во вступительной части исследования.

Актуальность проведенного исследования не вызывает сомнений и обусловлена критической ролью прозрачности и открытости данных в сфере государственных расходов. Информационное сопровождение закупок является ключевым инструментом противодействия коррупции, обеспечения добросовестной конкуренции и повышения эффективности использования бюджетных средств. В условиях цифровой трансформации исследование его институционального содержания позволяет выявить правовые и организационные механизмы, которые превращают доступ к информации в реальный инструмент общественного контроля и повышения качества государственного управления. В этой автор справедливо отмечает: «Сегодня информационное обеспечение государственных закупок идет путем модернизации и технологического прогресса, что способствует построению максимально транспарентной системы государственного заказа».

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором изучается информационное сопровождение публичных закупок с учетом последних тенденций и актуальных статистических данных.

Статья характеризуется в целом научным стилем изложения. Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Некоторые формулировки, на наш взгляд, требуют дополнительной аргументации или же корректировки: «Специалисты в сфере закупок могут составить конкуренцию юристам в знании российских законов, поэтому подготовка кадров в сфере государственных закупок является задачей, о важности которой среди прочего свидетельствует утверждение профессиональных стандартов». Но ведь специалистами в сфере государственных закупок могут являться юристами по специальности? И в чем проявляется такая конкуренция? Вероятно, следует избрать формулировку с меньшей степенью категоричности?

Возникают вопросы в отношении следующего утверждения автора: «...уровень компетентности специалистов контрактной службы заказчика может оказаться недостаточным или неудовлетворительным в целом, что до сих пор актуально для удаленных регионов, где ощутим кадровый голод контрактной системы». Здесь, по всей видимости, требуются обобщенные данные или, как минимум, примеры.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в административно-правовых, гражданско-правовых и информационно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Информационное сопровождение публичных закупок и его институциональное содержание».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам информационного сопровождения публичных закупок. Автором рассматриваются современные проблемы информационного содержания публичных закупок, а также делаются конкретные предложения, как их разрешить. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об информационном сопровождении публичных закупок. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ

и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «в Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим сферу публичных закупок, является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Именно он определяет базовые принципы информационного обеспечения закупочных процедур: открытость и прозрачность информации, обеспечение конкуренции и профессионализма заказчиков, стимулирование инноваций, единство контрактной системы в сфере закупок, ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики, а также иной правоприменительной практики. В частности, важным может быть следующий вывод: «Для оценки уровня прозрачности информации о государственных закупках в российских регионах в рамках исследования были изучены 20 региональных сайтов на предмет представленной на них информации о государственных закупках и удобства интерфейса. При выборке регионов автор руководствовался данными ФАС России о результатах мониторинга и оценки конкуренции в системе госзаказа, согласно которым были определены лидирующие регионы (среди них Ульяновская, Калининградская, Липецкая, Калужская, Новосибирская области; Республики Татарстан, Башкортостан, Коми и другие субъекты РФ)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема информационного сопровождения публичных закупок сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Принцип профессионализма напрямую связан с информационным обеспечением закупок, которые подвержены рискам, обусловленным, во-первых, человеческим фактором, поскольку при формировании извещений и заключении контрактов не всегда можно избежать ошибок; в связи с чем в перспективе нужно использовать искусственный интеллект в целях их нивелирования. Во-вторых, уровень компетентности специалистов контрактной службы заказчика может оказаться недостаточным, что до сих пор актуально для удаленных регионов, где ощущим кадровый голод контрактной системы».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«для повышения уровня информационного сопровождения системы государственных закупок необходимо полностью перейти на модернизированные электронные закупки, а ответственные органы государственной власти должны контролировать доступность информации на региональных сайтах для любого пользователя».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по поводу выявления преимуществ от перехода к электронным процедурам. В частности, отмечено, что «переход к электронным процедурам дал следующие неоспоримые преимущества: повышение прозрачности закупок, снижение субъективности, чем меньше взаимоотношения между заказчиком и поставщиком в отношении обмена бумажными документами, конвертами, тем меньше

шансов на сговор [11, 12]; отметим, что эти шансы остаются, они не могут быть нивелированы полностью». Предложенные выводы могут быть полезны в практической деятельности для специалистов в соответствующей сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с информационным сопровождением публичных закупок.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, предложив конкретные идеи по поводу понимания и толкования действующего законодательства.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Агапова Е.В., Беляева О.А., Королев Е.В., Василевская Л.А. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области контрактной системы.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам информационного сопровождения публичных закупок.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Андрианова Н.Г. Перспективы использования искусственного интеллекта в денежном обращении //

Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75704 EDN: YGCCSU URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75704

Перспективы использования искусственного интеллекта в денежном обращении

Андрианова Наталья Геннадьевна

кандидат юридических наук

старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса;
Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ natalia.g.andrianova@gmail.com

[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75704

EDN:

YGCCSU

Дата направления статьи в редакцию:

30-08-2025

Дата публикации:

07-09-2025

Аннотация: Развитие технологии искусственного интеллекта является одним из приоритетных, но не полностью и исследованных, направлений научно-технологического развития, в связи с этим в статье анализируются вопросы внедрения и использования технологии искусственного интеллекта в денежном обращении. Анализируются подходы к определению понятия "технология искусственного интеллекта" в законодательстве и научной литературе. Выделяются и анализируются категории искусственного интеллекта и специфика их потенциального использования. Изучены подходы к понятию "денежное обращение", его структурные элементы. Проанализированы подходы к определению места и роли правового регулирования денежного обращения в системе финансового права. В статье рассматриваются особенности и перспективы использования технологии искусственного интеллекта в процессах наличного денежного обращения, безналичного

денежного обращения, денежного обращения в цифровой форме. При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический метод). В результате проведенного исследования перспективных направлений использования технологии искусственного интеллекта в процессах наличного денежного обращения, безналичного денежного обращения, денежного обращения в цифровой форме было установлено, что следует придерживаться риск-ориентированного подхода при внедрении и использовании технологии искусственного интеллекта в процессы денежного обращения, чтобы обеспечить баланс между развитием этой технологии и грамотным управлением связанными с ней рисками. Отсутствие четкого нормативно-правового регулирования вопросов использования искусственного интеллекта в процессах денежного обращения приводит к неопределенности и проблемам в отношении ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом. Сделан вывод, что в связи с этим, необходима разработка новых регуляторных рамок, учитывающих специфику работы искусственного интеллекта и обеспечивающая баланс между инновациями и защитой интересов общества и государства.

Ключевые слова:

денежное обращение, искусственный интеллект, публичные интересы, частные интересы, финансовое право, цифровизация, деньги, цифровые технологии, ИИ, цифровой рубль

Развитие технологии искусственного интеллекта в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 [Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, № 10, ст. 1373] является одним из приоритетных направлений научно-технологического развития. В связи с этим российскими учеными активно исследуются вопросы правового регулирования порядка использования искусственного интеллекта, касающиеся, прежде всего, правосубъектности искусственного интеллекта [\[1\]](#) и возможности использования данной технологии в разных узкоспециализированных сферах, например, в гражданском процессе [\[2\]](#). Вместе с тем вопросы использования искусственного интеллекта в денежном обращении до настоящего времени оставались недостаточно исследованными.

При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический).

В нормативных правовых актах Российской Федерации искусственный интеллект понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по

установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 27.04.2020, № 17, ст. 2701; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)// Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700]. Технологиями искусственного интеллекта признаются технологии, включающие компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

В научной литературе искусственный интеллект определяют как «результат интеллектуальной деятельности человека, выраженный в придании способности созданным человеком объектам материального мира осуществлять функции, деятельность, свойственные человеческому интеллекту» [3], «созданный человеком интеллектуальный разум, способный к автономному принятию сложных решений в различных сферах жизнедеятельности общества» [4]. В данных определениях термина «искусственный интеллект» подчеркивается роль человека в создании данной технологии, способной самостоятельно принимать решения в различных сферах жизнедеятельности. В научной литературе встречаются и определения искусственного интеллекта, в которых акцент сделан на искусственном характере этой технологии, сочетающей автоматизированный механизм анализа и обработки информации. В данном подходе авторы определяют искусственный интеллект как «свойство искусственных систем, имеющих в своей структуре базу знаний, механизм вывода решений и интеллектуальный интерфейс, способный выполнять творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека» [5], «процесс автоматизированного и функционального решения для сбора данных аналитики, поиск оптимальных способов обработки больших объемов информационных массивов и обучения» [6].

Экспертами [7],[8] выделяется несколько категорий искусственного интеллекта:

1) слабый искусственный интеллект (artificial narrow intelligence) [9] - набор алгоритмов, ориентированных на решение прикладных, узкоспециализированных задач. Данная категория искусственного интеллекта нашла широкое распространение в области решения прикладных задач: в голосовых ассистентах и чат-ботах; распознавании лиц и естественного языка; различные системы рекомендаций и др. В рамках слабого искусственного интеллекта выделяются три его вида:

а) традиционный искусственный интеллект, имитирующий умственную деятельность человека и способный делать выводы и прогнозы на основе проведенного анализа;

б) адаптивный искусственный интеллект, в рамках которого технология может обучаться и адаптироваться к изменениям за счет сбора обратной связи в режиме реального времени;

в) генеративный искусственный интеллект, в рамках которого может создаваться новый контент (текст/изображение/аудио/видео) по запросу пользователя.

2) сильный искусственный интеллект (artificial general intelligence) [10] – еще не реализованная концепция искусственного интеллекта, способная выполнять все

доступные человеческому сознанию когнитивные операции. Сильный искусственный интеллект отличается способностью к самообучению, самостоятельному выбору целей, определению способов их достижения, построению логических умозаключений, стратегическому планированию и действиям в условиях значительной неопределенности.

3) суперсильный искусственный интеллект (artificial super intelligence) - концепция искусственного интеллекта, предполагающая создание в отдаленном будущем технологии искусственного интеллекта, способной выполнять когнитивные операции, существенно превосходящие разум человека и имеющий возможность самосовершенствования с помощью перепрограммирования путем самостоятельной разработки новых систем и алгоритмов. Перспектива появления такого вида искусственного интеллекта на сегодняшний день является неопределенной, смысловое содержание этой концепции пока не сформировано.

Обратимся к содержанию понятия «денежное обращение». Следует отметить, что вопрос о месте и роли правового регулирования денежного обращения в системе финансового права является дискуссионным. Наряду с термином «правовое регулирование денежного обращения» используются понятия «денежное право», «эмиссионное право».

К.С. Бельский под эмиссионным правом понимает «совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в области эмиссионной деятельности Центрального банка Российской Федерации и кредитных учреждений (банков), направленных на организацию в стране наличного и безналичного денежного обращения» [\[11\]](#). Ученый отмечает значимость эмиссионной деятельности государства, полагает, что эмиссионное право занимает первое место в системе финансового права [\[12\]](#).

По мнению М.В. Карасевой, «эмиссионное право как право эмиссии денежных знаков и организации денежного обращения ближе всего к финансовому праву и является его структурным составляющим в виде сложного правового института, часть которого находится в общей части финансового права, а часть - в финансово-правовом институте банковской деятельности» [\[13\]](#).

Н.М. Артемов, И.Б. Лагутин, А.А. Ситник, М.Н. Урда полагают, что право денежного обращения является «подотраслью финансового права, включающей в себя нормы, регулирующие обращение национальной и иностранной валюты в наличной и безналичной формах» [\[14\]](#). Л.Л. Арзуманова в составе права денежного обращения выделяет: институт наличного денежного обращения, институт безналичного денежного обращения, институт валютного регулирования [\[15\]](#). Таким образом, ряд специалистов включает в рамки права денежного обращения, в том числе, обращение иностранной валюты. Ученые, разделяющие точку зрения о возможности объединения норм валютного права и института финансово-правового регулирования денежного обращения, основывают свою позицию на том, что иностранная валюта также выполняет функцию денег в тех государствах, в которых разрешен ее свободный оборот, поскольку за иностранную валюту в этих государствах могут приобретаться товары и оказываться услуги, а это не что иное, как скрытая эмиссия. Именно это условие позволяет рассматривать в комплексе названные институты.

Ю.А. Крохина выделяет в особенной части финансового права институт организации денежного обращения и расчетов, а к самому денежному обращению относит движение денежной массы внутри страны в наличной, безналичной и цифровой формах

[\[16, с. 503\]](#). Ю.А. Крохина разграничивает в рамках особенной части финансового права институт организации денежного обращения и расчетов и институт валютного регулирования и валютного контроля [\[16, с. 84\]](#).

Полагаем, что в особенной части финансового права следует разграничивать институт правового регулирования денежного обращения и институт валютного регулирования и валютного контроля в связи с тем, что порядок обращения иностранной валюты имеет существенные особенности по сравнению с порядком обращения национальной валюты, а в текущих условиях, кроме того, подвергается особому регулированию, направленному на защиту финансового суверенитета Российской Федерации. Кроме того, не во всех государствах разрешен свободный оборот иностранной валюты. Таким образом, считаем необходимым рассмотреть особенности и перспективы использования технологии искусственного интеллекта в процессах наличного денежного обращения, безналичного денежного обращения, денежного обращения в цифровой форме.

Наличное денежное обращение – это процесс непрерывного движения наличных денежных средств. Наличное денежное обращение характеризуется использованием наличных денежных средств в функции средства обращения и средства платежа, опосредствующей оплату товаров, работ, оказываемых услуг. Регулирование наличного денежного обращения осуществляется в централизованном порядке Банком России.

Поскольку наличное денежное обращение является объектом прогнозного планирования, то в подобном прогнозировании может быть задействована технология искусственного интеллекта. В процессе организации наличного денежного обращения важными задачами являются: определение общего объема налично-денежного оборота, а также его структуры; изучение складывающихся тенденций; направление и регулирование денежных потоков; размещение денежной массы по территории страны; определение массы денежных средств в наличной форме, находящейся в обращении; установление уровня инкассации выручки; расчет эмиссионного результата за определенный период и др. Часть из этих задач может быть реализована с использованием технологии искусственного интеллекта.

Технология искусственного интеллекта может быть использована кредитными организациями для автоматизации процессов, связанных с распространением наличных денежных средств до конечных пользователей. В частности, уже существует удачный опыт использования технологии искусственного интеллекта для оптимизации процессов работы с банкоматами [\[17\]](#). Основной целью внедрения технологии искусственного интеллекта в этот процесс было гарантировать доступность средств для клиентов банка при одновременном снижении операционных расходов, поэтому технология искусственного интеллекта была использована для определения оптимальной суммы и точного времени загрузки наличных денежных средств в каждый из банкоматов, чтобы минимизировать затраты на их содержание без риска опустошения кассет. Результатом работы системы стал сформированный индивидуальный и точный план инкассации для каждого банкомата на предстоящую неделю. Кроме того, искусственный интеллект применяется в системах видеоаналитики. Кредитные организации используют технологии компьютерного зрения для анализа записей с камер наблюдения в отделениях и зонах банкоматов для: выявления операционных рисков и мошенничества (выявления случаев оставления сотрудниками ключей от сейфа, карт клиентами, подозрительных действий); обнаружения нестандартных ситуаций и автоматического оповещения о них охраны; выявления неэффективного использования площади внутри отделений банка и оптимизации пространства.

Безналичное денежное обращение – это процесс осуществления расчетов без использования наличных денежных средств посредством перечисления денежных средств через кредитные организации путем отражения соответствующих записей по счетам плательщика и получателя, зачетов взаимных требований. Безналичное денежное обращение обеспечивает ускорение оборачиваемости денежных средств, позволяет снижать издержки обращения денежных средств.

В рамках безналичного денежного обращения основными направлениями использования технологии искусственного интеллекта являются:

1) обеспечение безопасности осуществления платежей. Использование технологии искусственного интеллекта позволяет анализировать осуществляемые пользователями транзакции в режиме реального времени, анализируя поведенческие паттерны, геолокации места совершения операций, выявлять отклонения от стандартного для пользователя поведения (резкое увеличение объема транзакций, использование новых устройств для осуществления операций, нестандартные места совершения операций), что может позволить эффективно обнаруживать и своевременно предотвращать противоправные действия третьих лиц и обеспечить безопасность совершения пользователем транзакций. Оптимизация процесса аутентификации пользователей возможна благодаря использованию системы распознавания лиц и отпечатков пальцев, динамического анализа паттернов поведения пользователя. Кроме того, технология искусственного интеллекта может быть использована для предотвращения кибер-атак на нормальное функционирование системы осуществления платежей - могут быть проанализированы параметры сетевой активности, попытки несанкционированного доступа третьих лиц.

2) усиление персонификации оказываемых услуг. Технология искусственного интеллекта может быть использована для предложения пользователям продуктов и услуг, наиболее подходящих для них в соответствии с их интересами и потребностями. В частности, такая технология способна осуществить подбор наиболее подходящих инвестиционных продуктов исходя из целей и, в целом, профиля пользователя. Кроме того, система искусственного интеллекта может рекомендовать наиболее предпочтительные способы оплаты и осуществлять автоматическое заполнение данных о пользователях в платежных документах. Обратной стороной данного процесса является необходимость сбора и анализа технологией искусственного интеллекта большого объема данных о каждом пользователе, что приводит к повышению важности сохранения конфиденциальности в отношении этих данных и их защиты от неправомерного доступа к ним третьих лиц.

3) автоматизация отдельных процессов. Использование технологии искусственного интеллекта для обработки операций пользователей со стороны банка также может быть перспективным направлением. Методы обработки естественного языка и компьютерного зрения внутри технологии искусственного интеллекта позволяют осуществить автоматизацию обработки операций, в рамках которой возможна классификация осуществляемых операций, сверка данных платёжных документов, группировка платежей, относящихся к одной и той же операции. Прогнозирование объемов платежей может использоваться для оптимизации использования ресурсов и снижения операционных издержек. Взаимодействие с пользователями может быть упрощено благодаря использованию технологии искусственного интеллекта: виртуальные ассистенты и чат-боты позволяют обеспечивать быструю и эффективную обработку запросов пользователей, в кратчайшие сроки предлагать наиболее оптимальные ответы на часто встречающиеся вопросы, что позволит существенно сократить время ожидания

ответа и повысить качество обслуживания пользователей.

Разработка и интеграция цифровых валют центральных банков по всему миру и, в частности, цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка [\[18\]](#) приводит к появлению денежного обращения в цифровой форме. 15 июля 2025 года на сайте Банка России появилось сообщение о том, что массовое внедрение цифрового рубля начнется с 1 сентября 2026 года [\[19\]](#). Появление подобного сообщения связано с рассмотрением и последующим принятием федерального закона от 23 июля 2025 года № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120250723004>].

Вышеназванным федеральным законом вносятся изменения в три федеральных закона: федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»// Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790], федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»// Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872] и закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»// Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 140]. Вносимые изменения направлены на расширение возможности осуществления расчетов с помощью цифровых рублей и внедрение универсального платежного кода при оплате в безналичном порядке товаров, работ и услуг. В рамках распространения цифровой валюты центрального банка будут совершаться повторяющиеся операции и процессы, которые могут быть полностью автоматизированы с помощью технологии искусственного интеллекта. По аналогии с безналичным денежным обращением кредитные организации могут использовать технологию искусственного интеллекта в чат-ботах и виртуальных помощниках, что позволит предлагать качественное обслуживание пользователям. Искусственный интеллект можно использовать для быстрого реагирования на запросы клиентов о переводе цифровых рублей в безналичные денежные средства, переводе цифровых рублей третьим лицам.

Инструменты интеллектуального анализа данных на основе искусственного интеллекта могут использоваться для обработки значительных объемов данных о совершаемых транзакциях в цифровой валюте с целью обнаружения и выявления подозрительных транзакций. При обнаружении таких транзакций система искусственного интеллекта может отмечать подозрительные транзакции и предоставлять краткий сводный отчет о рисках отмывания денежных средств с указанием причин. Отмеченные транзакции вместе со сводным отчетом могут быть направлены квалифицированным сотрудникам для проверки точности сводного отчета о рисках и принятия соответствующих мер. Благодаря мониторингу в режиме реального времени система искусственного интеллекта может быть эффективной в предотвращении незаконного оборота цифровой валюты центрального банка, пресечении мошенничества и отмывания денежных средств, совершенствования системы управления рисками.

Центральный банк может использовать технологию искусственного интеллекта для определения периодов повышения и снижения спроса на цифровую валюту центрального банка. Использование интеллектуальных алгоритмов позволит проанализировать данные об операциях в цифровой валюте центрального банка и

делать точные прогнозы о необходимом количестве цифровой валюты центрального банка в определенные периоды. Подобная информация может быть использована для улучшения предложения цифровой валюты центрального банка для полного удовлетворения потребности пользователей.

При всех положительных аспектах использования технологии искусственного интеллекта в рамках денежного обращения нельзя не выделить ряд рисков и потенциальных проблем. Прежде всего это риск нарушения конфиденциальности данных пользователей, так как для эффективного функционирования технологии искусственного интеллекта необходим анализ большого объема отдельных и агрегированных данных о транзакциях пользователей зачастую без получения их согласия. Для решения названной проблемы считаем необходимым получать согласие пользователей на обработку их данных с использованием технологии искусственного интеллекта, кроме того, с технической точки зрения необходимо проработать механизмы защиты указанных данных. Следующая возможная проблема – это риск того, что технология искусственного интеллекта может внезапно выйти из-под контроля и раскрыть третьим лицам важную конфиденциальную информацию, а также риски кибербезопасности. Системы искусственного интеллекта могут быть подвержены атакам хакеров, которые смогут неправомерно получить доступ к инфраструктуре осуществления расчетов, что может оказать влияние на экономическую и, в целом, национальную безопасность государства. Для решения вышеназванной проблемы считаем необходимым с технической точки зрения отдельно прорабатывать вопросы устойчивости и надежности функционирования системы, предварительно тестировать систему перед ее запуском с привлечением высококвалифицированных специалистов.

Таким образом, следует придерживаться риск-ориентированного подхода при внедрении и использовании технологии искусственного интеллекта в процессы денежного обращения, чтобы обеспечить баланс между развитием этой технологии и грамотным управлением связанными с ней рисками. Нормативно-правовая база, связанная с вопросами использования искусственного интеллекта в процессах денежного обращения, почти полностью отсутствует, что приводит к неопределенности и проблемам в отношении ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом. В связи с этим, необходима разработка новых регуляторных рамок, учитывающих специфику работы искусственного интеллекта и обеспечивающая баланс между инновациями и защитой интересов общества и государства. Представляется целесообразным применение гибридных подходов, комбинирующих наряду с использованием искусственного интеллекта традиционные аналитические методов и экспертную оценку, что будет способствовать повышению надежности принимаемых решений.

Библиография

1. Кузнецова Н.В. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 25-32. DOI: 10.18572/2712-8865-2025-2-25-32 EDN: DEADVD.
2. Курочкин С.А. Искусственный интеллект в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 42-74. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74 EDN: MCJWYW.
3. Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. 2023. № 11. С. 5-14. EDN: PBUKCK.
4. Антонов А.А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности // Юрист. 2023. № 9. С. 23-28.
5. Ахметьянова З.А., Ахметьянов А.Р. Искусственный интеллект-объект или субъект

- права? // Юрист. 2024. № 6. С. 24-29.
6. Ищейнов В.Я. Применение искусственного интеллекта в информационной безопасности // Делопроизводство. 2024. № 2. С. 90-93.
7. Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке: доклад для общественных консультаций. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2023. С. 5-13.
8. Сафонова М.Ф., Алексеенко А.Ю. Перспективы использования технологий искусственного интеллекта в работе внутреннего аудитора хозяйствующего субъекта // Международный бухгалтерский учет. 2022. № 12. С. 1403-1427. DOI: 10.24891/ia.25.12.1403 EDN: OJRCPV.
9. NASA Framework for the Ethical Use of Artificial Intelligence (AI) // URL: <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20210012886/downloads/NASA-TM-20210012886.pdf>.
10. What is strong AI? // URL: <https://www.ibm.com/think/topics/strong-ai>.
11. Бельский К.С. Эмиссионное право как институт финансового права // Государство и право. 2006. № 5. С. 55. EDN: HTEXTN.
12. Бельский К.С. Дополняя и развивая теорию эмиссионного права // Государство и право. 2019. № 8. С. 71. DOI: 10.31857/S013207690006243-9 EDN: IEJDRU.
13. Карасева М.В. Эмиссионное право как общий финансово-правовой институт // Финансовое право. 2025. № 6. С. 2-6. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-6-2-6 EDN: FGLWEA.
14. Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право) : монография / Н.М. Артемов, И.Б. Лагутин, А.А. Ситник, М.Н. Урда. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 96 с.
15. Арзуманова Л.Л. Право денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12-13. EDN: ZPJSHF.
16. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025.
17. Как искусственный интеллект меняет работу с наличными и банковский бизнес в целом: кейс Альфа-Банка // URL: https://www.cashcirculation.ru/bsm_articles/как-искусственный-интеллект-меняет-р/.
18. Андрианова Н.Г. Финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка // Банковское право. 2024. № 3. С. 24-32. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-24-32 EDN: HHVRZL.
19. Массовое внедрение цифрового рубля начнется 1 сентября 2026 года // URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=25772>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, перспективы использования искусственного интеллекта в денежном обращении. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический)".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им

следующим образом: "Развитие технологии искусственного интеллекта в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 [Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, № 10, ст. 1373] является одним из приоритетных направлений научно-технологического развития. В связи этим, российскими учеными активно исследуются вопросы правового регулирования порядка использования искусственного интеллекта, касающиеся, прежде всего, правосубъектности искусственного интеллекта [1] и возможности использования данной технологии в разных узкоспециализированных сферах, например, в гражданском процессе [2]. Вместе с тем вопросы использования искусственного интеллекта в денежном обращении до настоящего времени оставались недостаточно исследованными".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Полагаем, что правовое регулирование денежного обращения является институтом особенной части финансового права, ввиду особенностей правового регулирования порядка обращения иностранной валюты в финансовом праве следует выделять отдельный институт валютного регулирования и валютного контроля"; "Инструменты интеллектуального анализа данных на основе искусственного интеллекта могут использоваться для обработки значительных объемов данных о совершаемых транзакциях в цифровой валюте с целью обнаружения и выявления подозрительных транзакций. При обнаружении таких транзакций система искусственного интеллекта может отмечать подозрительные транзакции и предоставлять краткий сводный отчет о рисках отмыwania денежных средств с указанием причин. Отмеченные транзакции вместе со сводным отчетом могут быть направлены квалифицированным сотрудникам для проверки точности сводного отчета о рисках и принятия соответствующих мер. Благодаря мониторингу в режиме реального времени система искусственного интеллекта может быть эффективной в предотвращении незаконного оборота цифровой валюты центрального банка, пресечении мошенничества и отмыwania денежных средств, совершенствования системы управления рисками. Центральный банк может использовать технологию искусственного интеллекта для определения периодов повышения и снижения спроса на цифровую валюту центрального банка. Использование интеллектуальных алгоритмов позволит проанализировать данные об операциях в цифровой валюте центрального банка и делать точные прогнозы о необходимом количестве цифровой валюты центрального банка в определенные периоды. Подобная информация может быть использована для улучшения предложения цифровой валюты центрального банка для полного удовлетворения потребности пользователей"; "Таким образом, следует придерживаться риск-ориентированного подхода при внедрении и использовании технологии искусственного интеллекта в процессы денежного обращения, чтобы обеспечить баланс между развитием этой технологии и грамотным управлением связанными с ней рисками. Нормативно-правовая база, связанная с вопросами использования искусственного интеллекта в процессах денежного обращения, почти полностью отсутствует, что приводит к неопределенности и проблемам в отношении ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом. В связи с этим, необходима разработка новых регуляторных рамок, учитывающих специфику работы искусственного интеллекта и обеспечивающая баланс между инновациями и защитой интересов общества и государства. Представляется целесообразным применение гибридных подходов, комбинирующих наряду с использованием искусственного интеллекта традиционных аналитических методов и экспертной оценки, что будет способствовать повышению надежности принимаемых решений" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. В основной части работы автор анализирует перспективы использования искусственного интеллекта в денежном обращении. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального и общего характера.

Так, автор пишет: "В связи этим, российскими учеными активно исследуются вопросы правового регулирования порядка использования искусственного интеллекта, касающиеся, прежде всего, правосубъектности искусственного интеллекта [1] и возможности использования данной технологии в разных узкоспециализированных сферах, например, в гражданском процессе [2]" - "В связи с этим российскими учеными активно исследуются вопросы правового регулирования порядка использования искусственного интеллекта, касающиеся, прежде всего, правосубъектности искусственного интеллекта [1] и возможности использования данной технологии в разных узкоспециализированных сферах, например, в гражданском процессе [2]" (см. на пропущенный предлог и пунктуацию).

Ученый отмечает: "По мнению М.В. Карасевой «эмиссионное право как право эмиссии денежных знаков и организации денежного обращения ближе всего к финансовому праву и является его структурным составляющим в виде сложного правового института, часть которого находится в общей части финансового права, а часть - в финансово-правовом институте банковской деятельности» [13]" - "По мнению М.В. Карасевой, «эмиссионное право как право эмиссии денежных знаков и организации денежного обращения ближе всего к финансовому праву и является его структурным составляющим в виде сложного правового института, часть которого находится в общей части финансового права, а часть — в финансово-правовом институте банковской деятельности» [13]" (см. на пунктуацию).

Автор указывает: "Представляется целесообразным применение гибридных подходов, комбинирующих наряду с использованием искусственного интеллекта традиционных аналитических методов и экспертной оценки, что будет способствовать повышению надежности принимаемых решений" - "Представляется целесообразным применение гибридных подходов, комбинирующих наряду с использованием искусственного интеллекта традиционные аналитические методы и экспертную оценку, что будет способствовать повышению надежности принимаемых решений" (см. на опечатки).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим).

Рассматривая дискуссионный вопрос о понятии «денежное обращение», автор приходит к выводу о том, что "...правовое регулирование денежного обращения является институтом особенной части финансового права, ввиду особенностей правового регулирования порядка обращения иностранной валюты в финансовом праве следует выделять отдельный институт валютного регулирования и валютного контроля". Однако ученый не объясняет, почему он приходит именно к такому выводу (т. е. не осуществляет критического анализа альтернативных позиций ученых).

Автор пишет: "При всех положительных аспектах использования технологии искусственного интеллекта в рамках денежного обращения нельзя не выделить ряд рисков и потенциальных проблем". Далее ученый перечисляет эти проблемы, но подробно их не рассматривает, не предлагает пути их решения.

Библиография исследования представлена 19 источниками (монографией,

диссертационной работой, научными статьями, аналитическими материалами, учебником). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Н.М. Артемов, И.Б. Лагутин, А.А. Ситник, М.Н. Урда, Л. Л. Арзуманова и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Однако положения работы не всегда обосновываются в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, следует придерживаться риск-ориентированного подхода при внедрении и использовании технологии искусственного интеллекта в процессы денежного обращения, чтобы обеспечить баланс между развитием этой технологии и грамотным управлением связанными с ней рисками. Нормативно-правовая база, связанная с вопросами использования искусственного интеллекта в процессах денежного обращения, почти полностью отсутствует, что приводит к неопределенности и проблемам в отношении ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом. В связи с этим, необходима разработка новых регуляторных рамок, учитывающих специфику работы искусственного интеллекта и обеспечивающая баланс между инновациями и защитой интересов общества и государства. Представляется целесообразным применение гибридных подходов, комбинирующих наряду с использованием искусственного интеллекта традиционных аналитических методов и экспертной оценки, что будет способствовать повышению надежности принимаемых решений"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере финансового права, информационного права при условии ее доработки: уточнении и углублении отдельных положений работы, усилении авторской аргументации, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Перспективы использования искусственного интеллекта в денежном обращении».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам использования искусственного интеллекта в денежном обращении. Автором выявляются правовые проблемы в данной сфере, даются конкретные предложения по совершенствованию законодательства. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об использовании искусственного интеллекта в денежном обращении. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Как указано в самой рецензируемой статье, «При проведении настоящего исследования были использованы

общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический)».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «В нормативных правовых актах Российской Федерации искусственный интеллект понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 27.04.2020, № 17, ст. 2701; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)]// Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700]».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов практики. В частности, «В рамках безналичного денежного обращения основными направлениями использования технологии искусственного интеллекта являются: 1) обеспечение безопасности осуществления платежей. Использование технологии искусственного интеллекта позволяет анализировать осуществляемые пользователями транзакции в режиме реального времени, анализируя поведенческие паттерны, геолокации места совершения операций, выявлять отклонения от стандартного для пользователя поведения (резкое увеличение объема транзакций, использование новых устройств для осуществления операций, нестандартные места совершения операций), что может позволить эффективно обнаруживать и своевременно предотвращать противоправные действия третьих лиц и обеспечить безопасность совершения пользователем транзакций».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема использования искусственного интеллекта в денежном обращении сложна и неоднозначна. Искусственный интеллект используется в самых разных сферах, в том числе в сфере денежного обращения. Однако это использование приводит к самым разным рискам, в том числе правового характера. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «вопросы использования искусственного интеллекта в денежном обращении до настоящего время оставались недостаточно исследованными». Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она

выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«следует придерживаться риск-ориентированного подхода при внедрении и использовании технологии искусственного интеллекта в процессы денежного обращения, чтобы обеспечить баланс между развитием этой технологии и грамотным управлением связанными с ней рисками. Нормативно-правовая база, связанная с вопросами использования искусственного интеллекта в процессах денежного обращения, почти полностью отсутствует, что приводит к неопределенности и проблемам в отношении ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«необходима разработка новых регуляторных рамок, учитывающих специфику работы искусственного интеллекта и обеспечивающая баланс между инновациями и защитой интересов общества и государства. Представляется целесообразным применение гибридных подходов, комбинирующих наряду с использованием искусственного интеллекта традиционные аналитические методов и экспертную оценку, что будет способствовать повышению надежности принимаемых решений».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с регулированием отношений по поводу использования искусственного интеллекта.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, предложив конкретные идеи для реформирования российского законодательства.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Бельский К.С., Ахметьянова З.А., Ахметьянов А.Р., Ищейнов В.Я., Курочкин С.А. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области финансового права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к проблеме использования искусственного интеллекта в денежном обращении.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Бирюков И.И. Социальная обусловленность пробации в современной России // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75780 EDN: ZVIGXP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75780

Социальная обусловленность пробации в современной России

Бирюков Иван Игоревич

ORCID: 0009-0007-1510-2412

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
младший научный сотрудник; центр уголовного и уголовно-процессуального законодательства;
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, Академический р-н, ул. Большая Черёмушkinsкая, д. 34

✉ biryukov27@internet.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75780

EDN:

ZVIGXP

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление закономерностей и предпосылок современной социальной и экономической ситуации в Российской Федерации, обусловивших разработку и внедрение в отечественное правовое поле пробации как инструмента содействия в нейтрализации факторов противоправного поведения в посткриминальный период жизнедеятельности личности, ранее привлекавшейся к уголовной ответственности. Актуальность научного поиска в указанном направлении связана с тем, что к моменту принятия профильного нормативного правового акта о пробации сформировался комплекс проблем, представляющих угрозу безопасности личности, общества и государства, решение

которых находится в том числе в плоскости эффективного содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных после применения к ним мер государственного принуждения как ответной реакции на совершенное общественно опасное деяние. Наряду с этим исследовательский интерес к каузальным характеристикам применения пробации обусловлен его темпоральными особенностями при том, что предлагаемые ранее проекты институционализации данного социально-правового явления не нашли должной поддержки. В качестве методологической основы исследования определены диалектический метод познания, а также совокупность общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование), междисциплинарных (аксиологический, статистический) и специально-юридических (формально-юридический, историко-правовой, толкование правовых норм) методов. Итог данной научной работы составляют выводы автора о том, что к началу 2020-х гг. внедрение инструментов пробации в российское законодательство с учетом актуальной социально-экономической и геополитической ситуации может быть охарактеризовано как необходимая ответная реакция государства на проблемы чрезвычайного распространения рецидивной преступности, криминализации общества; препятствия экономического развития, обусловленные недостаточно эффективным использованием имеющихся трудовых ресурсов; необходимость привлечение дополнительных доходов в бюджетную систему Российской Федерации и оптимизации расходов федерального бюджета в условиях колоссального санкционного давления со стороны недружественных государств; иные, производные от указанных факторы воздействия на состояние национальной безопасности. Полученные результаты способствуют расширению научных представлений о комплексе социальных и экономических факторов внедрения норм о пробации в отечественное законодательство на современном этапе развития государства и права, а также их согласованности с объективными общественными потребностями.

Ключевые слова:

пробация, социальная обусловленность, национальная безопасность, рецидивная преступность, предупреждение преступности, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, дефицит кадров, бюджетная система

Принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) обеспечило формирование правовой основы для логического продолжения антикриминальной деятельности государства в целях предупреждения рецидивной преступности, а также реинтеграции лиц, освобожденных от наказания, в общественные процессы. Данное волевое решение законодателя свидетельствует о признании в современных условиях обусловленности пробационных мер и мероприятий, объективной потребности в их регламентации с учетом актуализированных в последние годы социальных и экономических предпосылок, а также противоречий взаимодействия человека, общества и государства.

Важно отметить, что этому способствовали результаты многочисленных научных исследований по проблемам предупреждения рецидивной преступности и повышения эффективности отдельных ее инструментов (концептуальные положения по указанной проблематике содержатся, к примеру, в работах Ю. М. Антоняна, Н. С. Артемьева, Я. И. Гилинского, А. И. Долговой, Н. А. Крайновой, В. Д. Малкова). Среди них в правовой доктрине традиционно отмечается высокая степень значимости общих и специальных

профилактических мер для нейтрализации криминогенных факторов поведения конкретного человека, связанных с деформацией ценностных установок в периоды привлечения к уголовной ответственности и отбывания наказания [\[1, 2, 3, 4 и др.\]](#). В связи с этим с момента зарождения самостоятельной демократической федеративной государственности в 1990-е гг. в России неоднократно предпринимались попытки внедрения пробационных механизмов, которые не получили необходимого формального одобрения вплоть до 2023 года.

Так, в 1998 году проектом федерального закона «О социальной помощи лицам, отбывшим наказания, и контроле за их поведением» (подготовлен депутатами В.И. Илюхиным и В.Д. Филимоновым) предполагалось внедрение в российскую правовую систему европейского опыта probation и административного надзора, то есть механизмов социальной поддержки, оказания медицинских и правовых услуг, материальной помощи, трудового и бытового устройства для лиц, отбывших наказание в виде ограничения свободы, ареста и лишения свободы, которые могли бы быть применены совместно с возложением на указанных субъектов в зависимости от их поведения, социального статуса и иных характеризующих личность сведений ряда обязанностей (к примеру, запрет на посещение определенных судом мест либо выхода из места пребывания в установленное время, прохождение курсов лечения, материальная поддержка семьи, уведомление о выезде на пределы субъекта, смене места жительства или работы и др.) и наблюдением за поведением (надзором) в целях предупреждения совершения ими новых преступлений.

В начале 2010-х гг. Министерством юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России) был разработан проект федерального закона «О probation в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих», которым предусматривалось создание самостоятельной службы probation для содействия в социальной реинтеграции бывшим осужденным, однако данная инициатива не была поддержана в связи с высокой затратностью, а работа над созданием этого института была приостановлена [\[5, 6, 7\]](#). Последующие предложение Уполномоченного по правам человека создать службу probation на базе существующих уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России и проект Минюста России внедрить пробационные механизмы в отношении несовершеннолетних также не нашли должной поддержки [\[5\]](#).

Между тем отсутствие системы ресоциализации освобожденных от отбывания наказания лиц на федеральном уровне было частично компенсировано в отдельных субъектах посредством внедрения механизмов социальной поддержки указанной категории граждан на региональном уровне (к примеру, в Архангельской, Кировской, Омской областях и др.), что в научной среде в целом было признано весьма логичным, поскольку значительное число вопросов, связанных с социальной адаптацией бывших осужденных, решается на региональном и местном уровнях [\[7\]](#). Однако, признавая необходимость внедрения дополнительных механизмов реинтеграции в общество лиц, освобожденных от отбывания наказания, с учетом специфики конкретного региона, отметим, что данная позиция представляется дискуссионной в части недооценки роли правового регулирования общественных отношений в указанной сфере на федеральном уровне, включая отсутствие до принятия Закона о probation единых для всех субъектов критериев оказания «probationной» помощи, ее видов и порядка применения. Указанное, очевидно, приводило к дифференциации степени качества социальной адаптации в различных субъектах, в том числе тех, где специальные механизмы не были внедрены вовсе.

В обоснование тезиса о понимании probation как продолжения антикриминальной деятельности государства в доктрине справедливо отмечено, что заключительным этапом нейтрализации преступности следует считать не исполнение наказания, а процессы закрепления результатов воспитательного и исправительного воздействия и контроля за освобожденными из исправительного учреждения [\[8\]](#).

При этом аксиоматично, что право как регулятор социальных процессов чрезвычайно тесно связано со всеми компонентами жизни общества, такими как экономика, политика, социальная сфера, морально-нравственные ценности, идеологические ориентиры [\[9\]](#) и др. Исходя из этого возникают вопросы о наличии объективной потребности современного общества в институционализации probation на современном этапе развития отечественного государства и права, а также ее соответствия тенденциям общественного развития в контексте актуальной социально-экономической ситуации в стране.

К началу 2020-х гг. разработка при участии научного сообщества и правоприменителей нормативных положений, предусматривающих создание самостоятельной системы социальной реинтеграции бывших осужденных, получила необходимое законодательное выражение, что обусловлено обострившимся в России комплексом проблем, содержащих в себе дифференцированные угрозы безопасности человека, общества и государства. Отметим, что в целях унификации данных состояний в научный и практический оборот введено понятие «национальная безопасность» [\[10, 11, 12\]](#).

При этом преодолению указанных проблем способствует правомерное поведение отдельных субъектов общественных отношений, поскольку в нем в большей части сочетаются государственные, общественные и личные интересы [\[13, с. 81\]](#). В связи с этим уровень развития правовых механизмов, направленных на стимулирование правомерного поведения, непосредственно коррелирует с состоянием национальной безопасности.

В контексте оценки социальной обусловленности внедрения и применения норм о probation на современном этапе важно отметить, что пояснительная записка к проекту федерального закона, именуемого впоследствии как Закон о probation, не содержит положений, раскрывающих те или иные социальные, политические или экономические трудности, на нейтрализацию которых направлены соответствующие нормы. Однако в ней акцент делается на необходимости «эффективной адаптации граждан в обществе, восстановления социально полезных связей, трудоустройства» освободившихся от отбывания наказания, из чего следует признание проблем, способствующих распространению рецидивной преступности.

Обусловленность внедрения probation с позиции предупреждения рецидивной преступности. Анализ состояния и структуры современной преступности позволяет сделать вывод о наличии объективной социальной потребности в правовом воздействии на ранее осужденных лиц в посткриминальный период в связи с тем, что на сегодняшний день проблема повторного обращения лица к противоправной модели поведения представляет одну из наиболее актуальных угроз национальной безопасности. По данным МВД России за период 2015–2024 гг. удельный вес лиц, совершивших преступления повторно, не снижался менее 52 % от общего количества выявленных субъектов общественно опасных деяний, а в отдельные годы был близок к 60 % (2021 г. – 58,2 %; 2022 г. – 59,1 %; 2023 г. – 58,6 %). Соответственно, в годы, предшествующие принятию Закона о probation, субъектный состав преступных деяний примерно в 3 из 5

случаев состоял из лиц, которые ранее уже нарушали уголовный закон. При этом речь идет о контингенте, наиболее упорно противопоставляющем себя нравственным ценностям, обществу, правопорядку, подготавливая «кадры» для организованной и профессиональной преступности [14].

Данные показатели свидетельствуют о низком качестве реинтеграции бывших осужденных в общество, обострении социально-экономических трудностей после отбывания (исполнения) наказания. Так, дезадаптированный вследствие социальной изоляции человек, который сравнительно недавно находился под полным патронатом государства в лице учреждений уголовно-исполнительной системы, оказывается предоставленным самому себе [15, с. 190], будучи неготовым к полноценному восстановлению своего общественного статуса, противоречиям между экономическими потребностями и возможностями их удовлетворения, несоответствию уровня жизни уровню обеспечения физиологической выживаемости [16] и т.п., избирает противоправную модель поведения в процессе поиска вариантов продолжения жизнедеятельности, обеспечения финансовых и бытовых потребностей. Указанная проблема приобретает повышенную актуальность с учетом ее корреляции с современными тенденциями и динамикой «повторных» уголовно-правовых посягательств. По данным Верховного Суда Российской Федерации в структуре преступности лиц, имеющих неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения, традиционно доминируют преступления против собственности, в числе которых наиболее распространены кража и грабеж (около 50 % от общего числа преступлений, совершенных указанной социальной группой).

В свою очередь негативные свойства рецидивной преступности обусловлены деструктивным характером воздействия на реализацию прав и интересов человека, общества и государства, кратностью социальных результатов преступных деяний в их материальном, организационном, нравственном, психологическом, медицинском выражении [17, 18], ухудшением характеристик социальной среды в части ее криминогенной деформации ввиду внедрения элементов уголовной субкультуры в «большое» общество и потенциального вовлечения иных лиц в преступную деятельность, а также снижения уровня доверия населения к правоохранительным органам, которые обусловлены существованием в обществе группы людей, неоднократно совершавших преступления и избравших для себя «противоправный» образ жизни [19]. Кроме того, высокие показатели рецидивной преступности выступают одним из маркеров эффективности уголовной и пенитенциарной политики государства, демонстрирующих качественные и количественные недостатки исправительного и ресоциализационного воздействия.

Обусловленность внедрения probation с позиции преодоления вызовов и угроз в сфере занятости населения, связанных с кризисом кадров на отечественном рынке труда.

Приоритетным направлением государственной политики в указанной сфере является создание правовых и экономических условий для развития гибкого и эффективно функционирующего рынка труда. При этом изменение структуры трудовой занятости и степень вовлеченности населения в рабочие процессы, в свою очередь, оказывают воздействие на темпы экономического развития страны.

В связи с этим среди причин внедрения инструментов probation могут быть также отмечены проблемы экономического характера, в числе которых особое место в

современных условиях внешнего санкционного давления на Российскую Федерацию занимают эффективность использования имеющихся трудовых ресурсов, повышение объемов валового внутреннего продукта, обеспечение качества производства национальных товаров и оказания услуг.

К настоящему времени дефицит кадров по отдельным направлениям как частной, так и государственной хозяйственной деятельности достиг масштабов, позволяющих говорить о нем как о критическом вызове для экономики Российской Федерации. По сведениям Росстата, в 2024 году в условиях крайне низкого уровня безработицы (2,3 %) спрос на рабочую силу превысил предложение более, чем на 2,2 млн человек. По результатам прогноза Минтруда России о потребностях экономики в кадрах до 2030 года обеспечение приоритетов развития России в течение пяти лет потребует дополнительного привлечения к труду 3,1 млн человек.

Вместе с тем указанная потребность могут быть частично покрыта посредством внутренних рабочих ресурсов страны, в том числе лиц, освобожденных от отбывания наказания, а равно и тех, кому назначены наказания, не связанные с лишением свободы, либо у кого срок наказания истекает в ближайшие годы как единой категории потенциальных работников, испытывающих в силу своего криминального прошлого проблемы с трудоустройством, которая представляет собой существенный социальный ресурс. Эффективное применение probation способно оказать положительное влияние на динамику привлечения производительных сил, создать возможности для реализации права на образование и труд, вовлечь в рабочие процессы значительно большее количество людей, тем самым обеспечивая «общие» интересы при максимальном учете законных частных интересов, решительном противодействии своекорыстным интересам, подавлении интересов незаконных, противоречащих праву [\[20, с. 167\]](#).

При этом анализ социальной структуры осужденных свидетельствует о том, что подавляющее большинство лиц (более 90 %), привлеченных к уголовной ответственности за период 2020–2024 гг., находятся в трудоспособном возрасте (18–59 лет). При этом значительное количество осужденных (253 тыс. в 2024 г., 269 тыс. в 2023 г., 274 тыс. в 2022 г.) обладает профессиональным образованием (высшим либо средним), что позволяет на фоне актуальных потребностей рынка труда – преимущественно квалифицированных работников в производственных отраслях экономики, в сфере строительства, транспорта и логистики – вовлекать их в трудовую деятельность с учетом уже имеющихся знаний и навыков, полученных до уголовно-правового воздействия либо в период отбывания наказания.

Обусловленность внедрения probation с позиции совершенствования формирования доходной и расходной частей бюджетной системы Российской Федерации. Указанную причину следует рассматривать в двух аспектах.

Во-первых, привлечение лица к уголовной ответственности при сохранении антиобщественных установок личности и повторности противоправного поведения влечет за собой кратное увеличение требуемых финансовых ресурсов на осуществление борьбы с преступностью и продолжительности расходов федерального бюджета, обусловленной назначением более строгих и длительных сроков лишения свободы в подобных случаях.

Так, вред от преступности следует рассматривать не только с точки зрения причинения вреда конкретным общественным отношениям, последствий отдельным физическим или юридическим лицам, но и более широко, включая генерирование препятствий экономического развития индивида, общества и государства, а также необходимость

значительных финансовых затрат на борьбу с ней, включая расходы на государственное содержание осужденных к лишению свободы, их бытовое и вещевое обеспечение [\[1\]](#). При этом «государственное финансирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, по сравнению с другими странами, является одним из самых существенных» [\[21, с. 28\]](#). К примеру, из федерального бюджета на нужды системы исполнения наказаний в 2025 году выделено 266 млрд. рублей, а в 2026 и 2027 году планируется выделить 290 млрд. и 306 млрд. соответственно.

В криминологической науке распространена позиция, согласно которой идея предупреждения преступности значительно разумнее, прогрессивнее и экономически выгоднее, чем «борьба» и репрессии [\[2, 4\]](#). А. И. Долгова пишет о том, что высокие затраты на борьбу с преступностью презюмируют направление меньшего количества средств на своевременное оказание социальной помощи нуждающимся в ней детям, семьям, имеющим детей, другим субъектам, на образование и культуру. Тем самым создаются условия для становления на преступный путь все новых и новых людей, что в перспективе потребует более масштабных затрат, тогда как предупредительная деятельность направлена на то, чтобы этого не допустить [\[3, с. 437\]](#).

Во-вторых, существенными источниками доходной части бюджетной системы страны являются поступления от налогов и сборов федерального, регионального и местного уровня. В частности, по данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации, за 2024 г. было получено 8,4 трлн рублей с налога на доходы физических лиц, еще 8,7 трлн с налога на добавленную стоимость (товары, реализуемые на территории страны).

Вместе с тем, как было отмечено ранее, одним из ключевых препятствий на пути самостоятельной социальной адаптации ранее осужденных лиц являются проблемы с их трудоустройством, в том числе с учетом имеющихся знаний, навыков, квалификации. При этом представляется очевидной зависимость объемов доходных частей указанных видов бюджетов (с учетом особенностей перераспределения налогов и сборов по уровням бюджетной системы страны, предусмотренных Бюджетным кодексом Российской Федерации) от количества официально трудоустроенных граждан и уровня их финансовых возможностей, отражающих способность приобретать товары, услуги, работы, в стоимость которых также включены налоговые отчисления, а также осуществлять предпринимательскую деятельность и т.п.

Соответственно, эффективное функционирование пробационных механизмов может быть рассмотрено как факультативный элемент стабилизации государственной финансовой политики в условиях колоссального объема примененных в отношении России рестрикций, способный оказать влияние на бюджетную наполняемость федерального, регионального и местного уровня в части перераспределения финансовых средств на иные сферы, составляющие основу социального и экономического развития страны, а также обеспечения баланса доходов и расходов бюджетов в условиях нуждаемости в дополнительных затратах в связи с санкционным давлением [\[22\]](#).

На основании изложенного следует отметить, что внедрение в отечественное правовое поле probation с учетом актуальной социально-экономической ситуации в стране представляет собой выражение объективных личных, общественных и государственных потребностей в области нейтрализации угроз национальной безопасности, к которым представляется возможным отнести прежде всего рецидивную преступность и препятствия экономическому развитию, связанные с дефицитом кадров на отечественном рынке труда. Кроме того, обосновано, что эффективное применение probation

способствует росту уровня доходов государства от налогов и сборов, а также изменению вектора распределения средств бюджетной системы страны в части их дополнительного выделения на социально-значимые расходы.

Библиография

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М.: "Логос", 2004. – 447 с.
2. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: ООО Издательский Дом "Алеф-Пресс", 2018. – 517 с.
3. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
4. Курс советской криминологии. Предупреждение преступности / Алимов С.Б., Антонов-Романовский Г.В., Дашков Г.В., Ермаков В.Д., и др.; под ред.: Карпец И.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н. – М.: Юрид. лит., 1986. – 352 с.
5. Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8; EDN: WHMRFL.
6. Мельникова О.В. Служба пробации – приоритетное направление развития уголовно-исполнительной системы Российского государства // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11 (203). – С. 220-222.
7. Голодов П.В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194-203; DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009; EDN: MKVKTF.
8. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания (Проблема социальной адаптации). – М.: Юр. лит., 1974. – 136 с.
9. Социология права: учебник / Сырых В.М. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Юстицинформ, 2012. – 473 с.
10. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: социальные и правовые основы. – М.: Норма, 2005. – 272 с.
11. Уголовно-правовая охрана национальных интересов: монография / отв. ред. С.Л. Нудель. – М.: Проспект, 2025. – 272 с.
12. Нудель С.Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 62-74; DOI: 10.61205/jrp.2023.128; EDN: LUDEWV.
13. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. / Т. 1: Общая теория права. Уголовное право. – М.: Наука, 2002. – 567 с.
14. Предупреждение рецидивной преступности. Теоретико-прикладное исследование: монография / Н.С. Артемьев, Г.В. Курбатова, А.Н. Павлухин, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. – 128 с.; EDN: IFYAEQ.
15. Ромашов Р.А. Пенитенциарная социализация и постпенитенциарная ресоциализация лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 7. С. 181-194; EDN: QYNGOG.
16. Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / С.Б. Бальхаева, Х.И. Гаджиев, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Проспект, 2022. – 280 с.
17. Социальные последствия и цена преступности: монография / М.М. Бабаев, О.Р. Афанасьева; М-во внутренних дел Российской Федерации, Федеральное гос. казенное учреждение "Всероссийский науч.-исслед. ин-т". – М.: ВНИИ МВД России, 2012. – 125 с.; EDN: XAIJUT.
18. Сабитов Р.А. Учение о последствиях преступлений: монография. – М.: Юрлитинформ,

2015. – 527 с.; EDN: TRXUYL.

19. Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 2009. – 169 с.; EDN: NQPWTJ.

20. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Содерж.: Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. – М., 2018. – 472 с.

21. Крайнова Н.А. Финансовые аспекты ресоциализации осужденных в системе приоритетных задач развития Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 1. С. 25-32; DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).1.025-032; EDN: EVQMGZ.

22. Финансовое право на рубеже эпох: монография / под ред. И.И. Кучерова. – М.: Проспект, 2024. – 336 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, социальная обусловленность пробации в современной России. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) обеспечило формирование правовой основы для логического продолжения антикриминальной деятельности государства в целях предупреждения рецидивной преступности, а также реинтеграции лиц, освобожденных от наказания, в общественные процессы. Данное волевое решение законодателя свидетельствует о признании в современных условиях обусловленности пробационных мер и мероприятий, объективной потребности в их регламентации с учетом актуализированных в последние годы социальных и экономических предпосылок, а также противоречий взаимодействия человека, общества и государства". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Анализ состояния и структуры современной преступности позволяет сделать вывод о наличии объективной социальной потребности в правовом воздействии на ранее осужденных лиц в посткриминальный период в связи с тем, что на сегодняшний день проблема повторного обращения лица к противоправной модели поведения представляет одну из наиболее актуальных угроз национальной безопасности. По данным МВД России за период 2015–2024 гг. удельный вес лиц, совершивших преступления повторно, не снижался менее 52 % от общего количества выявленных субъектов общественно опасных деяний, а в отдельные годы был близок к 60 % (2021 г. – 58,2 %; 2022 г. – 59,1 %; 2023 г. – 58,6 %). Соответственно, в годы, предшествующие принятию Закона о пробации, субъектный состав преступных деяний примерно в 3 из 5 случаев состоял из лиц, которые ранее уже нарушали уголовный закон"; "К настоящему времени дефицит кадров по отдельным направлениям как частной, так и государственной хозяйственной деятельности достиг масштабов, позволяющих говорить о нем как о критическом вызове для экономики Российской Федерации. По сведениям Росстата, в 2024 году в условиях крайне низкого уровня безработицы (2,3 %) спрос на рабочую силу превысил предложение более, чем

на 2,2 млн человек. По результатам прогноза Минтруда России о потребностях экономики в кадрах до 2030 года обеспечение приоритетов развития России в течение пяти лет потребует дополнительного привлечения к труду 3,1 млн человек. Вместе с тем указанная потребность могут быть частично покрыта посредством внутренних рабочих ресурсов страны, в том числе лиц, освобожденных от отбывания наказания, а равно и тех, кому назначены наказания, не связанные с лишением свободы, либо у кого срок наказания истекает в ближайшие годы как единой категории потенциальных работников, испытывающих в силу своего криминального прошлого проблемы с трудоустройством, которая представляет собой существенный социальный ресурс"; "При этом анализ социальной структуры осужденных свидетельствует о том, что подавляющее большинство лиц (более 90 %), привлеченных к уголовной ответственности за период 2020–2024 гг., находятся в трудоспособном возрасте (18–59 лет). При этом значительное количество осужденных (253 тыс. в 2024 г., 269 тыс. в 2023 г., 274 тыс. в 2022 г.) обладает профессиональным образованием (высшим либо средним), что позволяет на фоне актуальных потребностей рынка труда – преимущественно квалифицированных работников в производственных отраслях экономики, в сфере строительства, транспорта и логистики – вовлекать их в трудовую деятельность с учетом уже имеющихся знаний и навыков, полученных до уголовно-правового воздействия либо в период отбывания наказания" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует социальную обусловленность пробации в современной России. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Так, в 1998 году проектом федерального закона «О социальной помощи лицам, отбывшим наказания, и контроле за их поведением» (подготовлен депутатами В. И. Илюхиным и В. Д. Филимоновым) предполагалось внедрение в российскую правовую систему европейского опыта пробации и административного надзора, то есть механизмов социальной поддержки, оказания медицинских и правовых услуг, материальной помощи, трудового и бытового устройства отбывших наказание в виде ограничения свободы, ареста и лишения свободы, сопряженных с возложением на них ряда обязанностей в зависимости от их поведения, социального статуса и иных сведений, характеризующих личность, ряда обязанностей (к примеру, запрет на посещение определенных судом мест либо выхода из места пребывания в установленное время, прохождение курсов лечения, материальная поддержка семьи, уведомление о выезде на пределы субъекта, смене места жительства или работы и др.) и наблюдением за поведением (надзором) в целях предупреждения совершения ими новых преступлений" - "Так, в 1998 году проектом федерального закона «О социальной помощи лицам, отбывшим наказания, и контроле за их поведением» (подготовлен депутатами В. И. Илюхиным и В. Д. Филимоновым) предполагалось внедрение в российскую правовую систему европейского опыта пробации и административного надзора, то есть механизмов социальной поддержки, оказания медицинских и правовых услуг, материальной помощи, трудового и бытового устройства отбывших наказание в виде ограничения свободы, ареста и лишения свободы, сопряженных с возложением на них ряда обязанностей в зависимости от их поведения, социального статуса и иных сведений, характеризующих личность (к примеру, запрет на посещение определенных

судом мест либо выхода из места пребывания в установленное время, прохождение курсов лечения, материальная поддержка семьи, уведомление о выезде за пределы субъекта, смене места жительства или работы и др.) и наблюдением за поведением (надзором) в целях предупреждения совершения ими новых преступлений" (опечатки, повторы).

Ученый отмечает: "В начале 2010-х гг. Министерством юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России) был разработан проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих», которым предусматривалось создание самостоятельной службой пробации для содействия в социальной реинтеграции бывшим осужденным, однако данная инициатива не была поддержана в связи с высокой затратностью, а работа над созданием этого института была приостановлена [5, 6, 7]" - "службы пробации" (опечатка).

Автор указывает: "Так, дезадаптированный вследствие социальной изоляции человек, который сравнительно недавно находился под полным патронатом государства в лице учреждений уголовно-исполнительной системы, оказывается предоставленным сам себе [15, с. 190] будучи неготовым к полноценному восстановлению своего общественного статуса, противоречиям экономическими потребностями и возможностями их удовлетворения, несоответствию уровня жизни уровню обеспечения физиологической выживаемости [16] и т.п. избирает противоправную модель поведения в процессе поиска вариантов продолжения жизнедеятельности, обеспечения финансовых и бытовых потребностей" - "Так, дезадаптированный вследствие социальной изоляции человек, который сравнительно недавно находился под полным патронатом государства в лице учреждений уголовно-исполнительной системы, оказывается предоставленным самому себе [15, с. 190], будучи неготовым к полноценному восстановлению своего общественного статуса, противоречиям между экономическими потребностями и возможностями их удовлетворения, несоответствию уровня жизни уровню обеспечения физиологической выживаемости [16] и т. п., избирает противоправную модель поведения в процессе поиска вариантов продолжения жизнедеятельности, обеспечения финансовых и бытовых потребностей" (см. на пунктуацию и пропуск слова).

Ученый пишет: "Данная проблема актуализируется при наличии..." - предложение обрывается.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 22 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, учебниками). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("На основании изложенного следует отметить, что внедрение в отечественное правовое поле пробации с учетом актуальной социально-экономической ситуации в стране представляет собой выражение объективных личных, общественных и государственных потребностей в области нейтрализации угроз национальной безопасности, к которым представляется возможным отнести прежде всего рецидивную преступность и препятствия экономическому развитию, связанные с дефицитом кадров на отечественном рынке труда. Кроме того, обосновано, что эффективное применение пробации способствует росту уровня доходов государства от налогов и сборов, а также изменению вектора распределения средств бюджетной системы страны в части их дополнительного

выделения на социально-значимые расходы"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере криминологии и уголовно-исполнительного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является социальная обусловленность института пробации в современной России. Автор анализирует объективные причины и предпосылки принятия Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», рассматривая пробацию как логическое продолжение антикриминальной деятельности государства. В центре внимания находятся три основных аспекта обусловленности пробации: предупреждение рецидивной преступности, преодоление кадрового кризиса на рынке труда и оптимизация бюджетной политики государства.

Методология исследования

Автор использует комплексную методологию, включающую:

Историко-правовой анализ попыток внедрения пробационных механизмов в России с 1990-х годов

Статистический анализ данных МВД России, Росстата, Верховного Суда РФ

Сравнительно-правовой метод при анализе зарубежного опыта

Системный подход при рассмотрении взаимосвязи пробации с различными сферами общественной жизни

Методология представляется адекватной поставленным задачам, однако ощущается недостаток в применении социологических методов исследования, которые могли бы дополнить статистические данные качественным анализом.

Актуальность

Актуальность исследования бесспорна и обусловлена несколькими факторами:

Недавнее принятие базового закона о пробации требует научного осмысления

Критически высокие показатели рецидивной преступности (52-59% от общего количества выявленных правонарушителей)

Острый дефицит кадров в российской экономике (более 2,2 млн человек)

Необходимость оптимизации бюджетных расходов в условиях санкционного давления

Автор убедительно демонстрирует своевременность и практическую значимость исследуемой проблематики.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в комплексном обосновании социально-экономической обусловленности института пробации в современных российских

условиях. Автор впервые системно связывает внедрение probation с решением кадровых проблем экономики и бюджетной политикой государства, что выходит за рамки традиционного криминологического подхода.

Оригинальным является тезис о probation как факультативном элементе стабилизации государственной финансовой политики. Новизной обладает также анализ трехаспектной социальной обусловленности probation через призму национальной безопасности.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным стилем с соблюдением терминологической точности. Структура логична и последовательна: от исторического обзора к анализу современного состояния проблемы с выделением трех ключевых аспектов обусловленности.

Содержание статьи богато фактическим материалом, однако наблюдается некоторая диспропорция в изложении - первый аспект (рецидивная преступность) раскрыт значительно подробнее остальных. Стиль местами избыточно наукообразен, что затрудняет восприятие.

Положительно следует отметить обширную статистическую базу и конкретные цифровые данные, подкрепляющие теоретические выводы.

Библиография

Библиографический список включает 22 источника, что представляется достаточным для статьи подобного объема. Список сбалансирован по хронологии: от классических работ советского периода (Шмаров, 1974; Курс советской криминологии, 1986) до современных исследований 2020-2025 годов.

Однако имеются недостатки:

Отсутствуют зарубежные источники по probation, что ограничивает сравнительный анализ

Недостаточно представлена специализированная литература по экономическим аспектам пенитенциарной системы

Не использованы диссертационные исследования последних лет по данной тематике

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными точками зрения на проблему probation, ссылаясь на позиции ведущих криминологов (Антонян, Гишинский, Долгова и др.). Однако апелляция к оппонентам носит скорее констатирующий характер.

Отмечается дискуссионность позиции о региональном уровне решения вопросов ресоциализации, но полемика развернута недостаточно. Автор мог бы более активно включиться в научную дискуссию о моделях организации probationных служб, эффективности различных подходов к реинтеграции осужденных.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования обоснованы и логически вытекают из представленного материала. Автор убедительно доказывает социальную обусловленность внедрения probation в России через три основных аспекта: криминологический, экономический и бюджетно-финансовый.

Однако выводы носят преимущественно констатирующий характер и не содержат конкретных рекомендаций по совершенствованию пробационных механизмов. Отсутствуют прогнозные оценки эффективности внедряемой системы.

Статья представляет интерес для широкого круга читателей: научных работников в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, работников правоохранительных органов, специалистов по социальной работе. Материал может быть полезен при разработке подзаконных актов, конкретизирующих положения Закона о пробации.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой качественное научное исследование актуальной проблемы. Основными достоинствами работы являются комплексный подход, обширная эмпирическая база, новизна в обосновании социально-экономической обусловленности пробации.

К недостаткам следует отнести:

Недостаточное использование зарубежного опыта

Слабую разработку практических рекомендаций

Неравномерность изложения отдельных аспектов проблемы

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Свашенко А.С. Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49 // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.72746 EDN: YPYJZP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72746

Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49

Свашенко Александр Сергеевич

советник, адвокат судебно-арбитражной практики Адвокатского Бюро ЕПАМ

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Невский пр-т, 22-24

✉ alexander_svashenko@epam.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.72746

EDN:

YPYJZP

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2024

Дата публикации:

15-09-2025

Аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые вопросы применения срока исковой давности в делах, касающихся антикоррупционных исков, направленных на защиту общественных интересов и инициируемых органами прокуратуры. Особое внимание уделено анализу судебной практики, выявлению различий в подходах судов к интерпретации норм и правовому регулированию этой области. Отдельно изучаются обстоятельства, при которых возможно отклонение от стандартных сроков исковой давности, если это необходимо для защиты публичного блага и обеспечения справедливости. Центральным объектом анализа является Постановление Конституционного суда РФ № 49-П от 31 октября 2024 года, устанавливающее условия и

правовые основания для таких исключений, что подчеркивает значимость защиты общественных интересов в борьбе с коррупцией и поддержания правопорядка. В работе использованы методы сравнительного анализа, изучения судебной практики и системного подхода. Исследование основывается на нормативных правовых актах, решениях судов и доктринальных подходах к институту исковой давности. Исследование выявило ключевые правовые коллизии, возникающие между публичными и частными интересами при применении сроков исковой давности к антикоррупционным искам для защиты публичных интересов. Впервые был проведен комплексный и глубокий анализ постановления Конституционного суда РФ № 49-П от 31 октября 2024 года, которое обосновывает возможность отказа от применения сроков давности в целях защиты государственных интересов. Автор статьи приходит к выводу о необходимости законодательного уточнения критериев для исключений из срока давности, а также усиления правовых гарантий для добросовестных участников гражданского оборота в данной области. Кроме того, в работе предложены конкретные меры, направленные на повышение правовой определенности и оптимизацию баланса между публичными и частными интересами в антикоррупционных делах.

Ключевые слова:

исковая давность, защита публичного интереса, противодействие коррупции, антикоррупционные иски, прокуратура, Конституционный Суд, незаконное обогащение, взыскание активов, публичные интересы, судебная практика

Введение

Проблема коррупции остается одной из наиболее острых в современном обществе, нанося ущерб как частным интересам, связанным с нарушением прав широкого круга лиц, так и публичным, подрывая безопасность государства. Конституционный Суд подчеркивает, что коррупция представляет собой крайне опасное явление, способное ослабить систему публичной власти, снизить уровень доверия граждан к законности и серьезно препятствовать прогрессу страны.

Противодействие коррупции в современных реалиях в Российской Федерации является принципиально важным направлением деятельности таких правоохранительных органов, как прокуратура Российской Федерации, которым согласно действующему российскому законодательству, предоставлено центральное место в реализации антикоррупционного законодательства и обеспечении его соблюдения.

Для компенсации вреда, нанесенного коррупционными действиями, прокурор имеет право инициировать судебный иск. Как отмечает Н. В. Мишакова., только за 2020 год в рамках борьбы с коррупцией прокурорами было предъявлено исков на сумму более 84 млрд рублей [\[1\]](#).

Одной из ключевых правовых проблем является применение сроков исковой давности в рамках антикоррупционных исков, подаваемых прокурорами для защиты публичных интересов. Противоречия в правоприменительной практике и нормативные пробелы в данной области подчеркивают необходимость углубленного исследования этого вопроса.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе возможности использования частноправового института исковой давности в публично-правовых отношениях, в

частности, в антикоррупционных исках. Автором впервые проводится детальный разбор Постановления Конституционного суда РФ № 49-П от 31 октября 2024 года, в котором обоснована возможность неприменения сроков давности к антикоррупционным искам для защиты общественных интересов.

Актуальность темы обусловлена значимостью борьбы с коррупцией для укрепления законности, повышения доверия к государственным институтам и обеспечения возврата незаконно полученных активов в доход государства. Решение проблемы применения исковой давности в антикоррупционных исках прямо связано с обеспечением баланса между частными и публичными интересами, что делает данный вопрос крайне важным для развития правовой системы Российской Федерации.

В статье приводятся мнения и работы ведущих специалистов в области права, таких как:

- Н. В. Мишакова, акцентирующая внимание на практической деятельности прокуратуры РФ в борьбе с коррупцией;
- М. Ю. Барщевский, подчеркивающий необходимость применения сроков давности в контексте правового государства;
- А. Н. Марьин, считающий, что антикоррупционные иски должны подчиняться нормам гражданского права, включая институт давности.

Целью статьи является разработка предложений для повышения правовой определенности в регулировании института исковой давности применительно к антикоррупционным искам.

Методология исследования основана на анализе нормативно-правовых актов, судебной практики, доктринальных подходов к проблеме исковой давности в публично-правовых отношениях, а также использовании методов сравнительного и системного анализа.

Основания для антикоррупционных исков

Антикоррупционные иски, подаваемые прокурорами, можно разделить на следующие группы в зависимости от основания иска.

Первая. Российское законодательство требует от государственных служащих не только предоставления декларации о доходах, но и подтверждения их легальности в случае выявления незадекларированных активов. В случае, если законность выявленных реальных доходов служащего не подтверждена, возникает гражданско-правовое обязательство перед государством, которое наняло сотрудника, вернуть *неосновательное обогащение*. Принудительное исполнение этого обязательства возможно через обращение прокурора в суд с иском к служащему в интересах государства, потерпевшего от действий своего служащего. Однако правоприменительная практика свидетельствует о небольшом количестве дел по искам с таким основанием. В соответствии с информацией, отраженной в обзоре Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014 - 2015 годах органами прокуратуры направлено двенадцать соответствующих исков (из них удовлетворено пять исков), в 2016 году - 29 исков (удовлетворено пятнадцать исков), в 2017 году - 35 исков (удовлетворено 26 исков) [\[2\]](#).

Некоторые авторы полагают, что для большей эффективности работы этого механизма статья 45 Гражданского процессуального кодекса, наделяющая прокурора правом обратиться в суд с заявлением о защите, должна быть дополнена нормой о предоставлении прокурору права на предъявление иска об изъятии неосновательно

(незаконно) приобретенного имущества [3].

Вторая. К этой группе следует отнести заявляемые прокурорами искивые *требования о признании сделки* по получению дохода преступным путем в результате взятки *ничтожной* и взыскании в доход Российской Федерации таких денежных средств. Иски заявлялись на основании статей 12 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Суды резюмировали, что целью подобных коррупционных сделок является достижение результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит — заведомо и очевидно для участников гражданского оборота — основам правопорядка и нравственности [1], при таких обстоятельствах требования прокурора удовлетворялись.

Третья – *иски о возмещении ущерба*. Так, М. В. Рубцова в своих трудах подчеркивает, что такого рода искивые заявления иски предъявляются сторонами (потерпевшими и органами прокуратуры) практически по каждому десятому делу [4]. В период с 2018 по 2020 годы прокурорами в целях взыскания ущерба от коррупции в рамках уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства предъявлено более 2,7 тыс. искивых заявлений на общую сумму свыше 35 млрд рублей [4]. Согласно информации с официального сайта Прокуратуры Костромской области, а именно, Отчету за 4 квартал 2022 года «О состоянии прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» от 10 февраля 2023 года в результате принятых мер в 2022 году выявлено более 1100 нарушений антикоррупционного законодательства. В первом квартале 2025 года было выявлено почти на четверть больше коррупционных преступлений, чем в первом квартале 2024-го. Если в первом квартале 2024 года было выявлено 12 466 таких преступлений, то в первом квартале этого года — 15 458 (больше на 24%). Всего за 2024 год было выявлено 38,5 тыс. коррупционных преступлений, а в 2023-м — 36,4 тыс. Рост составил 5,7%.

Правовое регулирование антикоррупционных исков

Конституция РФ является актом высшей юридической силы, который закрепляет права и свободы граждан и определяет принципы государства. Данный источник регулирования оказывает воздействие на борьбу с коррупцией через следующий аспект. Конституцией установлен принцип правового государства, что означает верховенство закона и обязанность всех граждан и государственных органов соблюдать нормы права.

Конституция РФ устанавливает антикоррупционные основы, закрепляя обязанность государства как правового и демократического принимать достаточные и эффективные меры для противодействия коррупции. Это включает меры, направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции. Противодействие коррупции рассматривается в качестве одного из ключевых условий обеспечения конституционной законности, правового равенства и укрепления взаимного доверия между государством и обществом, что находит отражение в нормах статьи 15, 19 и статьи 75.1 Конституции РФ.

Федеральные законы играют ключевую роль в реализации мер противодействия коррупционным проявлениям.

Ключевым нормативным актом, регулирующим антикоррупционную деятельность, является федеральный закон «О противодействии коррупции». Этот документ закрепляет главные принципы борьбы с коррупцией, создает правовую и организационную основу для профилактических мер, а также направлен на минимизацию или устранение

последствий коррупционных правонарушений. Согласно пункту 1 статьи 8 указанного закона, одной из основных мер противодействия коррупции является контроль за соблюдением обязанностей по представлению сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. В случаях выявления расхождений между декларированными данными и реальной стоимостью имущества, прокурор вправе инициировать обращение в суд с иском о признании такого имущества необоснованным и его изъятии в доход Российской Федерации. Такой подход направлен на устранение последствий коррупционных правонарушений и предотвращение незаконного обогащения.

В контексте данной нормы прокурор выполняет функцию гаранта общественных интересов, выявляя случаи нарушения антикоррупционного законодательства и применяя судебные механизмы для защиты государственных ресурсов.

Гражданский кодекс также содержит положения о недействительности сделок, которые могут быть применимы в случае попыток сокрытия коррупционного имущества путем его отчуждения в пользу третьих лиц. Например, статья 169 ГК РФ допускает признание таких сделок ничтожными, что позволяет вернуть имущество в собственность государства. Так, сделки, законность получения доходов по которым не была должным образом подтверждена, могут быть признаны ничтожными в соответствии со статьями 12 и 169 ГК РФ [\[1\]](#).

ГК РФ устанавливает общие принципы, касающиеся права собственности и его защиты. В контексте изъятия имущества в доход государства важное значение имеет статья 235 ГК РФ, регулирующая основания прекращения права собственности. Законодательной базой для такого инструмента как антикоррупционный иск прокурора служит подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ, где установлен порядок прекращения права собственности на такое имущество, приобретение которого на законные доходы не подтверждено в судебном порядке [\[1\]](#). Одним из таких оснований является обращение взыскания на имущество по решению суда. Если в ходе проверки не удастся подтвердить законность приобретения какого-либо имущества, оно подлежит принудительному изъятию в доход Российской Федерации [\[9\]](#).

В настоящий момент в российском законодательстве существует множество нормативно-правовых актов, предупреждающих коррупционную деятельность и регулирующих способы борьбы с ней, тем не менее на практике существует ряд проблем правоприменения.

Проблематика реализации механизма антикоррупционных исков

Несмотря на то, что на практике прокурорами для защиты публичных интересов предъявляются антикоррупционные иски с различными основаниями, проблемы, связанные с осуществлением этого механизма, являются общими.

Общественный резонанс в контексте исследуемой темы вызвало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (далее – «Конституционный Суд РФ») от 31 октября 2024 №49-П, в котором Конституционный Суд РФ обратился к фундаментальной с точки зрения правовых принципов теме, а именно, к возможности применения базовых частноправовых институтов для защиты публичных интересов.

Предметом рассмотрения являлся вопрос исковой давности. Отмечалось, что в судебной практике по антикоррупционным искам прокуроров сформированы противоположные подходы: в одних случаях применение исковой давности допустимо, а в других, при

аналогичных обстоятельствах, – уже нет. Поводом к рассмотрению стало обращение регионального суда, в производстве которого находится дело о взыскании в доход РФ имущества стоимостью более 9 млрд руб., нажитого ответчиком в период нахождения на госслужбе в нарушение антикоррупционных ограничений, однако иск прокурором был заявлен спустя почти 20 лет после рассматриваемого периода нарушений.

Проблематика применения исковой давности в контексте антикоррупционных исков тесно связана с конституционной задачей обеспечения защиты прав и свобод граждан, а также поддержания стабильности правового порядка. В статье 45 Конституции РФ закреплено право каждого на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами, что предполагает создание эффективных механизмов восстановления нарушенных публичных интересов. Кроме того, статья 17 Конституции указывает на приоритет защиты прав и свобод человека и гражданина, что требует соразмерного ограничения частноправовых институтов, таких как исковая давность, когда их применение может привести к поощрению противоправных действий, включая коррупционные деяния. В этой связи антикоррупционное законодательство (в частности, Федеральный закон №273-ФЗ «О противодействии коррупции») направлено на реализацию принципов справедливости и обеспечения доверия к государственным институтам, что обуславливает необходимость особого подхода к вопросам сроков давности. Таким образом, возникает необходимость в совершенствовании законодательного регулирования для устранения правовой неопределенности и обеспечения баланса между публичными и частными интересами.

Конституционный Суд в своем постановлении отметил, что исключения из общего правила о сроке исковой давности допустимы, если они необходимы в целях защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов исходя из принципов справедливости, равенства и соразмерности. Суд убежден, что недобросовестное поведение лица, совершившего деяния коррупционной направленности, должно лишать это лицо оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты противоречащих основам правопорядка интересов.

Постановление Конституционного суда РФ № 49-П от 31 октября 2024 года стало важным этапом в формировании подхода к антикоррупционным искам, однако вызвало немало споров в юридическом сообществе. Основной вывод суда, заключающийся в неприменении сроков исковой давности к антикоррупционным искам, оправдывается «общественными потребностями» и публично-правовым характером таких отношений. В то же время это решение оставляет открытым ряд ключевых вопросов, связанных с применением базовых принципов права.

Критические мнения и анализ позиции Конституционного Суда РФ

Если обращаться к некоторым авторам в научной литературе, то можно найти мнения, противоречащие идее Конституционного суда, заложенной в постановлении. Так, например, М. Ю. Барщевский указывал, что срок давности должен применяться, поскольку в правовом государстве никто не может находиться под угрозой бессрочного имущественного взыскания. А. Н. Марьин утверждал, что иск прокурора об обращении в доход государства имущества имеет своим предметом конкретные имущественные права, в связи с чем рассмотрение таких исков подчиняется нормам гражданского права, в том числе о сроках давности [\[8\]](#).

Мнения в юридическом сообществе разделились на две позиции. Сторонники позиции Конституционного суда РФ утверждают, что коррупция подрывает основы правопорядка,

и отсутствие сроков исковой давности в таких делах – необходимая мера. Они аргументируют это тем, что прокурор защищает публично-правовые интересы, а коррупционеры стремятся скрыть активы, из-за чего классические временные рамки становятся неэффективными. Кроме того, применение сроков давности в таких делах могло бы создать лазейку для злоупотреблений, когда ответчики уклоняются от ответственности за счет временного фактора.

Так, например С. А. Сеницын рассматривает антикоррупционный иск не как инструмент защиты гражданских прав, а как механизм реализации публично-правовой компетенции государственных органов. Этот аспект принципиально отличает антикоррупционные иски от традиционных гражданско-правовых механизмов защиты, поскольку прокуратура, предъявляя такие требования, не становится участником гражданского правоотношения. Следовательно, на антикоррупционные иски не должны распространяться сроки исковой давности, характерные для гражданского права. [\[12\]](#). Автор поддерживает позицию Конституционного Суда РФ, отмечая, что применение сроков исковой давности к антикоррупционным требованиям может привести к подрыву принципов законности и правопорядка, а также к утрате доверия общества к государственным институтам. [\[12\]](#).

Критики постановления считают, что неприменение сроков давности создает правовую неопределенность и нарушает базовые принципы, такие как равенство всех форм собственности и стабильность гражданского оборота. Они подчеркивают, что отсутствие временных рамок для исков прокуратуры делает право собственности относительной величиной, что создает риски для добросовестных участников гражданских правоотношений.

Отдельным вопросом стало отсутствие четкого законодательного определения, что именно считается «коррупционными активами» и каковы критерии для отнесения имущества к категории незаконно приобретенного. Это порождает разночтения и дает Генеральной прокуратуре широкие полномочия, которые могут применяться произвольно.

Авторская позиция по теме

Неоднозначность позиции Конституционного суда РФ обусловлена конфликтом между публичными интересами (борьба с коррупцией) и частными интересами (право собственности и стабильность гражданского оборота) создает правовую коллизию. С одной стороны, защита публичных интересов требует эффективных механизмов взыскания активов. С другой стороны, права добросовестных приобретателей и презумпция невиновности не должны быть ущемлены.

Сторонники позиции Конституционного суда РФ утверждают, что коррупция представляет собой особую угрозу для основ правопорядка и стабильности государственной системы. Они настаивают на том, что отказ от сроков исковой давности является необходимой мерой для защиты публичных интересов и предотвращения злоупотреблений, связанных с попытками скрыть незаконно приобретенные активы. Это мнение основывается на важности защиты общественных интересов, которые зачастую не могут быть реализованы в рамках традиционных частноправовых институтов. Конституционный суд справедливо отметил, что недобросовестное поведение коррупционеров должно лишать их возможности использовать сроки давности как способ защиты противоправных интересов.

В то же время критики решения Конституционного суда подчеркивают, что отказ от применения сроков давности может нарушить базовые принципы правовой

определенности, стабильности гражданского оборота и равенства всех форм собственности. Они указывают на риск произвольного преследования владельцев имущества, а также на потенциальные негативные последствия для добросовестных приобретателей, которые могут оказаться втянутыми в спор о происхождении имущества спустя десятилетия. По их мнению, соблюдение норм гражданского права, включая сроки исковой давности, необходимо для сохранения баланса между частными и публичными интересами.

Постановление Конституционного суда обоснованно с точки зрения интересов государства и общества. Коррупция действительно является одной из ключевых угроз для стабильности, а применение исковой давности в таких делах может подрывать эффективность антикоррупционных мер. Кроме того, суд правомерно уделил внимание защите добросовестных приобретателей, что создает баланс между публичными и частными интересами.

Но в то же время ряд аспектов постановления вызывает сомнения. Отказ от применения сроков давности может привести к произвольному преследованию владельцев имущества, особенно с учетом сложности доказывания добросовестности. Кроме того, решение суда нарушает фундаментальные принципы правовой определенности и стабильности гражданского оборота, что может нанести вред инвестиционному климату и создать препятствия для развития бизнеса.

Авторская позиция заключается в необходимости поиска компромиссного подхода, который сочетал бы достоинства обеих позиций. Коррупция действительно подрывает основы государственной системы и требует особых мер для защиты публичных интересов, включая возможность неприменения сроков исковой давности в исключительных случаях. Однако такой отказ должен быть строго ограничен и сопровождаться четкими критериями применения.

Во-первых, законодательство должно предусматривать конкретные основания, при которых антикоррупционные иски освобождаются от сроков давности. Это, например, могут быть случаи, когда доказано намеренное сокрытие активов или использование коррупционных схем.

Во-вторых, необходимо усилить процессуальные гарантии для добросовестных приобретателей, чтобы исключить риск их необоснованного привлечения к имущественным спорам.

В-третьих, важно уточнить законодательное определение понятия «коррупционные активы», чтобы исключить разночтения и минимизировать произвольность в действиях правоохранительных органов.

Заключение

Постановление Конституционного суда № 49-П отражает стремление защитить публичные интересы и обеспечить возвращение коррупционных активов в государственную собственность. Однако оно является спорным из-за своей неоднозначности и влияния на стабильность правового регулирования. Отказ от применения сроков давности может быть оправдан в исключительных случаях, но требует четких законодательных критериев и дополнительных процессуальных гарантий для защиты прав добросовестных приобретателей.

Таким образом, применение частноправовых институтов в антикоррупционных исках

прокуроров допустимо, но в связи с особой публично-правовой целью по защите государственных интересов содержание этих институтов может меняться.

Видится, что практика реализации антикоррупционных исков, сформировавшаяся за последнее время, а также формирование позиции Конституционным Судом РФ делают необходимым внесение в законодательство изменений.

Библиография

1. Мишакова Н. В. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 3 (91). С. 71-80.
2. Чумаков А. В. Баланс конституционных ценностей в стратегиях противодействия незаконному обогащению (на примере России) // СКО. 2019. № 5 (132). С. 113-124.
3. Козлов Т. Л. Основные направления развития правового регулирования противодействия коррупции в органах власти // Russian Journal of Economics and Law. 2012. № 4 (24). С. 55-57.
4. Рубцова М. В. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции // The Scientific Heritage. 2020. № 57-4. С. 17-21.
5. Ягодин Р. С., Волков П. А. Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 259-265.
6. Головки И. И. Особенности участия прокурора в рассмотрении судом его заявления об обращении имущества в доход Российской Федерации как средство пресечения и предупреждения коррупции // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 181-186.
7. Григорьева Н. Н., Петушков Д. Н. Предмет антикоррупционного иска - денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. 2021. № 5. С. 23-34.
8. Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2. С. 8-12.
9. Иншаков С. М., Казакова В. А. Предупреждение и пресечение коррупции гражданско-правовыми мерами // Научный портал МВД России. 2019. № 4. С. 30-34.
10. Магомедов К. О. Об эффективности противодействия коррупции в государственных органах власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 201-212.
11. Багаутдинов Ф. Н. Контроль за соответствием расходов государственных служащих их доходам: вопросы совершенствования законодательного механизма и практики применения // Законность. 2023. № 6. С. 24-31.
12. Сеницын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 131-141.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам применения сроков исковой давности в контексте Постановления Конституционного Суда №49. Как отмечается в статье, «Новизна исследования заключается в комплексном анализе возможности использования частноправового института исковой давности в публично-правовых отношениях, в частности, в антикоррупционных исках. Автором впервые проводится детальный разбор Постановления Конституционного суда РФ № 49-П от 31 октября 2024 года, в котором обоснована возможность неприменения сроков давности к антикоррупционным искам для защиты общественных интересов». В качестве предмета исследования выступили, прежде всего, мнения ученых, положения законодательства, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью статьи является разработка предложений для повышения правовой определенности в регулировании института исковой давности применительно к антикоррупционным искам». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В самой статье отмечается, что «Методология исследования основана на анализе нормативно-правовых актов, судебной практики, доктринальных подходов к проблеме исковой давности в публично-правовых отношениях, а также использовании методов сравнительного и системного анализа».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования. В частности, «В соответствии с информацией, отраженной в обзоре Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014 - 2015 годах органами прокуратуры направлено двенадцать соответствующих исков (из них удовлетворено пять исков), в 2016 году - 29 исков (удовлетворено пятнадцать исков), в 2017 году - 35 исков (удовлетворено 26 исков)».

Странно, что автор, проводя исследование не ссылается на положения конкретных правовых актов. В частности, не даны комментарии к нормам Конституции РФ, положениям ГК РФ. Автором анализируется правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации без акцента на регулирование, что, как представляется, не может создать адекватного впечатления об обсуждаемой проблеме.

Также странным представляется выбор литературы для анализа. Автором указано, что «В статье приводятся мнения и работы ведущих специалистов в области права, таких как: Мишакова Н.В., акцентирующая внимание на практической деятельности прокуратуры РФ в борьбе с коррупцией; Барщевский М.Ю., подчеркивающий необходимость применения сроков давности в контексте правового государства; Марьин А.Н., считающий, что антикоррупционные иски должны подчиняться нормам гражданского права, включая институт давности». При этом не дано оценки выводов ученых последних лет, в частности, в контексте анализируемого Постановления Конституционного Суда РФ (более подробно, см. часть рецензии, непосредственно посвященную библиографии).

Таким образом, выбранная автором методология не в полной мере адекватна цели исследования, не позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки

зрения теории тема применения сроков исковой давности в контексте Постановления Конституционного Суда №49 сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Актуальность темы обусловлена значимостью борьбы с коррупцией для укрепления законности, повышения доверия к государственным институтам и обеспечения возврата незаконно полученных активов в доход государства. Решение проблемы применения исковой давности в антикоррупционных исках прямо связано с обеспечением баланса между частными и публичными интересами, что делает данный вопрос крайне важным для развития правовой системы Российской Федерации».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Авторская позиция заключается в необходимости поиска компромиссного подхода, который сочетал бы достоинства обеих позиций. Коррупция действительно подрывает основы государственной системы и требует особых мер для защиты публичных интересов, включая возможность неприменения сроков исковой давности в исключительных случаях. Однако такой отказ должен быть строго ограничен и сопровождаться четкими критериями применения. Во-первых, законодательство должно предусматривать конкретные основания, при которых антикоррупционные иски освобождаются от сроков давности. Это, например, могут быть случаи, когда доказано намеренное сокрытие активов или использование коррупционных схем. Во-вторых, необходимо усилить процессуальные гарантии для добросовестных приобретателей, чтобы исключить риск их необоснованного привлечения к имущественным спорам. В-третьих, важно уточнить законодательное определение понятия «коррупционные активы», чтобы исключить разночтения и минимизировать произвольность в действиях правоохранительных органов».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства в контексте позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Приведенные выводы могут быть актуальны и полезны для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с применением сроков исковой давности в контексте Постановления Конституционного Суда №49.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования. Недостатком в части достижения цели исследования является то, что автор не раскрыл многие из современных точек зрения на правовую позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда №49.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует низко оценить качество использованной литературы. Автором активно

использована литература, представленная авторами из России (Григорьева Н.Н., Петушков Д.Н., Ягодин Р.С., Волков П.А., Чумаков А.Ви другие). Странно, что все статьи, на которые ссылается автор опубликованы за 2-3 года до рассмотрения вопроса Конституционным Судом РФ. Тем самым, понять позиции разных ученых по вопросу, рассмотренному Конституционным Судом РФ, невозможно. Автору следует проанализировать позиции известных ученых (Е.А. Суханова, А.В. Егорова, Р.С. Бевзенко, С.А. Сеницына, А.В. Коновалова и многих других), которые изложили свое мнение в официальных отзывах, направленных в Конституционный Суд РФ в рамках рассмотрения вопроса о сроках исковой давности. Представляется, что только в таком контексте можно понять различные подходы к заявленной автором проблеме.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы. Апелляция к оппонентам.

Вопрос об апелляции к оппонентам может быть разрешен после расширения библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленной теме после расширения библиографии и нормативной базы исследования.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методология исследования основана на анализе нормативно-правовых актов, судебной практики, доктринальных подходов к проблеме исковой давности в публично-правовых отношениях, а также использовании методов сравнительного и системного анализа".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Проблема коррупции остается одной из наиболее острых в современном обществе, нанося ущерб как частным интересам, связанным с нарушением прав широкого круга лиц, так и публичным, подрывая безопасность государства. Конституционный Суд подчеркивает, что коррупция представляет собой крайне опасное явление, способное ослабить систему публичной власти, снизить уровень доверия граждан к законности и серьезно препятствовать прогрессу страны. Противодействие коррупции в современных реалиях в Российской Федерации является принципиально важным направлением деятельности таких правоохранительных органов, как прокуратура Российской Федерации, которым согласно действующему российскому законодательству, предоставлено центральное место в реализации антикоррупционного законодательства и обеспечении его соблюдения. Для компенсации вреда, нанесенного

коррупционными действиями, прокурор имеет право инициировать судебный иск. ... Одной из ключевых правовых проблем является применение сроков исковой давности в рамках антикоррупционных исков, подаваемых прокурорами для защиты публичных интересов. Противоречия в правоприменительной практике и нормативные пробелы в данной области подчеркивают необходимость углубленного исследования этого вопроса". Ученый раскрывает степень изученности поднимаемых в статье проблем: "В статье приводятся мнения и работы ведущих специалистов в области права, таких как: - Мишакова Н.В., акцентирующая внимание на практической деятельности прокуратуры РФ в борьбе с коррупцией; - Барщевский М.Ю., подчеркивающий необходимость применения сроков давности в контексте правового государства; - Марьин А.Н., считающий, что антикоррупционные иски должны подчиняться нормам гражданского права, включая институт давности".

Научная новизна работы, как отмечает автор, "заключается в комплексном анализе возможности использования частноправового института исковой давности в публично-правовых отношениях, в частности, в антикоррупционных исках". Она проявляется в ряде заключений автора: "Постановление Конституционного суда РФ № 49-П от 31 октября 2024 года стало важным этапом в формировании подхода к антикоррупционным искам, однако вызвало немало споров в юридическом сообществе. Основной вывод суда, заключающийся в неприменении сроков исковой давности к антикоррупционным искам, оправдывается «общественными потребностями» и публично-правовым характером таких отношений. В то же время это решение оставляет открытым ряд ключевых вопросов, связанных с применением базовых принципов права"; "Постановление Конституционного суда обоснованно с точки зрения интересов государства и общества. Коррупция действительно является одной из ключевых угроз для стабильности, а применение исковой давности в таких делах может подрывать эффективность антикоррупционных мер. Кроме того, суд правомерно уделил внимание защите добросовестных приобретателей, что создает баланс между публичными и частными интересами. Но в то же время ряд аспектов постановления вызывает сомнения. Отказ от применения сроков давности может привести к произвольному преследованию владельцев имущества, особенно с учетом сложности доказывания добросовестности. Кроме того, решение суда нарушает фундаментальные принципы правовой определенности и стабильности гражданского оборота, что может нанести вред инвестиционному климату и создать препятствия для развития бизнеса. Авторская позиция заключается в необходимости поиска компромиссного подхода, который сочетал бы достоинства обеих позиций. Коррупция действительно подрывает основы государственной системы и требует особых мер для защиты публичных интересов, включая возможность неприменения сроков исковой давности в исключительных случаях. Однако такой отказ должен быть строго ограничен и сопровождаться четкими критериями применения. Во-первых, законодательство должно предусматривать конкретные основания, при которых антикоррупционные иски освобождаются от сроков давности. Это, например, могут быть случаи, когда доказано намеренное сокрытие активов или использование коррупционных схем. Во-вторых, необходимо усилить процессуальные гарантии для добросовестных приобретателей, чтобы исключить риск их необоснованного привлечения к имущественным спорам. В-третьих, важно уточнить законодательное определение понятия «коррупционные активы», чтобы исключить разночтения и минимизировать произвольность в действиях правоохранительных органов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49 и разрабатывает предложения для повышения правовой определенности в регулировании института исковой давности применительно к данным искам. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования. Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Законодательной базой для такого инструмента как иск антикоррупционный прокурора служит подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ, где установлен порядок прекращения права собственности на такое имущество, не подтвержденное законными доходами в судебном порядке[1]" - нарушен порядок слов.

Ученый отмечает: "В настоящий момент в российском законодательстве существует множество нормативно правовых актов, предупреждающих коррупционную деятельность и регулирующих способы борьбы с ней, тем не менее на практике существует ряд проблем правоприменения" - "нормативно-правовых".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

В тексте статьи инициалы ученого ставятся перед его фамилией.

Статистические данные, приведенные в работе, нуждаются в обновлении (самые свежие из них - за 2020 г.).

Библиография исследования представлена 12 источниками (научными статьями). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (М. Ю. Барщевский, А. Н. Марьин и др.). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Постановление Конституционного суда № 49-П отражает стремление защитить публичные интересы и обеспечить возвращение коррупционных активов в государственную собственность. Однако оно является спорным из-за своей неоднозначности и влияния на стабильность правового регулирования. Отказ от применения сроков давности может быть оправдан в исключительных случаях, но требует четких законодательных критериев и дополнительных процессуальных гарантий для защиты прав добросовестных приобретателей. Таким образом, применение частноправовых институтов в антикоррупционных исках прокуроров допустимо, но в связи с особой публично-правовой целью по защите государственных интересов содержание этих институтов может меняться. Видится, что практика реализации антикоррупционных исков, сформировавшаяся за последнее время, а также формирование позиции Конституционным Судом РФ делают необходимым внесение в законодательство изменений"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса, конституционного права при условии ее доработки: уточнении отдельных положений работы и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49» предметом исследования являются нормы права, составляющие правовой институт исковой давности, в частности, автор исследует вопросы применения сроков исковой давности к публичным правоотношениям, а именно, к антикоррупционным искам.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Для проведения данного исследования использованы современные методы, таких как: исторический, теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Тема исследования весьма актуальна. Как правильно отмечает сам автор статьи: «Одной из ключевых правовых проблем является применение сроков исковой давности в рамках антикоррупционных исков, подаваемых прокурорами для защиты публичных интересов. Противоречия в правоприменительной практике и нормативные пробелы в данной области подчеркивают необходимость углубленного исследования этого вопроса». Именно существующие проблемы, требующие совершенствования законодательства и практики его применения, обуславливают необходимость доктринальных разработок в данной области научных знаний.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые указывают на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: «Постановление Конституционного суда № 49-П отражает стремление защитить публичные интересы и обеспечить возвращение коррупционных активов в государственную собственность. Однако оно является спорным из-за своей неоднозначности и влияния на стабильность правового регулирования. Отказ от применения сроков давности может быть оправдан в исключительных случаях, но требует четких законодательных критериев и дополнительных процессуальных гарантий для защиты прав добросовестных приобретателей». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и заслуживающие внимания юридического сообщества.

Стиль, структура, содержание. Текст статьи соответствует названию. Тема раскрыта. Материал изложен последовательно и ясно. По содержанию статья отвечает установленным к научным публикациям требованиям. В содержании статьи присутствуют такие разделы: введение, основная часть и заключение. Во введении обоснована актуальность темы исследования. В основной части автору удалось продемонстрировать хорошее знание обсуждаемой проблематики, работ ученых, ранее исследовавших вопросы применения исковой давности к публично-правовым отношениям. В заключительной части статьи автор приводит собственную аргументированную позицию по заявленной тематике и кратко делает выводы по теме исследования. Текст написан научным стилем, грамотно использована специальная юридическая терминология. В качестве замечания можно указать на необходимость актуализировать примеры и статистику судебной практики.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Однако публикаций последних лет изучено мало. Ссылки на источники

оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. Автор изучены разные точки зрения по заявленной проблематике, по спорным вопросам выражено собственное мнение.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49» может быть рекомендована к опубликованию. Статья отвечает редакционной политике журнала «Юридические исследования» и соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Тема статьи является актуальной. Статья отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Статья по данной теме будет представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовного права, гражданского права, гражданско-процессуального права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сергиенко С.Ю., Гриб В.Г. Гражданско-правовая ответственность туроператоров и турагентов: перспективы законодательных изменений // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75916
EDN: ZCZNXZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75916

Гражданско-правовая ответственность туроператоров и турагентов: перспективы законодательных изменений

Сергиенко Сергей Юрьевич

ORCID: 0009-0008-9195-469X

аспирант; кафедра государственно-правовых дисциплин и цифрового права; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"
юрисконсульт; ООО "Гео"

660064, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Кировский р-н, пр-кт им. газеты "Красноярский рабочий", д. 150, офис 119

✉ 143417@mail.ru

Гриб Владимир Григорьевич

доктор юридических наук

заслуженный юрист РФ; профессор; кафедра государственно-правовых дисциплин и цифрового права;
Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

115230, Россия, г. Москва, р-н Нагатина-Садовники, Хлебозаводский проезд, д. 7 стр. 10

✉ vg-profesor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75916

EDN:

ZCZNXZ

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2025

Дата публикации:

21-09-2025

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности туроператоров и турагентов перед заказчиками туристских услуг в

современных условиях туристского рынка. Основанием для исследования послужила инициатива по разработке законопроекта о пересмотре распределения гражданско-правовой ответственности при реализации туристского продукта, которым предусматривается ограничение ответственности туроператоров за действия турагентов. В работе исследуется понятие гражданско-правовой ответственности, анализируется текущая ситуация, определяется целесообразность данной инициативы и её влияние на права потребителей. Предметом исследования выступают комплексные гражданско-правовые отношения, возникающие между субъектами при реализации туристского продукта, включая механизм распределения гражданско-правовой ответственности между туроператором и турагентом перед заказчиком и туристами по договору о реализации туристского продукта. Методологическая основа исследования включает общенаучные и специальные методы познания, в том числе диалектический метод, анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный подход к изучению правоотношений в сфере туризма и историко-правовой метод в исследовании развития туристского законодательства. Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа возможных последствий ограничения гражданско-правовой ответственности туроператоров за действия турагентов, а также в системном анализе законодательной инициативы и выявлении правовых последствий её реализации. По мнению авторов, законодательная инициатива об ограничении ответственности туроператоров по договорам о реализации туристского продукта приведёт к усилению доминирующего положения на туристическом рынке и ослаблению контроля над турагентской деятельностью. Это, в свою очередь, приведёт к негативным последствиям для потребителей, что противоречит государственной политике в сфере защиты прав потребителей и повлечёт необходимость внедрения государственного контроля над турагентами. На основании проведённого исследования авторами предлагаются меры, к которым относятся: усиление регулирования отношений туроператора и турагента через установление императивных норм; ограничение применения норм потребительского законодательства в части предусмотренных неустоек; ограничение туроператоров в непосредственной продаже туристского продукта потребителям туристских услуг.

Ключевые слова:

гражданско-правовая ответственность, туроператор, турагент, туристский продукт, туристские услуги, правовое регулирование, права потребителей, турист, туристская деятельность, компенсация ущерба

Введение

Гражданско-правовая ответственность выступает основополагающим институтом гражданского права, обеспечивающим регулирование правоотношений между участниками гражданского оборота. Данный институт, являясь важным инструментом правового регулирования, требует постоянной адаптации к изменяющимся условиям общественного развития. Его эффективное функционирование способствует достижению баланса интересов всех участников гражданских правоотношений и совершенствованию механизмов правового регулирования.

Специфика туристской отрасли характеризуется сложной системой взаимоотношений между участниками рынка, что придает особое значение институту гражданско-правовой ответственности. Это обуславливает необходимость углубленного исследования данного

правового явления в контексте туристской деятельности.

Научные исследования проблем гражданско-правовой ответственности в сфере туризма получили значительное развитие в работах современных учёных. Вопросу ответственности при реализации туристского продукта посвящали свои труды такие исследователи, как И. А. Калинина [\[5\]](#), Е. О. Ананьева и П. В. Ивлиев [\[2\]](#), И. Е. Отческий и Д. В. Володина [\[9\]](#) и др.

В последние годы существенный вклад в изучение данного вопроса внесли труды А. С. Кудреватых [\[6\]](#), Н. В. Сирик и А. С. Кускова [\[14, 7\]](#), где рассматриваются фундаментальные аспекты правового регулирования туристской деятельности. Вопрос распределения ответственности также обсуждался на научно-практической конференции и был отражён в сборнике её материалов [\[11\]](#).

Современное состояние нормативной базы характеризуется наличием правовых коллизий, которые создают определенные трудности в правоприменительной практике. Это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования с целью обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов всех участников туристских правоотношений.

Сущность гражданско-правовой ответственности заключается в возложении на правонарушителя невыгодных правовых последствий имущественного характера, предусмотренных законодательством [\[8, с. 225\]](#). Данная форма государственного принуждения направлена на обеспечение правопорядка в сфере имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, а также на восстановление нарушенных прав потерпевшей стороны. «Основной целью гражданско-правовой ответственности является восстановление имущественного статуса потерпевшего» [\[3, с. 94\]](#).

В сфере реализации туристского продукта действует два вида гражданско-правовой ответственности: договорная и деликтная (внедоговорная).

Договорная ответственность возникает при нарушении условий договора о реализации туристского продукта и регулируется как нормами законодательства, так и положениями самого договора.

Деликтная ответственность наступает при причинении вреда жизни, здоровью или имуществу туриста независимо от наличия договорных отношений и регулируется исключительно нормами законодательства [\[4, с. 214\]](#).

Постановка проблемы и обсуждение

В современной туристической индустрии особое место занимает туристский продукт и правовое регулирование ответственности при его реализации. Комплексный характер туристского продукта, объединяющего различные услуги, порождает специфические правовые отношения между участниками рынка, обусловленные следующими факторами: множественностью субъектов правоотношений; особой структурой договорных связей; спецификой распределения ответственности; необходимостью защиты прав потребителей.

Реализация туристского продукта осуществляется на основании договора, обладающего двойственной правовой природой [\[15, с. 39\]](#). Он включает в себя элементы: договора о реализации туристского продукта; договора возмездного оказания услуг [\[1, с. 23\]](#). В свою

очередь, механизм реализации туристского продукта характеризуется многоступенчатостью и включает в себя: предварительный этап — консультирование и информирование потенциального заказчика; договорной этап — оформление договорных отношений; исполнительный этап — непосредственное предоставление туристских услуг.

В процессе реализации туристского продукта взаимодействует значительное количество субъектов правоотношений:

- туроператоры — юридические лица, осуществляющие формирование, продвижение и реализацию туристского продукта;
- турагенты — юридические лица и индивидуальные предприниматели, занимающиеся реализацией туристского продукта;
- перевозчики — транспортные компании, обеспечивающие перевозку и трансфер туристов;
- средства размещения — организации, предоставляющие услуги по размещению туристов;
- сопутствующие субъекты — экскурсоводы, гиды-переводчики, инструкторы-проводники и иные специалисты, оказывающие услуги в сфере туризма.

Эффективность реализации туристского продукта напрямую зависит от качества взаимодействия всех участников процесса и надлежащего исполнения ими принятых на себя обязательств. При этом особое значение приобретает вопрос распределения ответственности как правового инструмента, влияющего на качество оказываемых услуг.

Между тем законодательство, регулирующее туристскую деятельность, не содержит четких регламентаций по поводу распределения гражданско-правовой ответственности исполнителей услуг перед туристами. Недостаток правового регулирования «приводит к коллизиям в правоприменительной практике» [\[10, с. 261\]](#), что находит отражение в научной литературе [\[7, с. 170\]](#).

На фоне представленных недостатков правового регулирования особое внимание заслуживает проблема разграничения ответственности турагента и туроператора перед туристами. Правовая неопределённость создаёт неоднозначность правоприменительной практики и требует совершенствования нормативно-правовой базы с учётом современных тенденций развития туристской отрасли.

По нашему мнению, теоретическое и практическое значение имеет оценка влияния изменений на права и законные интересы граждан — потребителей туристских услуг, что ранее недостаточно исследовалось в научной литературе.

В начале 1990-х годов развитие туризма в Российской Федерации было признано одной из приоритетных задач государственной политики. Данное направление получило нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 25 апреля 1994 г. № 813 «О дополнительных мерах по развитию туристской деятельности в Российской Федерации».

На основании данного акта был разработан и принят основополагающий законодательный документ в сфере туризма — Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее—Закон о туризме).

Первоначальная редакция указанного нормативного правового акта устанавливала

разграничение между туроператорской и турагентской деятельностью. Однако законодатель не определял субъекта, который должен был нести ответственность перед туристами за надлежащее исполнение обязательств по договору, что в то время создавало определённые правовые пробелы в регулировании туристских правоотношений.

В отсутствие чёткой правовой регламентации суды, руководствуясь положениями ГК РФ и законодательства о защите прав потребителей (Закон РФ «О защите прав потребителей»), как правило, возлагали гражданско-правовую ответственность на турагентов.

Существенное изменение правового регулирования туристской деятельности произошло с принятием Федерального закона от 5 февраля 2007 г. № 12-ФЗ, которым были внесены изменения в статью 9 Закона о туризме.

Новая редакция статьи установила следующие правовые положения:

- обязанность туроператора обеспечить оказание всех услуг, входящих в туристский продукт;
- ответственность туроператора перед заказчиком и туристами за оказание услуг по договору о реализации туристского продукта, вне зависимости от того, кем фактически оказывались данные услуги. Правовая значимость этих изменений отразилась в установлении безусловной ответственности туроператора за качество предоставляемых услуг по договору о реализации туристского продукта.

Важным дополнением также стало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, пункт 50 которого содержит разъяснения относительно ответственности туроператора при оказании услуг третьими лицами по договору о реализации туристского продукта. Представленные разъяснения оказали существенное влияние на формирование правоприменительной практики судебных инстанций при рассмотрении споров в сфере туризма. В результате систематического применения данных разъяснений сформировалась устойчивая правовая доктрина, определяющая критерии установления ответственного лица за предоставление услуг, предусмотренных договором о реализации туристского продукта. Данная доктрина позволила: унифицировать подходы к разрешению споров; обеспечить защиту прав потребителей; оптимизировать механизм распределения ответственности между участниками туристского рынка.

Существенное значение имеет тот факт, что установленные правовые нормы значительно улучшили правовое положение потребителей туристских услуг и повысили уровень защиты их прав.

В 2017 году законодатель внёс дополнения в статью 9 Туристского закона, предусматривающие ответственность как туроператора, так и турагента перед друг другом и перед туристами. Однако внесённые законодательные нормы не обеспечили достаточной защиты интересов туроператора от ответственности перед туристами по договорам о реализации туристского продукта, заключённым турагентом. Неоднозначность ситуации проявляется в том, что туроператор остаётся обязанным перед заказчиком по заключённому договору, даже в случае неполной оплаты турагентом или отсутствия сообщения туроператору о заключённом с туристом договоре.

Правовое регулирование отношений между туроператором и турагентом осуществляется

посредством агентского договора, который, как правило, представляет собой договор присоединения. Данный вид правоотношений регламентируется главой 52 ГК РФ. Согласно условиям агентского договора, туроператор выступает в роли принципала, а турагент — в роли агента, осуществляющего деятельность от своего имени, но за счёт принципала.

Согласно статье 1005 ГК РФ, ответственность по сделкам, заключённым с третьими лицами, несёт агент. Н. В. Сирик и А. С. Кусков, анализируя данную норму, высказывают мнение о наличии противоречия между Законом о туризме и ГК РФ [\[7, с. 171\]](#).

Правовая позиция по данному вопросу требует дополнительного рассмотрения. Закон о туризме является специальным законодательным актом по отношению к ГК РФ. Конституционный Суд РФ в Определении от 05.11.1999 № 182-О подчеркнул, что ни один федеральный закон не обладает преимущественной юридической силой над другим. При возникновении правовых коллизий приоритет отдаётся нормам специального законодательства, что подтверждается также Определением Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О.

Таким образом, определяется правоприменительный порядок в случае возникновения правовых коллизий, в том числе между Законом о туризме и ГК РФ, что вносит определённую ясность в распределение ответственности туроператора и турагента перед заказчиком по договору о реализации туристского продукта.

Существующее положение дел в правоприменительной практике не соответствовало интересам туроператоров. Ситуация усугубилась ростом числа недобросовестных турагентов. Последние заключали договоры о реализации туристского продукта, принимали от заказчика денежные средства, но при этом не бронировали у туроператора туристский продукт и не перечисляли ему полученные от заказчика денежные средства.

В ответ на данную ситуацию туроператоры начали предпринимать меры по минимизации своей ответственности. Первоначально были использованы механизмы частного права: в договорные конструкции агентских договоров были внесены условия о том, что турагент вправе заключать договор о реализации туристского продукта с заказчиком исключительно после подтверждения туроператором формирования туристского продукта. Такое подтверждение наступало не ранее полной оплаты [\[12, с. 29\]](#).

Доминирующее положение туроператоров на рынке туристских услуг создало предпосылки для включения в агентские договоры условий, ущемляющих интересы добросовестных турагентов, что ухудшало правовое положение потребителей — заказчиков туристских продуктов. Антиконтурная практика проявилась в том, что значительная часть турагентов была вынуждена принять невыгодные условия сотрудничества. Основной причиной такого положения дел стало отсутствие альтернативных предложений от других туроператоров в отдельных регионах Российской Федерации, что существенно ограничивало возможности выбора для турагентских организаций.

Особого внимания заслуживает тот факт, что одной из сторон договора о реализации туристского продукта является турист — потребитель, в защиту прав которого законодателем предусмотрены специальные правовые механизмы.

Анализ правовых последствий показывает, что положительный эффект для туроператоров от упомянутых договорных условий вызывает сомнения. Вместе с тем данные условия предоставляют туроператору право требовать от турагента возмещения

убытков, возникших вследствие несоблюдения установленного договором порядка заключения договоров о реализации туристского продукта.

Между тем ограничение ответственности туроператора перед туристом посредством частноправовых норм представляется невозможным, что определяет дальнейшие действия туроператорского сообщества в поиске альтернативных решений. Одним из возможных решений видится усиление правовой позиции туроператора посредством императивных правовых норм. В качестве конкретного примера такого решения выступает инициатива по разработке законопроекта, направленного на внесение в Закон о туризме нормы о гражданско-правовой ответственности турагента за свои действия перед заказчиком (туристами) и выведение туроператора из-под ответственности по договору о реализации туристского продукта за последствия, которые возникли по вине турагента.

После вступления в силу поправок об Электронной путевке, предусматривающих дополнительные обязанности туроператора [\[13, с. 2\]](#), Российский союз туриндустрии (РСТ) выступил с инициативой внесения изменений в Туристский закон. Предлагаемые изменения предусматривают:

- установление ответственности туроператора по договору о реализации туристского продукта только после получения полной оплаты;
- снятие ответственности с туроператора по информированию туристов в случае заключения договора турагентом. (Источник информации: «РСТ: Нужно разграничить ответственность туроператоров и турагентов» // Турбизнес. — URL: <https://tourbus.ru/news/21108.html> (дата обращения: 28.08.2025)).

Минэкономразвития поддержало инициативу внесения поправок в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». По мнению ведомства, предлагаемые изменения позволяют:

- снизить финансовые риски туроператоров;
- обеспечить туристам дополнительные гарантии при получении туристских услуг. (Источник информации «Известия: для туроператоров и турагентов установят зоны ответственности» // Вести.Ру - URL: <https://www.vesti.ru/article/4650085> // (дата обращения: 28.08.2025)).

Согласно информации, опубликованной интернет-ресурсом «Известия», внесение поправок предполагает установление ответственности турагента за следующие нарушения: неперечисление туроператору денежных средств, полученных от заказчика; несогласование условий путешествия на основании запроса клиента; неуведомление туроператора о заключении договора о реализации туристского продукта; непредоставление необходимой и достоверной информации об условиях путешествия и туристском продукте. (Источник информации: «Спорный поезд: с туроператоров снимут ответственность за промахи турагентов» // Известия - URL: <https://iz.ru/1939670/valeria-misina-maksim-dubovikov/spornyi-poezd-s-turoperatorov-snimut-otvetstvennost-za-promahi-turagentov> (дата обращения: 28.08.2025)).

Сложившаяся правовая ситуация, связанная с распределением ответственности между туроператором и турагентом, обуславливает необходимость комплексного анализа. Для его проведения необходимо исследовать роли субъектов, участвующих в реализации туристского продукта.

Туроператор выступает ключевым субъектом в системе реализации туристского продукта. Как правило, туроператоры не оказывают весь комплекс услуг самостоятельно, однако они осуществляют отбор и выбор исполнителей. Они формируют продукт с учётом рыночной конъюнктуры, что предполагает привлечение третьих лиц (перевозчиков, отельеров, гидов и иных поставщиков услуг). Между тем законодательство предоставляет туроператорам право самостоятельной реализации туристского продукта, что создаёт предпосылки для недобросовестной конкуренции с турагентами, которых туроператор привлекает для реализации сформированных туров.

Недобросовестная конкуренция проявляется в том, что туроператоры могут устанавливать для турагентов менее привлекательные условия реализации туристского продукта по сравнению с условиями их самостоятельной деятельности. Прямые предложения от туроператоров могут содержать условия о размере предоплаты, значительно ниже той, которую туроператор предлагает при турагентском посредничестве.

Турагент представляет собой субъект гражданско-правовых отношений, вступающий в договорные отношения с туроператором, как правило, на условиях последнего. На основании заключённого договора турагент осуществляет продвижение и реализацию туристских продуктов, сформированных туроператором.

В процессе формирования туристского продукта выделяются следующие подходы: реализация готовых пакетных туров, сформированных туроператором; формирование турпродукта на основании заявки заказчика с последующей оценкой возможности его реализации туроператором. При этом важно отметить, что турагент не участвует в непосредственном оказании услуг и не вступает в правовые отношения с исполнителями туристских услуг.

Исполнители туристских услуг (перевозчики, отельеры, гиды и иные лица) взаимодействуют с туристами исключительно в рамках оказания соответствующих услуг. Как правило, они не имеют прямых договорных отношений с туристами и осуществляют свою деятельность на основании контрактов, заключённых с туроператором.

Центральное место в системе правоотношений по договору о реализации туристского продукта занимает турист — заказчик сформированного туристского продукта. При заключении договора о реализации туристского продукта турист определяет туроператора как организатора своего отдыха и выражает ему доверие. В процессе заключения договора турист взаимодействует с турагентами, которые уполномочиваются туроператором на реализацию туристского продукта. При анализе ролей, которые играют субъекты в реализации туристского продукта, выясняется, что только туроператор обладает всей полнотой информации о процессах формирования и реализации туристского продукта, а также подбирает лиц, которые будут участвовать в этом процессе. При таком выводе не прослеживается логической связи, определяющей освобождение туроператора от гражданско-правовой ответственности перед туристами за действия третьих лиц.

В настоящее время законодатель не ограничивает действия туроператора по применению частноправовых норм при составлении договорных конструкций, что позволяет предусматривать ответственность турагента за неправомерные действия. Между тем анализ конструкций агентских договоров указывает на наличие чрезмерной ответственности турагента, даже за аннулирование заявки турагентом по требованию потребителя, что само по себе не соответствует правовому институту, поскольку

возможность отказа потребителя от договора в любое время предусмотрена потребительским законодательством.

Заслуживает внимания тот факт, что туроператоры, опасаясь неоплаты со стороны турагента забронированного туристского продукта, не организуют платежи непосредственно на свой расчётный счёт. Например, при оплате заказчиком туристского продукта туроператор предпочитает использовать платёжную инфраструктуру турагента, что свидетельствует о выгоде такой схемы для туроператора.

При прямой оплате от заказчика на расчётный счёт туроператора моментом признания платежа является не факт получения оплаты на расчётный счёт, а совершение определённых действий потребителя по оплате, что имеет значение для фиксации валютных курсов при оплате зарубежных туров. Это может нести для туроператоров финансовые потери при росте валютных курсов. В этом случае не получится возложить на турагента издержки курсовой разницы валют при бронировании зарубежных турпродуктов.

В совершении оплаты через турагента туроператорам предоставляется возможность считать фактом платежа поступление оплаты на расчётный счёт туроператора. Большинство агентских договоров содержат такое условие. При этом временной разрыв между оплатой заказчиком турагенту и перечислением средств на расчётный счёт туроператора может быть значительным, поскольку у турагента возможность осуществления платежа возникает только после получения от туроператора счёта, который формируется после подтверждения возможности сформировать туристский продукт.

Учитывая, что турагент не участвует в формировании туристского продукта и определении его стоимости, можно сделать вывод о наличии существенных финансовых рисков для турагента, возникающих вследствие дисбаланса между частноправовыми и публично-правовыми нормами при реализации туристского продукта в рамках турагентского посредничества.

В процессе реализации туристского продукта туроператор обладает полной информацией о механизмах формирования и реализации туристского продукта, а также осуществляет подбор участников данного процесса. Тем самым ставится под сомнение возможность освобождения туроператора от гражданско-правовой ответственности перед туристами за действия третьих лиц, что приводит к правовым последствиям, относящимся к: снижению контроля туроператорами над действиями третьих лиц; ухудшению правового положения туристов; возложению на туристов обязанности по урегулированию споров с лицами, определёнными туроператором в качестве исполнителей соответствующих услуг.

Отсутствие ответственности туроператора перед туристами за неполную оплату, непредоставление или предоставление недостоверной информации о потребительских свойствах туристского продукта, а также несовершение турагентом действий по бронированию туристского продукта, по нашему мнению, приводит к ослаблению контроля туроператоров за деятельностью турагентов. Что, в свою очередь, способно увеличить число неправомерных действий недобросовестных турагентов.

Таким образом, баланс интересов в сфере защиты прав туристов может сместиться в пользу туроператоров. При этом предлагаемые законодательные изменения не способствуют повышению финансовой безопасности потребителей туристских продуктов, а, наоборот, могут значительно ухудшить ситуацию, вызванную ослаблением контроля туроператоров над деятельностью турагентов. Это будет способствовать как снижению

профессионализма турагентской деятельности, так и увеличению числа недобросовестных турагентов. Ограничение ответственности туроператоров за действия турагентов имеет следующие последствия: утрата контроля над деятельностью турагентов; рост непрофессиональных и недобросовестных действий турагентов по отношению к потребителям; увеличение количества спорных ситуаций с лицами, которым туроператор поручил реализацию туристских продуктов.

Совокупность указанных последствий неизбежно приведёт к ухудшению благосостояния потребителей туристских услуг. Данное положение противоречит целям и задачам Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 г. (Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р). В частности, стратегия направлена на предотвращение появления недобросовестных практик со стороны хозяйствующих субъектов, которые могут негативно повлиять на права и законные интересы потребителей.

Заключение

В заключение отметим, что анализ ситуации, связанной с распределением гражданско-правовой ответственности в сфере туристской деятельности, выявил существование системной проблемы в данной области права. Доводы туроператорского сообщества о возложении на них ответственности за действия третьих лиц, включая турагентов, требуют более глубокого междисциплинарного анализа, поскольку данная проблема не ограничивается исключительно правовой сферой, а также проявляется в виде экономического эффекта, затрагивающего всех субъектов туристской индустрии. Снижение гражданско-правовой ответственности туроператоров может привести к усилению их доминирующего положения на рынке туристических услуг, которое в настоящее время уже характеризуется значительной степенью влияния. Это позволяет туроператорам посредством частноправовых механизмов, закреплённых в агентских договорах, оказывать существенное воздействие на потребителей, намеревающихся заключить договоры о реализации туристских продуктов.

Существующая асимметрия переговорных возможностей между туроператорами и турагентами, складывающаяся не в пользу последних, закреплённая в договорных условиях, создаёт предпосылки для финансовой нестабильности турагентских организаций. Это, в свою очередь, может провоцировать противоправное поведение. При этом турагентское сообщество существенно уступает туроператорскому как в профессиональном плане, так и в масштабах присутствия на туристическом рынке, что препятствует выравниванию переговорных позиций.

Указанная диспропорция не имела бы критического значения, если бы не оказывала непосредственного влияния на положение туриста как потребителя туристского продукта. Несмотря на достаточную правовую защищённость потребителей, обеспечиваемую специальным законодательством (Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Закон РФ «О защите прав потребителей»), существующие договорные конструкции между туроператорами и турагентами позволяют оказывать существенное влияние на права и законные интересы потребителей.

С одной стороны, защита потребителя хорошо обеспечена специальным законодательством, а с другой стороны, на положение потребителя возможно оказывать влияние посредством договорных конструкций между туроператорами и турагентами, условия которых определяются нормами частного права.

Следует также отметить неравные условия агентских договоров, которые туроператоры предлагают турагентам. Последние вынуждены принимать такие условия из-за отсутствия альтернативных вариантов сотрудничества. Между тем законодательные нормы, регулирующие отношения, должны базироваться на поддержании баланса в правоотношениях и обеспечивать гармонию законодательных норм.

Перераспределение ответственности туроператора по договорам реализации туристского продукта на третьих лиц может вызвать негативные последствия не только для потребителей, но и обусловить необходимость введения государственного контроля над турагентской деятельностью. Снижение туроператорской ответственности повлечёт ослабление контроля или полный отказ от контроля над турагентами, что создаст дополнительную нагрузку на бюджет в случае усиления государственного контроля.

Решение проблемы роста недобросовестных турагентов должно осуществляться самими туроператорами путём избирательного подхода к выбору турагентов и дальнейшего осуществления контроля над их деятельностью. При этом туроператоры располагают достаточным инструментарием для защиты своих интересов, включая: механизмы регрессных взысканий убытков; правовые основания для привлечения турагентов к ответственности за неправомерные действия, в том числе договорные штрафы и неустойки.

В рассматриваемой сфере важную роль играет государственное регулирование взаимоотношений туроператоров и турагентов через установление императивных норм. Законодательное определение правил взаимодействия позволит:

- устранить дисбаланс между частным и публичным правом;
- обеспечить защиту прав потребителей;
- создать равные условия для всех участников рынка.

Это обеспечит устранение дисгармонии, вызванной преобладанием норм частного права в отношениях туроператора и турагента по сравнению с преобладанием публичного права в правоотношениях между турагентом и потребителем.

В качестве меры по снижению размера ответственности исполнителей по договору о реализации услуг можно рассмотреть возможность ограничения действия норм потребительского законодательства в сфере реализации туристского продукта путём снижения законной неустойки и ограничения её максимального размера. На сегодняшний день размер ответственности исполнителей по договору о реализации туристского продукта велик и не соответствует нарушению. При этом применение статьи 333 ГК РФ о снижении взыскиваемой неустойки судебными инстанциями не имеет четкой законодательной регламентации и осуществляется преимущественно на усмотрение суда, что создаёт правовую неопределённость.

Дополнительной мерой по гармонизации отношений между туроператорами и турагентами может послужить запрет туроператорам на самостоятельную реализацию туристского продукта с осуществлением реализации только через турагентов, имеющих соответствующий статус. Такая мера позволит туроператорам сосредоточиться на формировании туристского продукта и контроле третьих лиц, участвующих в реализации.

Библиография

1. Акчурина Р. А. Понятие и правовая природа договора о реализации туристского

- продукта / Р. А. Акчурина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 11-1 (86). – С. 21-24. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-1-21-23. EDN: KMAZDU.
2. Ананьева Е. О. Гражданско-правовое регулирование договора об оказании туристических услуг / Е. О. Ананьева, П. В. Ивлиев // Закон и право. – 2020. – № 07. – С. 64-66. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10320. EDN: NGQKHX.
3. Бредихин А. Л. Гражданско-правовая ответственность в структуре юридической ответственности / А. Л. Бредихин, Н. П. Парфенов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7 (235). – С. 91-92. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_91. EDN: EEEVBQ.
4. Зубенко Ю. С. Гражданское право: учебное пособие / Ю. С. Зубенко. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. – 407 с. EDN: INVNJG.
5. Калинина И. А. Особенности гражданско-правовой ответственности турагента перед потребителем по требованиям о возмещении убытков в случае предоставления туроператором туристского продукта ненадлежащего качества / И. А. Калинина // Право: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 68-79. DOI: 10.17277/pravo.2019.02.pp.068-079. EDN: OLPLGP.
6. Кудреватых А. С. Юридическая ответственность субъектов туристской деятельности (туристического обслуживания). Часть первая / А. С. Кудреватых // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 1. – С. 5-10. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-1-5-10. EDN: HJYONO.
7. Кусков А. С. Гражданско-правовые аспекты туристской деятельности / А. С. Кусков, Н. В. Сирик. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – 208 с.
8. Максимов В. А. Современное состояние и тенденции развития учения о гражданско-правовой ответственности / В. А. Максимов // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. – 2023. – № 9. – С. 224-227.
9. Отческий И. Е. Роль судебной практики в защите нарушенных прав потребителей туристских услуг / И. Е. Отческий, Д. В. Володина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 3 (88). DOI: 10.17803/1994-1471.2018.88.3.128-137. EDN: LBNTTV.
10. Пудякова (Филатова), И. С. Туристское законодательство России: современные аспекты / И. С. Пудякова (Филатова) // Провинциальные Научные Записки. – 2023. – Туристское Законодательство В России. – № 1 (17). – С. 24-27.
11. Сергиенко С. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования туризма в РФ / С. Ю. Сергиенко // Экономика и право. Современное состояние и перспективы развития: сборник статей XII Международной научно-практической конференции (9 апреля 2024 г.). – Петрозаводск : МЦНП "НОВАЯ НАУКА", 2024. – С. 71-76. DOI: 10.46916/11042024-2-978-5-00215-346-6. EDN: JUBMPJ.
12. Сергиенко С. Ю. О некоторых проблемных аспектах в регулирования гражданско-правовых отношений на туристическом рынке / С. Ю. Сергиенко, В. Г. Гриб // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 2 (89). – С. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-2-27-30. EDN: CWWGRZ.
13. Сергиенко С. Ю. Проблемы правоприменения положения об электронной путевке при реализации туристского продукта / С. Ю. Сергиенко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 3 (153). – С. 1-4. DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.102. EDN: RUDLOY.
14. Сирик Н. В. Безопасность туристского бизнеса: поиск оптимального баланса гражданско-правовой ответственности туроператоров и турагентов / Н. В. Сирик, А. С. Кусков // Безопасность Бизнеса. – 2022. – № 4. – С. 11-15. DOI: 10.18572/2072-3644-

2022-4-11-15. EDN: IQSZUO.

15. Чхутиашвили Л. В. Новый вектор правового регулирования туристской деятельности в цифровой экономике / Л. В. Чхутиашвили, П. Е. Королев // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 4 (26). – С. 38-44. DOI: 10.17803/2618-8198.2024.26.4.038-044. EDN: GIVZZU.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензировании статье выступает проблема практики применения институтов договорной и деликтной ответственности при реализации туристского продукта. Тема является актуальной как с теоретической, так и практической точки зрения. Комплексный характер отношений, сложный субъектный состав правоотношения по реализации туристского продукта порождают сложности правового регулирования, толкования его норм и влияют на единообразие правоприменения. Отдельное внимание автором уделено проблеме разграничения ответственности между турагентом и туроператором.

Опираясь на ключевые научные методы исследования - анализ, синтез и сравнительно-правовой, автор раскрывает основные проблемы, возникающие при реализации туристского продукта между турагентом и туроператором. Автор анализирует правоприменительную практику, в том числе в случае недобросовестного поведения турагента на рынке услуг; обобщает имеющиеся на рассмотрении предложения по изменению действующего законодательства как с целью преодоления коллизий между нормами ГК РФ и специальным нормативным актом, так и с целью разрешения существующих практических проблем.

Научная новизна проявляется в обоснованной критической позиции в отношении предлагаемых законопроектом норм о гражданско-правовой ответственности турагента за свои действия перед заказчиком (туристами) и выведение туроператора из-под ответственности по договору о реализации туристского продукта за последствия, которые возникли по вине турагента. По мнению автора отчасти могут решить проблему перераспределения ответственности и снизить риски туроператора, но негативно могут сказаться непосредственно на потребителе туристского продукта.

Представленная на рецензирование статья изложена выдержанным научным стилем, содержит сноски на научные работы последних лет. Структура статьи выдержана: во введении обосновывается актуальность избранной для освещения тематики, дается ее краткий обзор как с нормативной, так и научной точки зрения; раздел "Постановка проблемы и обсуждение" характеризуется четкостью и лаконичностью в формулировании имеющихся проблем, а также содержит аргументы, на которых автор строит свою позицию. Заключение содержит обобщенный вывод, который представляет собой поиск наиболее оптимальной конструкции: автор критически оценивает исключительно договорное перераспределение ответственности между туроператором и турагентом, а также считает нецелесообразным императивное регулирование посредством вносимых законопроектом предложений. Вместе с тем, автор полагает, что способ решения поставленной проблемы в законодательном регулировании, но для сохранения баланса интересов в комплексном туристском правоотношении следует рассмотреть возможность ограничения действия норм потребительского законодательства в сфере реализации туристского продукта путём снижения законной неустойки и ограничения её максимального размера.

Библиография включает 15 источников, основу которой составляют научные публикации последних пяти лет по профилю избранной тематики.

По мнению рецензента интерес читательской аудитории к поставленной проблематике высок в виду актуальности и широкого применения рассматриваемого правового института в практике.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Гражданско-правовая ответственность туроператоров и турагентов: перспективы законодательных изменений».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам гражданско-правовой ответственности туроператоров и турагентов. Автором анализируются положения законодательства, в том числе последние изменения положений правовых актов, судебная и деловая практика в рассматриваемой сфере, делаются конкретные предложения по поводу совершенствования регулирования. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о гражданско-правовой ответственности туроператоров и турагентов. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «В 2017 году законодатель внёс дополнения в статью 9 Туристского закона, предусматривающие ответственность как туроператора, так и турагента перед друг другом и перед туристами. Однако внесённые законодательные нормы не обеспечили достаточной защиты интересов туроператора от ответственности перед туристами по договорам о реализации туристского продукта, заключённым турагентом. Неоднозначность ситуации проявляется в том, что туроператор остаётся обязанным перед заказчиком по заключённому договору, даже в случае неполной оплаты турагентом или отсутствия сообщения туроператору о заключённом с туристом договоре».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, автором обращено внимание на то, что «Закон о туризме является специальным законодательным актом по

отношению к ГК РФ. Конституционный Суд РФ в Определении от 05.11.1999 № 182-О подчеркнул, что ни один федеральный закон не обладает преимущественной юридической силой над другим. При возникновении правовых коллизий приоритет отдаётся нормам специального законодательства, что подтверждается также Определением Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема гражданско-правовой ответственности туроператоров и турагентов сложна и неоднозначна. Большое количество граждан заключают договоры с туроператорами. Тем самым, соблюдение законодательства последними имеет важное значение. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Современное состояние нормативной базы характеризуется наличием правовых коллизий, которые создают определенные трудности в правоприменительной практике. Это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования с целью обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов всех участников туристских правоотношений».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«анализ ситуации, связанной с распределением гражданско-правовой ответственности в сфере туристской деятельности, выявил существование системной проблемы в данной области права. Доводы туроператорского сообщества о возложении на них ответственности за действия третьих лиц, включая турагентов, требуют более глубокого междисциплинарного анализа, поскольку данная проблема не ограничивается исключительно правовой сферой, а также проявляется в виде экономического эффекта, затрагивающего всех субъектов туристской индустрии. Снижение гражданско-правовой ответственности туроператоров может привести к усилению их доминирующего положения на рынке туристических услуг, которое в настоящее время уже характеризуется значительной степенью влияния. Это позволяет туроператорам посредством частноправовых механизмов, закреплённых в агентских договорах, оказывать существенное воздействие на потребителей, намеревающихся заключить договоры о реализации туристских продуктов».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«В качестве меры по снижению размера ответственности исполнителей по договору о реализации услуг можно рассмотреть возможность ограничения действия норм потребительского законодательства в сфере реализации туристского продукта путём снижения законной неустойки и ограничения её максимального размера. На сегодняшний день размер ответственности исполнителей по договору о реализации туристского продукта велик и не соответствует нарушению. При этом применение статьи 333 ГК РФ о снижении взыскиваемой неустойки судебными инстанциями не имеет четкой законодательной регламентации и осуществляется преимущественно на усмотрение суда, что создаёт правовую неопределённость».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с гражданско-правовой ответственностью в отдельной сфере предпринимательской деятельности.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования, предложив конкретные направления совершенствования законодательства.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Акчурин Р.А., Калинина И.А., Отческий И. Е., Сергиенко С. Ю., Чхутиашвили Л. В. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области проблем защиты прав потребителей туристских услуг.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития законодательства об ответственности туроператоров.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Журавлёв В.В. Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75789 EDN: XNWPJI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75789

Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина

Журавлёв Владислав Витальевич

ассистент, институт права, социального управления и безопасности; Удмуртский государственный университет

426034, Россия, Удмуртская Респ, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

✉ ian.cupola@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75789

EDN:

XNWPJI

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2025

Дата публикации:

23-09-2025

Аннотация: Действующее в России правовое регулирование несостоятельности в случае смерти гражданина нередко называется в литературе «банкротством наследственной массы». Данная формулировка позволяет исследователям соответствующей процедуры обосновать восстановление правоспособности умершего, фиктивно признавая его субъектом права в банкротстве на определённый промежуток времени до распределения имущества между кредиторами. Подобное «воскрешение» гражданина, исходя из буквального толкования пункта 4 статьи 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», порождает правовое последствие якобы в виде сепарации имущественных масс, и, как следствие, конкуренцию кредиторов наследника с кредиторами наследодателя и неограниченную ответственность правопреемника по чужим долгам. Данное положение наследника

находится в очевидном противоречии с действующей нормой пункта 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации, что вынудило правоприменителя определить статус наследников в обозначенной процедуре банкротства как исключительно процессуальный. Проблема изложенного подхода состоит в вынесении наследника, имеющего имущественный интерес по отношению к наследству, «за скобки» процедуры несостоятельности. В этой связи, обращаясь к работам классиков частного права и сравнительному правоведению (английское и немецкое право), для определения статуса наследника в процедуре банкротства наследодателя необходимо провести ревизию законодательного материала, его научного осмысления и практического применения в отношении реализации принципа ограниченной ответственности по долгам несостоятельного гражданина. Автор, с учётом установления целей отечественного регулирования банкротства умершего, предлагает отказаться от идеи придания наследнику статуса фиктивного должника. С помощью принципа ограниченной ответственности по долгам наследодателя обосновывается вывод о том, что автоматического «смещения» имущества при вступлении в наследство не происходит. Наследник должен восприниматься как обладатель двух масс – личной и наследственной – вне зависимости от судьбы перешедшего к нему имущества. Такое понимание накладывает на правопреемника обязанность по «ликвидации» наследства, обладающую характером конкурсного процесса. Основной вывод об априорной обособленности имущества привносит последовательность в толкование действующего регулирования: исключается конкуренция между кредиторами, предлагаются основания для возникновения личной ответственности правопреемника, сохраняются взаимные обязательства. Но, самое главное, фигура наследника определяется в качестве ключевой для исследуемой процедуры.

Ключевые слова:

наследственное право, правопреемство, несостоятельность, наследник, умерший гражданин, должник, наследственная масса, кредиторы наследодателя, сепарация, ограниченная ответственность наследника

Введение

В 2015 году вступила в действие статья 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), вновь закрепившая возможность введения процедур банкротства в отношении умерших граждан. Регулирование такого вида несостоятельности без корректного представления об особенностях наследования невозможно. Для проведения надлежащей процедуры крайне важно определить: объём несостоятельного наследства, правовой статус кредиторов и наследников в процедуре, формы реализации прав субъектов, участвующих в наследовании.

Согласуются ли нормы о роли наследников в банкротстве с положениями о наследственном преемстве? В пункте 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве закреплено, что права и обязанности в процедуре несостоятельности гражданина в случае его смерти осуществляет наследник. Толкование данной нормы представляется затруднительным в связи с тем, что законодатель отдельно не указал: заменяется ли личность умершего персоной правопреемника? Имеет ли норма Закона о банкротстве специальный характер по отношению к правовому регулированию ограничения ответственности наследников по долгам наследодателя?

В абзаце втором пункта 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) установлено, что наследник несёт ответственность лишь в пределах стоимости перешедшего к нему имущества умершего. Можно сделать вывод: долги в части, которую размер наследства не покрывает, не подлежат погашению за счёт личного имущества правопреемника в силу установленного законом ограничения.

Ориентируясь на такое умозаключение, разработчики поправок в закон о банкротстве могли предположить, что норма статьи 1175 ГК РФ регулирует общий порядок наследования, то есть не учитывает состояние неплатёжеспособности наследодателя. Возможно, по этой причине правовое регулирование несостоятельности в случае смерти гражданина ориентировано на иную модель – неограниченной ответственности по долгам наследодателя. Действительно, что может гарантировать интересы кредиторов умершего должника больше, чем присоединение к обязательству правопреемника в качестве дебитора?

Первым на проблемную законодательную новеллу среагировал правоприменитель в лице Верховного Суда Российской Федерации, установив в пункте 48 постановления Пленума Верховного Суда РФ от № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» исключительно процессуальный статус наследников: должниками по смыслу закона о банкротстве они более не являются. Дополнительно, в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам от 29.03.2021 № 305-ЭС18-3299 и от 23.03.2023 № 305-ЭС22-13478 сформировался подход о том, что процедура банкротства в случае смерти гражданина называется «банкротством наследственной массы» и осуществляется так, как если бы наследодатель был жив. Преобладать такая позиция начала и в доктрине [\[1\]\[2\]\[3\]](#).

Вновь получается довольно разобщённая картина: если сверхзадолженность отсутствует, должником в пределах наследственной массы является наследник, но в случае обнаружения таковой – умерший гражданин. Каким образом в таком случае преодолевается императивная норма пункта 2 статьи 17 ГК РФ о прекращении правоспособности гражданина его смертью? Почему наследник, обладающий наследством с момента его открытия на основании с пункта 4 статьи 1152 ГК РФ, «выбывает» из отношений с кредиторами наследодателя? И на каких основаниях происходит так называемая «сепарация» имущества – личного и унаследованного?

Особенно остро придание правосубъектности гражданину после его смерти и переложение на наследников неограниченных долгов наследодателя на наследников проявляется в практике. Например, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 24.06.2025 № Ф09-2173/25 по делу № А60-1572/2024 рассматривался вопрос о допустимости прекращения процедуры несостоятельности умершего на основании погашения требований в реестре кредиторов третьим лицом. Суд кассационной инстанции, ориентируясь на вышеупомянутый подход Верховного Суда, а также доктринальные подходы, отменил судебные акты, которыми данная процедура была прекращена. Выводы суда, несмотря на то что де-юре должником является умерший, мотивированы в том числе и тем, что имущественные притязания третьего лица к должнику теперь могут быть предъявлены к его наследникам. Отдельной особенностью дела является то, что конкурсная масса сформирована финансовым управляющим в размере, в три раза превышающем размер включенной в реестр требований кредиторов задолженности.

Другим примером, демонстрирующим трудности в надлежащем толковании норм

наследственного права применительно к ситуации несостоятельности является оспаривание отказа от наследства [\[4, с. 182-199\]](#). Так, в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.02.2023 № Ф01-8559/2022 по делу № А82-5996/2020 действия наследника по отказу от наследства были признаны недействительными ввиду причинения таковыми вреда кредиторам, несмотря на правило об ограничении ответственности правопреемников стоимостью наследственной массы.

Таким образом, закон существует в отдельной реальности от практики его применения и доктрины. Вопрос о формировании надлежащего понимания о роли фигуры наследника в процедуре несостоятельности гражданина в случае его смерти с учётом принципа ограниченной ответственности по долгам наследодателя является актуальным ввиду несогласованности обозначенных подходов. Отдельно стоит отметить, что термины «наследственная масса», «наследодатель» и «умерший гражданин» употребляются далее по тексту статьи не для обозначения в качестве правосубъектных образований.

Модели наследования

Для последовательного изложения статьи требуется определить цель процедуры несостоятельности гражданина в случае его смерти. Решение поставленной задачи возможно лишь посредством определения характера взаимодействия наследственного права и законодательства о банкротстве, определив существующую модель наследственного преемства в России.

В начале следует оговориться, что, к сожалению, мнения учёных в отношении самых базовых понятий и конструкций, используемых в российском наследственном праве, на сегодняшний день остаются разрозненными. Научный консенсус как в отношении содержания наследственного правоотношения [\[5, с. 65-66\]](#)[\[6, с.18-37\]](#), так и характера ответственности наследника по долгам наследодателя [\[5, с. 185\]](#)[\[7, с.14\]](#), далёк от формирования. Соответственно, при рассмотрении любых элементов наследственных отношений следует максимально осторожно оперировать специализированной терминологией, а для более точного обоснования позиций использовать историко-правовой метод.

Также нельзя не отметить, что в странах Западной Европы вовсе констатируется отсутствие научного интереса к наследственному праву, которое исчезает из числа обязательных курсов для студентов-юристов соответствующих стран [\[8, с. 230-232\]](#). Однако сравнительно-правовой метод позволяет описать подход отечественного законодателя более конкретным способом, что обуславливает применение компаративистики к изучению наследования в рамках настоящей статьи.

Итак, универсальное правопреемство по причине смерти может регулироваться двумя способами: посредством прямого (континентальные правовые порядки, например, Германия) и опосредованного правонаделения (страны общего права, например, Англия) [\[9\]](#).

Первый подход подразумевает отсутствие временного периода на вступление в наследство, поскольку наследник заменяет фигуру наследодателя во всех отношениях сразу после открытия наследства [\[10, с. 192-210\]](#). Правопреемнику лишь предоставляется возможность отказаться от наследования до истечения шести недель с момента смерти наследодателя (*§ 1944 Гражданского уложения Германии*); пока данная воля не выражена, наследник считается принявшим наследство [\[11, 585-586\]](#).

Второй подход, воспринятый странами общего права, воплощается в простой формуле:

«Наследник является получателем ликвидационного остатка после расчётов с кредиторами наследодателя» [\[9, с. 328-329\]](#). Преемство происходит лишь в имуществе умершего. Значит, если после смерти у гражданина остались только долги, то правопреемник не получит ничего.

Вероятно, причиной существования указанных особенностей наследования явилось разное отношение правовых систем к рецепции римского частного права из кодификации Юстиниана.

Одной из ключевых проблем, вызываемых фактом смерти, на которую обратили внимание римляне, является объём переходящих по наследству долгов. В отличие от статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации, установившей ограничение ответственности наследников стоимостью наследственной массы (*cum viribus hereditatis*), в римском праве наследник нес неограниченную ответственность и отвечал всем имуществом, в том числе личным (*pro viribus hereditatis*) [\[13, с. 5\]](#). Получается, что при вступлении в наследство, которое происходило *ipso iure*, существовала презумпция автоматического смешения наследства с личным имуществом наследника. Поэтому в распоряжении правопреемника наличествовали инструменты ограничения ответственности, позволявшие составить опись перешедших объектов и избавиться от чужих долгов [\[13, с. 21-26\]](#).

Возможно, данная форма перехода имущественных обязанностей была обусловлена тем, что должник при возникновении долговых отношений получал часть личности кредитора [\[13, с. 179-180\]](#). Значит, когда после смерти личность должника переходила на наследников, они обязывались отвечать по долгам умершего всем своим имуществом, как и наследодатель.

Немецкий правопорядок, вслед за подходом римлян, похожим образом ставит во главу угла интересы кредиторов, которые не должны страдать от случайного события в виде смерти должника, поскольку «*der Gläubiger ist der erste Erbe*» («кредитор – первый наследник») [\[9, с. 330\]](#). Наследник в такой концепции становится фиктивным дебитором, как бы отправляющим волю наследодателя. То есть, он обязан осуществить полноценное имущественное предоставление кредиторам наследодателя даже при несостоятельности умершего [\[14, с. 261-262\]](#). По этой причине в Германии также закреплена неограниченная ответственность наследника с возможностью её лимитации посредством установления режима управления наследством или составления всё той же инвентарной описи [\[15, с. 1184-1185\]](#).

Англичане же следуют цели изложенного подхода, но другими средствами, вводя фигуру «*personal representative*» (личный представитель). Это специальный орган, осуществляющий все полномочия умершего в отношении полученной им имущественной массы и проводящий расчеты с кредиторами [\[9, с. 328-329\]](#). В такой концепции наследник устраняется от управления наследством и какой-либо персональной ответственности.

Отечественный правопорядок, в свою очередь, закрепил смешанную модель универсального правопреемства, сочетающую признаки двух указанных подходов: опосредованная передача наследства правопреемнику посредством нотариального удостоверения факта вступления в наследство сопряжена с переходом на наследников долгов наследодателя с ограничением в виде стоимости наследства. Значит, и смешения унаследованного имущества с личным не происходит: нотариус обязан установить

наследственное имущество, а не сам правопреемник. Представляется, что такой порядок появился ввиду специфичного понимания наследственного правоотношения.

Право наследования является необходимым правовым средством для обозначения субъектов, преемствующих в имуществе, а остальные вопросы, в том числе связанные с управлением наследством, погашением долгов умершего, погребением, решаются иными, сопутствующими наследственному процессу, инструментами. Нельзя не согласиться с тем, что *«если бы наследственное правоотношение не возникало, то замена субъекта в правоотношениях в случае смерти осуществлялась бы ipso iure»* [\[4, с. 121\]](#), а правопреемство сводилось к полноценному замещению личности наследодателя персоной наследника и, следовательно, вело к неограниченной ответственности по долгам умершего.

Соответственно, для разрешения противоречия, возникшего по причине закрепления в части третьей ГК РФ и Закона о банкротстве разных моделей регулирования наследования, необходимо внести изменения в абзац первый пункта 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве, сформулировав его следующим образом:

«Права и обязанности в деле о банкротстве гражданина в случае его смерти или объявления умершим, по истечении срока, установленного законодательством Российской Федерации для принятия наследства, осуществляют вступившие в наследство наследники гражданина с учётом положений об ограничении их ответственности, установленных гражданским законодательством».

В этой связи стоит предположить, что термин *«ответственность»* используется в заголовке статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации по отношению наследников к обязательствам умершего используется не случайно. Стоимость наследства, определяемая на момент его открытия, очерчивает предел удовлетворения кредиторов из этой части имущественной сферы наследника, исключая саму возможность получения изначального предоставления, особенно в условиях несостоятельности. Значит, этой законодательной нормой *в силу, отсутствия смещения наследственного и личного имущества, на наследника возложена первоочередная обязанность постмортального погашения обязательств наследодателя*, исходя из стоимости наследства. Это хотя бы как-то ограничивает его собственнический произвол и гарантирует соблюдение прав кредиторов.

Цели регулирования несостоятельности умершего гражданина

С учётом выявленной модели наследования, накладывающей «ликвидационную» обязанность на наследника, должна формулироваться и цель процедуры. Для этого необходимо обратиться к доктрине, на текущий момент не имеющей самостоятельного специализированного исследования, покрывающего собой все аспекты банкротства в случае смерти гражданина. Существуют лишь упомянутые во введении отдельные работы, освещающие взгляд исследователей на общую картину данной процедуры. Однако наиболее интересной позицией представляется позиция Татьяны Петровны Шишмаревой, изложенная в докторской диссертации на тему *«Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии»*.

Учёный указывает, что *«цель процедуры несостоятельности наследственной массы иная, чем в Германии, её можно, на наш взгляд, определить как соразмерное удовлетворение требований кредиторов наследодателя»* [\[14, с. 269\]](#). Вместе с тем данная формулировка полностью совпадает с целью процедуры, определённой далее по отношению к

немецкому праву [\[14, с. 262\]](#).

Как видно, наследник вновь оказывается «не у дел», несмотря на то что для определения цели банкротной процедуры нельзя не учитывать его материально-правовое положение. У самих наследников не просто должна быть возможность исключить из конкурсной массы имущество, необходимое для обеспечения их жизнедеятельности. Законодатель предусмотрел также случаи перехода к ним прав при наследовании без универсального преемства, о существовании которого в разных исторических обстоятельствах писали, в частности, А. Л. Фрейтаг-Лоринговен [\[16, с. 83-91\]](#) и Б.Б. Черепашин [\[17, с. 424-428\]](#), что является основанием для наделения их правом на обращение в суд с соответствующим ходатайством.

Кроме того, в конкурсную массу не может быть включено имущество обязательных наследников и единственное пригодное для наследников должника жильё (пункт 7 статьи 223.1 Закона о банкротстве). Строгая формулировка нормы в Законе о банкротстве не исключает иных ситуаций, поскольку в законодательстве встречаются и иные случаи правонаделения без преемства (сингулярного наследственного правопреемства). Примером может послужить статья 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Судебная практика, связанная с объёмом наследственного преемства, также придерживается позиции о том, что правопреемники вместе с правами на имущество наследодателя и его обязанностями приобретают иммунитет отдельных вещей от взыскания (пункт 51 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025).

В этой связи для возвращения наследников на орбиту процедуры банкротства наследодателя задача современного российского наследственного права видится в создании наиболее благоприятного режима осуществления прав субъектами наследственного правоотношения [\[4, с. 268\]](#). Значит, и состояние неплатёжеспособности умершего не исключает наследника из универсального правопреемства.

Иностранная доктрина тоже уделяет внимание вопросам статуса наследников при определении целей регулирования института наследования. Ян Петер Шмидт в монографии, посвященной процедурам ликвидации наследства (*Nachlaßabwicklung*), обращает внимание на две функции нынешнего наследственного права в сравнительно-правовом аспекте – миротворческую (*Befriedungsfunktion*) и стабилизирующую (*Stabilisierungsfunktion*). Так, миротворческая функция состоит в обеспечении правопорядком осуществления прав в постмортальный период кредиторами и наследниками в целом. Стабилизирующая функция отвечает за достижение справедливого баланса интересов указанных лиц в рамках конкретного правоотношения [\[18, с. 140-141\]](#). Соответственно, для решения вопросов банкротства гражданина в случае его смерти, эти функции должны находить свою реализацию.

Значит, с позиций современного отечественного частного права, *правильнее видеть главной целью банкротства в случае смерти гражданина справедливое распределение наследства между наследниками и кредиторами наследодателя*. Именно такой взгляд позволяет указать, что фигура наследника, осуществляющего права в отношении имущества умершего, имманентно присуща самой процедуре.

Ограничение ответственности наследников в процедуре несостоятельности наследодателя

Обозначенная цель напрямую влияет на системное толкование норм наследственного права и Закона о банкротстве. Указанные во введении догматические подходы к пониманию исследуемой процедуры несостоятельности в виде замещения личности наследодателя наследником с целью вменения неограниченной ответственности правопреемнику или «фингирования» позиции наследодателя не способны достичь равномерного распределения наследства между всеми заинтересованными лицами. Кроме того, интуитивно кажется неправильной ситуация, при которой в процедуре реализуется перешедшее к наследнику имущество, но при этом сам он подпадает под контроль кредиторов.

Неспроста Григорий Федорович Дормидонтов полагал, что «*..Наследство существует для наследника, а не наследник для наследства*» [\[18, с. 1-20\]](#). И Лев Аристидович Кассо также считал, что самим фактом ограничения ответственности наследуемое имущество обособляется *ipso iure*, и инструменты для её последующей лимитации не нужны [\[19, с. 291, 296, 297\]](#). Видится, что в основе существующего принципа ограничения ответственности при приобретении унаследованного имущества лежат именно эти слова.

Получается, что для формирования последовательной концепции реализации принципа ограниченной ответственности в банкротстве умершего необходимо объединить несколько моментов: отсутствие «автоматического» слияния личного и наследственного имущества в обладании правопреемника (1), необходимость справедливого распределения последнего в ходе процедуры (2) и личность самого наследника (3).

Решение поставленной задачи возможно лишь в случае признания наличия в обладании правопреемника двух несмешивающихся имущественных масс – личной и наследственной. В отношении каждой из них наследник обладает всей полнотой распорядительной власти с момента вступления в наследство, а значит, исключается вынесение его интересов за пределы процедуры.

Отечественный законодатель допускает наличие двух имущественных масс у одного лица и в других ситуациях. Помимо упомянутых выше имущественных иммунитетов, например, в статьях 34 и 36 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливается схожий режим сообладания разными имущественными массами каждым из супругов – личной и общей совместной. Поскольку само по себе обособление конкретной имущественной массы не означает создание лица, имеющего правоспособность.

Подобный правовой режим, подразумевающий материально-правовое разделение прав субъекта на разобщённые сферы влияния, слабо изучен в отечественной доктрине [\[21\]](#). В частности, Е.А. Останиной предпринята попытка его осмысления применительно к российскому праву, в особенности, к ситуации несостоятельности наследства. Так, учёный предполагает, что «при наследовании в общем порядке, без процедур банкротства, обособление наследства не требуется ... даже в том случае, если всё входящее в состав наследства уже потреблено или смешано с имуществом наследников» [\[22, с. 54\]](#).

Но каким образом обособление не происходит, если на основании абзаца второго пункта 1 статьи 1162 ГК РФ возможна выдача свидетельства на отдельные части наследства? Что это означает, как не априорное обособление имущества без возможности его смешения? Разве законодатель, устанавливая шестимесячный срок для принятия наследства, не предполагает возможность обращения к нотариусу для целей установления имущественного состояния умершего?

Подобная позиция вновь возвращает к вопросам о допустимости понимания ответственности наследника как неограниченной, а также к восстановлению правоспособности умершего гражданина при его несостоятельности. Однако ставит важную проблему: если наследник обладает всей властью по отношению к наследству, как защитить кредиторов наследодателя от его оппортунизма? Поэтому вывод автора настоящей статьи об обладании наследником личным и наследственным имуществом на основании ограничения ответственности с момента принятия наследства требует дополнительного обоснования.

Во-первых, сосуществование нескольких имущественных масс в обладании наследника по российскому праву защищает не только правопреемника, но и кредиторов наследодателя, строго определяя имущество, за счёт реализации которого они получают преимущественное удовлетворение. В то время как при последовательном проведении действующих концепций допускалась бы конкуренция кредиторов умершего и его правопреемника. Значит, личные кредиторы наследника приобретают лишь потенциальную возможность удовлетворения их требований за счёт унаследованного имущества.

Кроме того, в случае признания наследника банкротом по заявлению его верителя, финансовый управляющий обязан будет вести два реестра требований кредиторов, а если процедура несостоятельности вводится в случае смерти наследодателя – один. Представляется, что иная, менее обоснованная, позиция о сепарации данных процедур в банкротстве наследника закреплена в пункте 13 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа № 2/2023 от 27.10.2023.

Во-вторых, только параллельное сообладание разным имуществом позволяет обосновать сохранение прекращения при наличии между наследодателем и наследником договорных отношений взаимных обязательств в силу совпадения должника и кредитора в одном лице (конфузии). Часть третью ГК РФ стоит дополнить правилом о том, что взаимные обязательства этих лиц становятся натуральными и закрепляются в наследственной массе, не сливаясь с имуществом наследника за счёт эффекта обособленности ценности наследства [\[23\]](#). Они восстанавливают силу лишь после расчётов с кредиторами умершего, а при его несостоятельности – субординируются, если наследник доказывает отсутствие аффилированности. Иной вывод позволял бы наследнику автоматически на законных основаниях производить уменьшение наследственной массы на размер требований наследодателя к нему в виду самого факта наследственного преемства или лишал бы наследника возможности обратиться с заявлением о включении своего требования в реестр кредиторов наследодателя.

В-третьих, в случае неисполнения обязанности по первоочередному погашению долгов наследодателя и наличии факта отчуждения имущества умершего, *наследник будет отвечать замещающими само наследство активами в силу суррогации* (сохранения возможности обращения взыскания на объект при изменении его природы или характеристик) [\[24\]](#). Таким образом, в случае причинения вреда кредиторам они смогут на основании статьи 1064 ГК РФ претендовать на возмещение из имущества наследника и, как следствие, получат право признавать банкротом уже его.

В-четвёртых, «сепарация» в случае признания умершего банкротом при наличии личной и наследственной массы в обладании наследника не происходит, она наступает ввиду факта вступления в наследство. Отсутствие фикции восстановления правоспособности наследодателя позволяет более последовательно разрешить приведённые во введении

ситуации.

Так, в деле о прекращении процедуры банкротства умершего в виду погашения требований реестра третьим лицом личная ответственность наследников не наступает. Новый кредитор лишь заместил существовавшие требования к наследодателю, выкупив их у иных лиц. Ограничение ответственности стоимостью наследственного имущества не исчезло, что в условиях превышения стоимости наследства над размером обязательства кредитора не может служить основанием для продолжения рассмотрения дела. Равным счётом, при невозможности обращения взыскания кредитором наследодателя на личное имущество наследника оспаривание отказа от наследства не имеет практической значимости.

Главный вывод состоит в том, что законодательное ограничение ответственности позволяет определить субъект, который признаётся несостоятельным в банкротстве гражданина в случае его смерти. *Должником и ключевой фигурой процедуры является наследник, выражающий собственные интересы и «как бы» интересы наследодателя.* Соответственно, финансовый управляющий может, благодаря такому пониманию роли наследника, и оспаривать сделки умершего с третьими лицами по конкурсным основаниям, и осуществлять реализацию унаследованного имущества с учётом интересов конкретного лица, и обжаловать судебные акты в экстраординарном порядке от имени правопреемника, а сам наследник впоследствии освободится от долгов наследодателя.

Выводы

Таким образом, действующий закон наиболее системно толкуется не в соответствии с подходами, преобладающими в доктрине и практике, а с учётом принципа ограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя и установления цели исследуемой процедуры. В отношении высказанных суждений, оппонирующих проанализированному мнению, можно возразить, что при отстаивании в работе точки зрения, защищающей консерватизм действующего регулирования, не особо учитывается поведение самих наследников.

Но частное право в своей сути – это идеалистичный концепт, функционирующий на базе представлений о должном поведении субъектов гражданского оборота. Обозначенная цель процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина – справедливое распределение массы между наследниками и кредиторами наследодателя – как раз служит для установления меры должного. То есть, отклонение от неё посредством преимущественного удовлетворения интереса любого лица, участвующего в процедуре, может служить основанием для реакции правопорядка в виде приведения отношений в состояние баланса. Восстановлением справедливости должна заниматься и доктрина, в идеале предлагающая усовершенствовать действующий механизм правового регулирования, например, посредством расширения суррогации на случаи совершения наследниками действий во вред кредиторам.

Поэтому на основе изложенных подходов для формирования понимания о наследнике как о ключевой фигуре в банкротстве гражданина в случае его смерти можно сформировать следующие выводы.

1. Возможное обращение законодателя к неограниченной ответственности наследников при формулировании норм о несостоятельности в случае смерти гражданина не выглядит достаточно обоснованным и не согласуется с материально-

- правовым статусом наследников, установленным Гражданским кодексом Российской Федерации. В этой связи предлагается корректировка нормы абзаца первого пункта 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве, предполагающая констатацию лимита ответственности наследников по долгам наследодателя в условиях его неплатёжеспособности.
2. Интересы наследника в процедуре несостоятельности в случае смерти гражданина могут быть учтены лишь с признанием того, что с момента принятия наследства правопреемник обладает двумя несмешивающимися имущественными массами – личной и наследственной. Цель процедуры несостоятельности умершего в виде справедливого распределения наследства между наследниками и кредиторами наследства в совокупности с принципом ограничения ответственности правопреемника по долгам служат основанием для такого вывода.
 3. «Сепарация» имущественных масс также наступает с момента вступления в наследство, а не введения процедуры в отношении имущества умершего. Признание в данном случае наследника настоящим должником и при неплатёжеспособности наследодателя, ответственность которого ограничена размером наследства, исключает применение правовой фикции в виде «восстановления» правоспособности скончавшегося гражданина и конкуренцию кредиторов имущественных масс.
 4. Кроме того, обособленность имущественных масс позволяет обосновать сохранение договорных отношений между наследником и наследодателем, что также требует корректировки действующего закона. Закрепления требует правило о том, что при обычном наследовании к таким обязательствам применяется фикция временной натурализации на период, в течение которого проводятся расчёты с кредиторами. В случае же несостоятельности, обязательства натуральными не считаются, но могут субординироваться на основании опровержимой презумпции тесной связи между правопреемником и умершим.
 5. Определение лимита ответственности наследника стоимостью наследства не исключает возможность обращения кредиторов с иском о возмещении вреда, причинённого действиями наследника, направленными на сокрытие унаследованного имущества или его отчуждение. Подобное понимание позволяет преодолеть объектный подход к пониманию наследства за счёт обращения к суррогации

Библиография

1. Фролов, И. В. Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: дис. ... д-ра юридических наук. Москва, 2023.
2. Файзуллин, Р. В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии: диссертация ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2022.
3. Суворов, Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023.
4. Егоров, А. В. Конкурсное оспаривание отказа от принятия наследства: дьявол в деталях // Цивилистика. 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 182-199.
5. Ходырева, Е. А. Право наследования в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. С. 5-8.
6. Казанцева, А. Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2015.
7. Сватеева, О. А. Ответственность наследников по долгам наследодателя: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2007.
8. Циммерман, Р. Формы завещания: "воля законодателя" или выражение правовой культуры? // Вестник гражданского права. 2017. № 1. С. 227-271.

9. Schmidt, J. P. Transfer of Property on Death and Creditor Protection: The Meaning and Role of "Universal Succession" // Nothing So Practical As a Good Theory. Edinburgh, 2017. P. 323-337.
10. Гонгало, Ю. Б., Михалев, К. А., Петров, Е. Ю., Путинцева, Е. П. Основы наследственного права России, Германии, Франции. М.: Статут, 2015.
11. Бергманн, В. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. М.: Волтерс Клувер, 2008.
12. Rohlf, S. Die Rechtsfolgen der beschränkten Erbenhaftung für die Gläubiger des Erblassers im antiken und mittelalterlichen römischen Recht. Hamburg, 2002.
13. Дождев, Д. В. Правовое общение: опыт римского права. // Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву. Том 1. Статут, 2021. С. 140-204.
14. Шишмарева, Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022.
15. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter, 2008.
16. Фрейтаг-Лоринговен, А. Л. Вступление наследника в обязательства и права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1905.
17. Черепяхин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. Москва: Статут, 2020.
18. Schmidt, J. P. Itinera hereditatis: Strukturen der Nachlassabwicklung in historisch-vergleichender Perspektive. Hamburg: Mohr Siebeck, 2022.
19. Дормидонтов, Г. Ф. Об ответственности наследников по обязательствам оставителя наследства. Казань: В университетской типографии, 1881. Вып. I.
20. Кассо, Л. А. Преемство наследника в обязательствах наследодателя. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1895.
21. Михалев, К. А., Петров, Е. Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25-39.
22. Останина, Е. А. Имущественная обособленность физического лица и связанные с нею последствия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48-74.
23. Wacke, A. Die Konfusion: Schuldtilgungsgrund oder nur Ausschluss der Klagbarkeit? Zur Vornahme der Erfüllung mit sich selbst // Perspektiven des Privatrechts am Anfang des 21. Jahrhunderts: Festschrift für D. Medicus zum 80. Geburtstag am 9. Mai 2009 / hrsg. von V. Beuthien. Köln: Carl Heymanns Verlag, 2009. S. 543-587.
24. Зикун, И. И. Конкурсная суррогация // Сборник статей к 20-летию закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского закона о банкротстве // Национальная ассоциация по банкротству и управлению проблемными активами "Банкротный клуб". 2023. С. 56-75.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, роль наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Отечественное право за последние сто с небольшим лет пережило массу потрясений, продиктованных в первую очередь внешними факторами: революциями в Императорской России, экономическими трансформациями в их результате, а также последующим восстановлением рыночных отношений обмена в результате распада СССР. В этой связи многие институты частного права прошли через неоднократные ревизии законодательного и научного характера. Наследственное право, а также правовое регулирование несостоятельности, эти изменения стороной не обошли [1, с. 466-474][2, с.124-135][3]. Сказать, что на протяжении обозначенного периода времени отечественная академическая наука оставила такое социально значимое явление как наследование без внимания, нельзя [4, с. 5-8], хотя в силу исторических обстоятельств отдельные вопросы исчезали из поля зрения науки. В этой связи с сожалением приходится отмечать крайнюю разрозненность позиций учёных в отношении самых базовых понятий и конструкций, используемых в российском наследственном праве. Научный консенсус, как в отношении содержания наследственного правоотношения [4, с. 65-66][5, с.18-37], так и по вопросу характера ответственности наследника по долгам наследодателя [4, с. 185][6, с.14], далёк от формирования. Соответственно, при рассмотрении любых элементов наследственных отношений следует максимально осторожно оперировать специализированной терминологией, и учитывать объективные исторические особенности нашего правопорядка [7, с.359-360]. Нельзя не отметить, что зарубежные исследователи вовсе констатируют отсутствие научного интереса к наследственному праву [8, с. 230-232]" и др.; "Особенно остро обозначенные теоретические разночтения проявляются при попытке найти точки соприкосновения разнородных гражданских правоотношений. Например, с учётом нововведений, связанных с принятием поправок о несостоятельности граждан в 2015 году, в статье 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) вновь появилась возможность вводить процедуры банкротства в отношении умерших лиц. Регулирование такого вида несостоятельности без корректного представления об особенностях наследования невозможно, так как судьба и объём несостоятельного наследства, правовой статус кредиторов и наследников, формы реализации прав субъектов, участвующих в наследственном правоотношении, для проведения надлежащей процедуры крайне важны". Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Специализированного исследования, покрывающего собой все аспекты банкротства в случае смерти гражданина, в отечественной доктрине нет. Существуют лишь отдельные работы, освещающие взгляд исследователей на общую картину данной процедуры [20][21][22][23]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Соответственно, Верховный Суд, вероятно, сузил объём данной нормы до чисто процессуального понимания статуса наследников в процедуре несостоятельности умершего, временно решив проблему чрезмерной ответственности правопреемников, имеющуюся в несогласованном нормативном материале. Почему временно? Дело в том, что такая категория частного права как «должник» в полной мере не описывает всю сложность ситуации, включающей в себя, не только постмортальное регулирование обязательств, но и отношения по приобретению права собственности, исключительных прав, возможности защиты отдельных неимущественных благ наследодателя наследниками. Поэтому нетрудно предположить, что через процедуру банкротства, вводящуюся в случае смерти гражданина, законодатель отдает предпочтение интересам кредиторов над интересами наследников и по обозначенным вопросам. Данное понимание кажется в корне неправильным для процедуры банкротства, в котором реализуется лишь

перешедшее к наследникам имущество, а личность наследодателя не подпадает под контроль верителей. За это боролись дореволюционные цивилисты, в том числе Григорий Федорович Дормидонтов, считавший, что «...Наследство существует для наследника, а не наследник для наследства» [18, с. 1-20]. В основе принципа ограничения ответственности при приобретении унаследованного имущества лежат именно эти слова. Таким образом, вывод о том, что действующее законодательство о несостоятельности гражданина в случае его смерти во главу угла всё же ставит отношение наследования, видится обоснованным"; "При сопоставлении российского и немецкого права основным отличием упомянутой процедуры выступает как раз ответственность наследников по долгам наследодателя. В статье 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплён принцип абсолютной ограниченной ответственности наследника по российскому праву, которая исчерпывается стоимостью наследства. Соответственно, наследник до введения процедуры обладает двумя не смешивающимися имущественными массами – личной и наследственной. В отношении последней у наследника по российскому праву существует обязанность по ее ликвидации посредством расчетов с кредиторами [26, с. 291], схожая с обязанностью личного представителя в Англии. Значит, неадаптированное применение регулирования, закрепляющего сепарацию масс не с момента вступления в наследство, а с момента введения конкурсных процедур, потребовало бы пересмотра ответственности наследников, что вряд ли может считаться подходящим предложением для отечественного правопорядка»; "В этой связи с точки зрения современного отечественного частного права правильнее видеть главной целью банкротства в случае смерти гражданина справедливое распределение наследства между наследниками, как универсальными правопреемниками, и кредиторами наследодателя. Именно такой взгляд позволяет указать, что фигура наследника, осуществляющего права в отношении имущества умершего, имманентно присуща самой процедуре"; "Самый главный вывод в отношении изложенного выше состоит в том, что определение надлежащего субъекта, который признаётся несостоятельным в банкротстве гражданина в случае его смерти, не завязано на самой процедуре, на сегодняшний день не учитывающей весь объём перешедшего к наследнику имущественного комплекса. Суть его статуса в банкротстве состоит в отправлении интересов должника, коим он и вне процедуры является. Соответственно, финансовый управляющий сможет с учетом позиции наследника, и оспаривать сделки наследодателя с третьими лицами по конкурсным основаниям, и осуществлять реализацию унаследованного имущества с учётом интересов конкретного лица, и обжаловать судебные акты в экстраординарном порядке от имени правопреемника, а сам наследник впоследствии освободится от долгов наследодателя. Соответственно, о сепаратном конкурсе при наличии личной и наследственной массы в обладании наследника говорить не приходится, что отмечалось ещё в дореволюционной литературе [26, с. 296, 297]. Сам факт ограничения ответственности наследника по закону свидетельствует о «как бы» конкурсном характере наследственного преемства, и дополнительная сепарация становится излишней" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует роль наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков

формального характера.

Так, автор пишет: "Сказать, что на протяжении обозначенного периода времени отечественная академическая наука оставила такое социально значимое явление как наследование без внимания, нельзя [4, с. 5-8], хотя в силу исторических обстоятельств отдельные вопросы исчезали из поля зрения науки" - "Сказать, что на протяжении обозначенного периода времени отечественная академическая наука оставила такое социально значимое явление, как наследование, без внимания, нельзя [4, с. 5-8], хотя в силу исторических обстоятельств отдельные вопросы исчезали из поля зрения науки" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Подобное построение нормы свидетельствует о том, что законодатель при конструировании специального регулирования придерживался немецкой модели наследования" - "регулирования" (опечатка).

Автор указывает: "основе принципа ограничения ответственности при приобретении унаследованного имущества лежат именно эти слова" - "имущества" (опечатка).

Ученый пишет: "Далее, автор, определяя надлежащего должника для российской процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина, применяет юридическая фикция для того, чтобы поставить наследника на место наследодателя [20, с. 272]" - "Далее автор, определяя надлежащего должника для российской процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина, применяет юридическую фикцию для того, чтобы поставить наследника на место наследодателя [20, с. 272]" (см. на опечатку и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Инициалы ученого в тексте статьи ставятся перед его фамилией (см.: "Шишмарева Т. П.").

Библиография исследования представлена 30 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, нормативными материалами), в том числе на английском и немецком языках. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Т. П. Шишмарева), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Определение статуса наследника как полноценного универсального правопреемника, но с признанием его в банкротстве наследства в качестве фиктивного должника противоречит пониманию обязательства как долга и ответственности в российском праве, а также не учитывает принцип ограниченной ответственности наследника по долгам наследодателя. 2. В настоящей статье предложено качественно новое понимание статуса наследников в процедуре банкротства гражданина в случае его смерти. Отправным пунктом для определения их положения является обозначение в качестве цели процедуры банкротства гражданина в случае его смерти по российскому праву наиболее справедливого распределения наследственной массы между наследниками и кредиторами наследодателя.

3. Кроме того, сделан вывод о сосуществовании *ipso iure* в обладании наследника после принятия наследства двух имущественных масс: личной и наследственной. В отношении каждой из них наследник является полноценным обладателем прав и носителем обязанностей, причём в отношении наследства на него возлагается «ликвидационная» обязанность в виде погашения долгов наследодателя для устранения обособленности

имуществ. 4. Основанием для такого разделения имущественной сферы является закреплённый в законодательстве принцип ограниченной ответственности наследника по долгам наследодателя в размере стоимости наследства. Соответственно, несостоятельность гражданина в случае его смерти не влечёт дополнительной сепарации с имуществом наследника. 5. Имущественная обособленность двух масс предотвращает автоматическую конфузию взаимных обязательств наследника и наследодателя"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, наследственного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «О роли наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти: подход современного российского частного права» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере наследования. Особое внимание автор уделяет роли наследников в процедурах несостоятельности (банкротства) умершего.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Тема статьи является актуальной. Автор правильно отмечает, что реализация и применение юридически обеспеченной возможности введения процедур банкротства в отношении умершего гражданина имеет определенные сложности, связанные с вопросами наследования. К сожалению, действующее законодательство о банкротстве не лишено коллизий и пробелов, что обуславливает проблемы правоприменения и обосновывает необходимость дальнейших доктринальных разработок по данной проблематике.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в самой статье не сформулированы положения, которые бы указывали на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость. Большая часть статьи носит описательный характер. Автор не только не обосновывает собственную позицию по заявленной им тематике, но и в принципе ее не формулирует. На взгляд рецензента, тема не раскрыта. Материал не имеет элементов научной новизны. Автору следует обозначить свою позицию по заявленной проблеме и показать, в чем заключается его вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию шире, чем ее название, поскольку автор обращается к истории вопроса и к зарубежному опыту, хотя заявлено «подход современного российского частного права». Кроме того, название статьи нуждается в корректировке, поскольку оно не только слишком длинное, но и содержит избыточную информацию: если речь идет о наследниках, то становится понятно, что имел место факт смерти гражданина. Тема не раскрыта, несмотря на то, что автором соблюдены

требования к объему материала. Теоретические положения не проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики. Вместе с тем нельзя не признать, что статья написана научным стилем, использована специальная терминология, в том числе, и юридическая. Но некоторые выводы автора вызывают, мягко говоря, недоумение: например, «термины «наследственная масса» и «умерший гражданин» не являются синонимами». Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи формально присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение), к которым имеются замечания. Введение не отвечает требованиям, которые предъявляются к этой части научной статьи. Во введении следовало бы обосновать актуальность темы, определить предмет и методологию исследования. В основной части статьи автор приводит мнения других специалистов, но при этом не аргументирует собственную позицию. В заключении кратко представлены выводы, совершенно не отличающиеся научной новизной, которые нельзя считать результатами исследования: автор констатирует уже известные доктрине положения. Содержание статьи нуждается в существенной доработке.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет, ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа. Однако большую часть источников составляют диссертации и авторефераты диссертаций.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения корректные, оформлены ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «О роли наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти: подход современного российского частного права» рекомендована к доработке. Тема является актуальной, но статья не отличается научной новизной и не имеет практической значимости. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, а именно, наследственного права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина»

Предметом исследования в статье выступают правоотношения, возникающие в процессе банкротства наследственной массы при введении процедуры банкротства после смерти должника.

В процессе исследования автором применены формально-юридический и сравнительный методы.

Работа представляется актуальной, поскольку изменения в Закон о банкротстве в исследуемой части внесены в 2015 году и до настоящего времени происходит формирование и выработка основных применяемых правовых и научных позиций. К примеру, на уровне Верховного Суда РФ разъяснения по отдельным вопросам даны только в 2025 году. При этом автором правильно подмечены недостатки правового регулирования, возникшие вследствие конкуренции норм о наследовании и норм о

банкротстве умершего должника, проведены параллели относительно установленных законодателем ограничений при наследовании, которые должны быть применены вне зависимости от возбуждения процедуры банкротства, а также тех иммунитетов, которые предусмотрены в процедурах банкротства и также могут применяться универсальными правопреемниками умершего должника – его наследниками, вне зависимости от наличия или отсутствия у них собственного имущества. Сам по себе факт возбуждения дела о банкротстве в отношении имущества умершего должника не должен влиять на распределение рисков его кредиторов в сравнении с тем, если бы должник был жив к моменту возбуждения в отношении него дела о банкротстве. Однако действующее законодательство, а именно положения статьи 223.1 Закона о банкротстве в настоящее время устанавливают иное правовое регулирование, устанавливая зависимость между включением жилого помещения в конкурсную массу и наличием у наследника (а не у наследодателя, которого наследник фактически замещает в процедуре банкротства) иного пригодного для проживания жилого помещения. Таким образом, в настоящее время законодатель фактически создал преференцию для кредиторов должника, которые поставлены в лучшее положение в сравнении с тем, в каком они могли бы находиться при жизни самого должника, для которого жилое помещение, составляющее наследственную и банкротную массу, могло быть единственным. Важным представляется также вопрос о возможности оспаривания отказа от наследства в деле о банкротстве, появившейся именно вследствие введения в действующее законодательство положений о банкротстве умершего должника как реализации права кредиторов на оспаривание сделок в отношении имущества, входящего в банкротную массу, в деле о банкротстве.

Научная новизна рецензируемой статьи состоит в исследовании новых правовых позиций Верховного Суда РФ, сформированных в 2025 году, а также в сравнении применяемых в российской правовой практике моделей наследования и целей регулирования несостоятельности умершего гражданина с зарубежными. В статье представлено авторское мнение по исследуемым вопросам.

Стиль работы соответствует требованиям к изложению научных работ, статья имеет внутреннюю структуру, обеспечивающую выделение основных исследуемых вопросов, содержание статьи соответствует заявленному названию, а также предмету проводимого юридического исследования.

Библиографический список представляется достаточным, включает в себя российские и зарубежные источники, что объясняется целями исследования и применёнными автором методами.

Оппонирующие точки зрения в статье не приведены, что не снижает научной ценности, поскольку область правового интереса автора находится в правоприменительной сфере и анализе уже сформированных в судебной практике правовых позиций, а также тех вопросов, которые представляются актуальными.

По результатам проведенного исследования автором сформулированы выводы, соответствующие предмету исследования, которые представляются новыми и могут быть учтены законодателем и правоприменителем в процессе нормативного регулирования общественных отношений. Статья представляет интерес для читательской аудитории, поскольку на доступном уровне содержит разъяснения по отдельным проблемным вопросам, возникающим в правоприменительной практике.

Статья рекомендуется к публикации.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поеров С.В. Оспаривание в процедурах банкротства как правовое средство защиты кредиторов: необходимо ли совершенствование? // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75822 EDN: WPUVTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75822

Оспаривание в процедурах банкротства как правовое средство защиты кредиторов: необходимо ли совершенствование?

Поеров Сергей Валерьевич

ORCID: 0009-0000-4958-296X

аспирант; кафедра предпринимательского и корпоративного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

123242, Россия, г. Москва, Пресненский р-н, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 1

✉ poerov@buroresheniy.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75822

EDN:

WPUVTA

Дата направления статьи в редакцию:

09-09-2025

Дата публикации:

28-09-2025

Аннотация: В статье исследуется одно из главных правовых средств защиты кредитора в процедурах банкротства – оспаривание. Целью работы является формирование возможных путей и направлений совершенствования оспаривания, как правового средства защиты кредиторов, через такие аспекты, как модернизация критериев оспоримости сделок и действий должника в периоды подозрительности. Внимание уделяется анализу проблемных моментов толкования норм законодательства об оспаривании и их правоприменения. Отмечаются основные сложности, возникающие в процессе реализации защиты прав кредиторов в делах о банкротстве. Задачами исследования являются: обоснование необходимости совершенствования оспаривания, в частности, через предложенные основные направления такого совершенствования;

привнесение инновационных идей о внедрении методик проверки реальности сделок и контрагентов, применяемых в налоговых спорах, в обособленные споры в делах о банкротстве при реализации цели защиты кредиторов через оспаривание; алгоритмизация прогнозирования оспоримости сделок в делах о банкротстве до реализации права на оспаривание в суде. Методологической основой послужили как общенаучные методы познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, диалектический метод, так и специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Автор делает вывод об актуальности совершенствования правового средства оспаривания путем разработки и внедрения в практическую деятельность: дополнительных критериев предварительной оценки сделки на оспоримость; прогнозирования результатов оспаривания до инициации спора в суде; применения алгоритмов ИИ для сбора и анализа информации об оспариваемой сделке и контрагенте из открытых реестров и источников; расширения субъектного состава кредиторов, применяющих оспаривание; нормативного закрепления изменений в законодательство о банкротстве. По мнению автора, предложенные новации, связанные с имплементацией критериев из налоговых споров, будут способствовать выводу оспаривания как правового средства защиты интересов кредиторов на качественно новый уровень. При этом они обеспечат достижение целого ряда положительных эффектов: снижения судебных издержек, повышения прозрачности процедуры оспаривания, процессуальной экономии за счет уменьшения времени рассмотрения судом обособленных споров, а также уменьшения нагрузки на судебную систему благодаря снижению количества неординарных процессов по оспариванию в делах о банкротстве. Кроме того, предложенные направления совершенствования могут служить отправной точкой для новых исследовательских изысканий.

Ключевые слова:

банкротство, несостоятельность, оспаривание сделок, правовая модель, совершенствование законодательства, оспоримость сделок, неплатежеспособность должника, правовые последствия оспаривания, недействительность сделок, правовое регулирование

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступившими в силу 01.09.2025))//Собрание законодательства РФ №43 от 28.10.2002 г) считается самым динамичным в российской системе законодательных актов. Статистика, основанная на данных справочно-правовых систем показывает, что с 2009 по 2025 год было принято 86 федеральных законов о внесении изменений в ФЗ №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а количество внесенных изменений измеряется тысячами.

При этом внесение изменений в 2009 году в Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)», путем дополнения его совершенно новой Главой III.1 «Оспаривание сделок» (Федеральный закон от 28.04.2009 N 73-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ №18 от 04.05.2009 (Части I-III)), оценивалось научным и профессиональным сообществом крайне положительно и заслуженно признается одной из самых значимых и успешных законодательных инициатив, реализованных в российском банкротном праве [\[9, с. 145\]](#), поскольку новые нормы материального права решили вопросы многочисленных коллизий и пробелов, адаптации общегражданских

институтов для процедур несостоятельности, приведя к систематизации и унификации. Также были сформулированы и саккумулированы критерии оснований для оспаривания. Кратно было повышено процессуальное удобство применения норм об оспаривании для всех участников обособленных споров в процедурах банкротства: судов, арбитражных управляющих, кредиторов. Внесенные изменения позволили говорить о соответствии норм российского законодательства об оспаривании сделок в процедурах несостоятельности (банкротства) мировому опыту (США - Title 11 Chapter 5 United State Code; Германии Insolvenzordnung – InsO (Insolvency Code) Part 3 Division 3 Contest of debtor's transactions in insolvency proceedings), и все это закономерно позволило выйти на качественно новый уровень защиты прав кредиторов несостоятельных должников.

На основе анализа вышеуказанных положений законодательства и работ в области несостоятельности (банкротства) мы можем говорить об очевидно важном месте основного правового средства защиты кредиторов – процесса оспаривания. Например, Г.Ф. Шершеневич – один из лучших специалистов своего времени в области несостоятельности (банкротства) – исследуя, в том числе оспаривание сделок должника, признанного несостоятельным, приходил к выводу, что сокрытие имущества должником от кредиторов, а также исполнение обязательств перед наиболее «настойчивыми кредиторами» причиняет вред правам всех кредиторов, а оспаривание таких сделок имеет экономический смысл, поскольку направлено на возврат имущества должника [\[15, с. 337\]](#). Наш современник О.В. Сушкова, высказывая свою позицию относительно оспаривания сделок, указывая на то, что оспаривание – один из способов увеличения имущества (конкурсной массы) несостоятельного контрагента, делает вывод, что, в свою очередь, восполнение конкурсной массы – видится основной задачей процедуры банкротства, поскольку позволяет как вернуть имущество, так и уменьшить обязательства должника [\[10, с. 117, 120\]](#).

Методологией настоящего исследования является комплекс общенаучных (анализ, синтез, аналогия, системный подход) и частнонаучных методов познания. Основным методом выступил догматический анализ норм права, который был дополнен статистическим и формально-юридическим анализом судебной практики. В качестве нормативной базы исследования выступили положения Главы III.1 «Оспаривание сделок» Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступившими в силу 01.09.2025), а также разъяснения содержащиеся в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 N 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (в актуальной редакции). Эмпирическую базу исследования составила судебная практика арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций в период 2009-2010 гг., репрезентативная выборка которой производилась в электронной базе «Картотека арбитражных судов» по ключевым словам и с использованием баз данных судебных актов включенных в справочно-правовую систему «КонсультантПлюс». Для целей применения статистического метода, использовался метод выборки определенных документов (Постановлений Пленумов ВАС РФ и ВС РФ), который осуществлялся путем сбора информации на сайте Верховного суда РФ (<http://www.vsrif.ru/>) в разделе «документы» и «архив».

О наличии предметной области для дальнейших дискуссий об оспаривании как правовом средстве защиты бесспорно свидетельствует тот факт, что только в 2009 году Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) принял пять Постановлений по вопросам связанным с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований

залогодержателя при банкротстве залогодателя", Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 №296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве», Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 №91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве».

Анализируя позиции следующих авторов: В.В. Витрянского, А.В. Егорова, О.Р. Зайцева, Д.Е. Суворова, [\[6, с. 3, 21, 66, 224, 225\]](#) - сформулированные в начальный период после внесения в законодательство о банкротстве Главы III.1 (2009-2010 г.), мы можем говорить о поиске и установлении баланса между эффективностью новых норм (инструменты возврата активов недобросовестного должника) и их справедливостью по отношению к правам добросовестных участников гражданского оборота, между жесткостью норм об оспаривании (императивностью) и свободой как основным принципом предпринимательской деятельности (диспозитивностью). Споры в среде исследователей-практиков (В.В. Бациев, Д.В. Новак, С.В. Сарбаш и др.) велись в отношении конкретных норм, содержащих составы для оспаривания, впервые четко закрепленные в законодательстве, по следующим направлениям: каковы критерии обычности хозяйственных операций, при отграничении их от сделок с предпочтением? как доказать, что другая сторона сделки знала о неплатежеспособности должника? как соотносится с принципом состязательности судебного процесса, смещение бремени доказывания на контрагента должника при оспаривании сделки в банкротстве? слишком короткие специальные сроки на оспаривание не станут ли формальным препятствием для отказа в защите прав кредиторов? Все вышеперечисленные исследователи, поднимая вопросы оспаривания в рамках введенных законодательством новелл, однозначно приходили к выводу о необходимости активных доктринальных исследований в совокупности с разъяснениями высшими судебными инстанциями особенностей правоприменения на данном начальном этапе законодательных нововведений.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что эти спорные моменты - неопределенность формулировок, широкое усмотрение судов, распределение бремени доказывания, сроки исковой давности, злоупотребления арбитражных управляющих, сложность, а порой и невозможность применения к сложным, многоступенчатым сделкам и т.д. и т.п. - стали порождать противоречивую правоприменительную практику и необходимость разъяснений введенных норм об оспаривании Главы III.1 высшими судами (сначала Высшим Арбитражным судом РФ, а затем Верховным Судом РФ).

Распространенной проблематикой относительно применения новых норм Главы III.1 в спорах в делах о банкротстве являлись: оспаривание сделок совершенных до вступления в силу новых норм об оспаривании, по вновь введенным основаниям (Определение Арбитражного суда Брянской области от 18.08.2009 по делу А09-5169/2009); оспаривание сделок совершенных в обычной хозяйственной деятельности, когда сумма сделки не превышает 1% активов должника по основаниям оказания предпочтения (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2010 №09АП-21821/2010-ГК по делу А40-21675/2010-70-80, Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.11.2010 по делу А79-3635/2009); различие в понимании и доказывании критерия неравноценности (занижения) цены сделки (Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2010 г по делу А41-8274/2010);

неисполнение обязательства по оплате по сделке -ДДУ не признавалось основанием для признания ее недействительной вследствие причинения вреда кредиторам (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27.12.2010 по делу А24-10592/2009) и т.д.

Используя статистический метод исследования данных, полученных из архива, размещенного на официальном сайте Верховного суда РФ, и анализ принятых постановлений за период с 2009 по 2014 год Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ, мы установили следующее: общее количество принятых постановлений составляет 46, из которых 5 постановлений, являясь актами нормативного толкования правовых норм, были полностью посвящены вопросам банкротства (Постановления Пленума ВАС РФ №59 от 23.07.2009, №60 от 23.07.2009, №63 от 23.12.2010, №35 от 22.06.2012, №21 от 08.04.2014), еще 7 постановлений затрагивали те или иные вопросы связанные с несостоятельностью.

Интересным выглядит то обстоятельство, что уже спустя 1 год после введения в закон о банкротстве Главы III.1, содержащей нормы об оспаривании, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ 23.12.2010 года принимает Постановление N 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", где в преамбуле указывает на основание и цель данных разъяснений, а именно: «в связи с возникающими в судебной практике вопросами в целях правильного и единообразного применения...». Высший Арбитражный Суд РФ разъясняет множество вопросов практического применения новых норм оспаривания, такие, например, как:

-что именно может оспариваться как сделка в банкротстве (не только сделка, но и действия);

-установленные специальные основания недействительности влекут оспоримость, а не ничтожность сделок должника, отграничивая тем самым общие основания оспаривания, предусмотренные гражданским законодательством;

-раскрывает содержательно-практическую часть таких понятий, как «причинение имущественного вреда», «цель причинения вреда», «осведомленность стороны сделки о цели причинения вреда» и т.д.;

-подтверждает возможность опровержения введенных законодателем презумпций добросовестным контрагентом;

-разъясняет соотношения оснований оспаривания сделок (сравнивает основания для оспаривания в связи с неравноценностью сделки и с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов) и т.д.

Данный факт позволяет с высокой долей вероятности утверждать о системных сложностях, возникших в правоприменительной практике при рассмотрении обособленных споров с учетом новых норм законодательства об оспаривании в банкротстве.

При этом вышеназванное Постановление Пленума ВАС РФ №63 от 23.10.2010 года неоднократно актуализировалось как самим Высшим Арбитражным Судом РФ (Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 36, от 02.07.2013 N 56, от 30.07.2013 N 59), так и после его упразднения Верховным Судом РФ (Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.11.2024 N 32, от 17.12.2024 N 40), что также показывает

работу по актуализации правоприменения и решения вновь возникающих неопределенностей в использовании правового средства оспаривания в процедурах банкротства.

Согласно анализа информации, размещенной на сайте Верховного суда РФ в сети интернет (<http://www.vsrfr.ru/documents/plenary/>), с 2014 по 2025 год опубликовано 53 Обзора судебной практики, утвержденных Президиумом ВС РФ и 9 Постановлений Пленумов ВС РФ, в которых так или иначе затрагиваются и рассматриваются вопросы по делам о банкротстве.

Выводы о различиях в правоприменении норм, регулирующих отношения несостоятельности в общем, и конкретно норм, регулирующих оспаривание, закрепленных в Главе III.1 Федеральном законе №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», можно подтвердить и путем эмпирического анализа релевантной судебной практики Верховного Суда РФ (Судебной коллегии по экономическим спорам). За 2022-2024 годы было вынесено 338 Определений по делам о банкротстве, 91 из которых по вопросам процедур оспаривания, что составляет 26,9 % от общего числа вынесенных судебных актов по делам о банкротстве. Судебные акты Верховного Суда РФ затрагивают такие вопросы как: определение неравноценности при оспаривании (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.05.2024 N 305-ЭС17-21643(3) по делу N А40-120633/2014); исчисление сроков исковой давности при последовательном оспаривании (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 N 306-ЭС19-10346(10) по делу N А65-25939/2017); отсутствие пороков, влекущих недействительность по специальным нормам у убыточной сделки, без негативных последствий для кредиторов, не может влечь ее недействительность (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2024 N 309-ЭС22-22881(2) по делу N А47-12729/2017), и множества других как процессуальных, так и материальных вопросов применения правового средства оспаривание сделок.

Дискуссии, практика рассмотрения арбитражными судами правовых споров, связанных с применением различных оснований для оспаривания, анализ полученного опыта правоприменения, формирование новых дополнительных критериев оспаривания, учет современных реалий в виде широкого применения алгоритмов искусственного интеллекта, появление новых объектов экономических интересов (цифровой рубль, криптовалюта) и способов взаимодействия – блокчейн-технологии, смарт-контракты, необходимость сохранения общей прокредиторской направленности развития российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) и т.д. - показывает выраженную необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования кредиторского оспаривания сделок, совершенных должником в период подозрительности и в рамках действия общего срока исковой давности, а также сделок с предпочтением с позиции реализации норм законодательства о банкротстве, которые устанавливают специальные основания признания сделок должника недействительными.

В отечественной литературе по проблематике темы это рассматривается в качестве насущной задачи [\[5, с. 173\]](#), поскольку прямо отражает многообразие возникающих новых форм экономического взаимодействия участников финансово-хозяйственных отношений.

Следует признать верным предположение о том, что интерес кредитора в деле о банкротстве его должника, подлежащий защите правовыми средствами, в том числе путем оспаривания сделок – это ожидание, имеющее законные основания, получить максимально возможное исполнение по обязательству от должника в разумные сроки, то есть применительно к терминологии законодательства о банкротстве – это

удовлетворение требования кредитора, выраженное по большей части в стоимостном выражении, то есть в конкретной сумме денежных средств, обязательство по оплате которой кредитору было не исполнено. Для этих целей в банкротстве аккумулируется имущество должника, которое в силу легального определения, данного в ст. 131 ФЗ 127-ФЗ – составляет его конкурсную массу. Именно это имущество и направляется на расчеты с кредиторами. При этом в легальном определении используется в отношении имущества два критерия: «имеющееся» и «выявленное». Нам видится, что данное положение законодательства прямо коррелирует с таким правовым средством защиты кредиторов, как оспаривание сделок и действий должника, поскольку позволяет находить и, самое главное, возвращать имущество, что, в свою очередь, влечет возможность наиболее полного исполнения обязательств перед кредитором.

Таким образом, можно констатировать факт, что в существующей системе правовой защиты интересов кредитора ключевым, хотя и не единственным средством, рассматривается право на оспаривание сделок должника. При этом такой институт защиты прав кредитора, как привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, в последние несколько лет благодаря своему активному развитию и практике его применения также стал играть важную роль в правовой защите кредиторов в делах о несостоятельности, что подтверждается разработкой и принятием Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

Полагаем, что наличие в Главе III.1 Закона "О несостоятельности (банкротстве)" норм, регулирующих оспаривание преференциальных и фраздаторных сделок на настоящем этапе, является обоснованным и достаточным, поскольку отражают основные идеи защиты прав кредиторов, заложенные законодателем и существующие во многих правовых системах.

Сложности правоприменителя и конкретных субъектов процесса оспаривания, участников дел о банкротстве, заключаются в размытости формулировок, использованных законодателем, множестве терминов, имеющих широкую дискрецию при понимании и толковании, отсутствие структурированного подхода в широком судебном усмотрении при применении норм законодательства о банкротстве, регулирующих оспаривание, полное отсутствие анализа сделок на оспоримость и прогнозирование результатов использования такого правового средства защиты для участников дела, то есть возможности получения отрицательного экономического эффекта для конкурсной массы. При том учитывая тот факт, что суду законодатель в ст. 61.7 ФЗ №127-ФЗ, предоставляет право отказывать в оспаривании сделок при наличии всех установленных судом оснований, как по специальным – банкротным, так и по общим нормам права, если отсутствует экономический смысл в установлении факта недействительности. Мы обнаруживаем практику правоприменителя, когда суды используют данный механизм, даже при установлении пороков сделки по ст. 61.2, ст. 61.3 ФЗ №127-ФЗ. Так Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 11.02.2025 года №18АП-13183/2024 по делу А34-3879/2023 изменил решение нижестоящего суда о признании сделок по перечислению денежных средств недействительными, отказав частично конкурсному управляющему и указав, что возврат займов аффилированному лицу подпадает по признаки подозрительной сделки, предусмотренные п. 2 ст.61.2 Закона о банкротстве, при этом займы использовались должником исключительно на текущую (хозяйственную) деятельность, а также на удовлетворение требований кредиторов, в связи с чем в порядке ст. 167 ГК РФ и ст. 61.7 Закона о банкротстве необходимо установить какая именно сумма получена ответчиком необоснованно, и

делает вывод, что раз часть платежей в пользу ответчика, была в последующем им компенсирована (путем выдачи беспроцентных займов должнику), то в качестве последствий недействительности сделок (платежей) на ответчика следует относить только сумму необоснованного удовлетворения в связи с отсутствием экономического обоснования взыскания всей суммы. (Аналогичные подходы содержатся, например, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 12.12.2024 №Ф09-5737/2021 по делу А76-15892/2020, Определении ВС РФ от 07.06.2024 №305-ЭС20-2011(5) по делу А40-304889/2019).

Выводы о различиях в правоприменении норм регулирующих отношения несостоятельности в общем, и конкретно норм регулирующих оспаривание, закрепленных в Главе III.1 Федеральном законе №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», можно подтвердить и путем эмпирического анализа релевантной судебной практики Верховного Суда РФ (Судебной коллегии по экономическим спорам). За 2022-2024 годы было вынесено 338 Определений по делам о банкротстве, 91-о из которых по вопросам процедур оспаривания, что составляет 26,9 % от общего числа вынесенных судебных актов по делам о банкротстве. Судебные акты Верховного Суда РФ затрагивают такие вопросы как: определение неравноценности при оспаривании (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.05.2024 N 305-ЭС17-21643(3) по делу N А40-120633/2014); исчисление сроков исковой давности при последовательном оспаривании (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 N 306-ЭС19-10346(10) по делу N А65-25939/2017); отсутствие пороков влекущих недействительность по специальным нормам у убыточной сделки, без негативных последствий для кредиторов, не может влечь ее недействительность (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2024 N 309-ЭС22-22881(2) по делу N А47-12729/2017) и множества других как процессуальных так и материальных вопросов применения правового средства оспаривание сделок.

Дискуссии, практика рассмотрения арбитражными судами правовых споров, связанных с применением различных оснований для оспаривания, анализ полученного опыта правоприменения, формирование новых дополнительных критериев оспаривания, учет современных реалий в виде широкого применения алгоритмов искусственного интеллекта, появление новых объектов экономических интересов (цифровой рубль, криптовалюта) и способов взаимодействия – блокчейн-технологии, смарт-контракты, необходимость сохранения общей прокредиторской направленности развития российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) и т.д. - показывает выраженную необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования кредиторского оспаривания сделок, совершенных должником в период подозрительности и в рамках действия общего срока исковой давности, а также сделок с предпочтением с позиции реализации норм законодательства о банкротстве, которые устанавливают специальные основания признания сделок должника недействительными.

В отечественной литературе по проблематике темы это рассматривается в качестве насущной задачи [\[5, с. 173\]](#), поскольку прямо отражает многообразие возникающих новых форм экономического взаимодействия участников финансово-хозяйственных отношений.

Следует признать верным предположение о том, что интерес кредитора в деле о банкротстве его должника, подлежащий защите правовыми средствами, в том числе путем оспаривания сделок – это ожидание, имеющее законные основания, получить максимально возможное исполнение по обязательству от должника в разумные сроки, то есть применительно к терминологии законодательства о банкротстве – это

удовлетворение требования кредитора, выраженное по больше части в стоимостном выражении, то есть в конкретной сумме денежных средств, обязательство по оплате которой кредитору было не исполнено. Для этих целей в банкротстве аккумулируется имущество должника, которое в силу легального определения, данного в ст. 131 ФЗ 127-ФЗ – составляет его конкурсную массу. Именно это имущество и направляется на расчеты с кредиторами. При этом в легальном определении используется в отношении имущества два критерия «имеющееся» и «выявленное». Нам видится, что данное положение законодательства прямо коррелирует с таким правовым средством защиты кредиторов, как оспаривание сделок и действий должника, поскольку позволяет находить и самое главное возвращать имущество, что, в свою очередь, влечет возможность наиболее полного исполнения обязательств перед кредитором.

Таким образом, можно констатировать факт, что в существующей системе правовой защиты интересов кредитора, ключевым, хотя и не единственным средством – рассматривается право на оспаривание сделок должника. При этом такой институт защиты прав кредитора – как привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в последние несколько лет, благодаря своему активному развитию и практике его применения также стал играть важную роль в правовой защите кредиторов в делах о несостоятельности, что подтверждается разработкой и принятием Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017№53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

Полагаем, что наличие в Главе III.1 Закона "О несостоятельности (банкротстве)" норм, регулирующих оспаривание преференциальных и фраздаторных сделок на настоящем этапе - является обоснованным и достаточным, поскольку отражают основные идеи защиты прав кредиторов, заложенные законодателем и существующие во многих правовых системах.

Сложности правоприменителя и конкретных субъектов процесса оспаривания, участников дел о банкротстве, заключаются в размытости формулировок использованных законодателем, множестве терминов имеющих широкую дискрецию при понимании и толковании, отсутствие структурированного подхода в широком судебном усмотрении при применении норм законодательства о банкротстве, регулирующих оспаривание, полное отсутствие анализа сделок на оспоримость и прогнозирование результатов использования такого правового средства защиты для участников дела, то есть возможность получения отрицательного экономического эффекта для конкурсной массы. При том учитывая тот факт, что суду, законодатель в ст. 61.7 ФЗ №127-ФЗ, предоставляет право отказывать в оспаривании сделок, при наличии всех установленных судом оснований, как по специальным - банкротным так и по общим нормам права, если отсутствует экономический смысл в установлении факта недействительности. Мы обнаруживаем практику правоприменителя, когда суды используют данный механизм, даже при установлении пороков сделки по ст. 61.2, ст. 61.3 ФЗ №127-ФЗ, так Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 11.02.2025 года№18АП-13183/2024 по делу А34-3879/2023 изменил решение нижестоящего суда о признании сделок по перечислению денежных средств недействительными, отказав частично конкурсному управляющему и указал, что возврат займов аффилированному лицу подпадает по признаки подозрительной сделки, предусмотренные п. 2 ст.61.2 Закона о банкротстве, при этом займы использовались должником исключительно на текущую (хозяйственную) деятельность а также на удовлетворение требований кредиторов, в связи с чем в порядке ст. 167 ГК РФ и ст. 61.7 Закона о банкротстве необходимо установить какая именно сумма получена ответчиком

необоснованно, и делает вывод, что раз часть платежей в пользу ответчика, были в последующем им компенсированы (путем выдачи беспроцентных займов должнику), то в качестве последствий недействительности сделок (платежей) на ответчика следует относить только сумму необоснованного удовлетворения, в связи с отсутствием экономического обоснования взыскания всей суммы. (Аналогичные подходы содержатся например в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 12.12.2024 №Ф09-5737/2021 по делу А76-15892/2020, Определении ВС РФ от 07.06.2024 №305-ЭС20-2011(5) по делу А40-304889/2019).

Вышеизложенное, позволяет сделать вывод, что к основным направлениям совершенствования оспаривания как правового средства защиты кредиторов в процедурах банкротства, применяемого в отношениях, связанных с оспариванием сделок должника в рамках несостоятельности (банкротства), в настоящее время можно, по нашему мнению, отнести:

- 1) упрощение процесса взаимодействия сторон, арбитражного управляющего, суда, вовлеченных в оспаривание;
- 2) унификацию этапов и процедур, составляющих процесс оспаривания;
- 3) повышение уровня эффективности судебного контроля за действиями лиц, имеющих право на обращение в суд с заявлениями о признании сделок должника недействительными;
- 4) расширение круга лиц, наделенных правом на обращение в суд с заявлением о признании сделок должника недействительными;
- 5) нормативное уточнение вновь появляющихся объектов экономических интересов общества (напр., криптовалюты), отношений (игровые предметы в онлайн играх, аккаунты в соцсетях и т.п.), для целей их введения в правовое поле и возможности защиты;
- 6) выработку дополнительных критериев оценки сделок на оспоримость;
- 7) введение механизмов и алгоритмов прогнозирования оспоримости сделки.

В современных реалиях реализация таких задач совершенствования в указанных направлениях, безусловно, должна сопровождаться, в том числе внедрением современных технологий и систем искусственного интеллекта в эти процессы.

Полагаем, что такие задачи как упрощение взаимодействия, унификация процессов, повышение уровня контроля (то есть п. 1-3 выше), должны и могут быть решены через модернизацию существующей системы используемой арбитражными судами - «Мой Арбитр», путем: а) возможной интеграции данной системы с другими государственными электронными реестрами (реестр залогов, реестр доверенностей, реестр недобросовестных контрагентов, реестр профессиональных участников рынка, реестр СРО, реестры ФНС РФ, реестры сведений о банкротствах, сведения об электронных торгах и т.д. и т.п.); б) подключением к системе «Мой Арбитр» алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ), что позволило бы идентифицированным по квалифицированной электронной подписи (КЭП/УКЭП) участникам дел - пользователям осуществлять взаимодействие не только с судами, но и между собой (как пример: ознакомление с нормативной позицией и доказательствами стороны, экспертными заключениями, оповещение о совершенных действиях); в) использования унифицированных форм ходатайств и заявлений - через создание шаблонов,

заполняемых по интуитивно понятному интерфейсу, путем выбора необходимых, заранее предложенных переменных, которые система «Мой Арбитр» с помощью алгоритмов ИИ будет формировать в считанные секунды, получая полные и достоверные сведения из профиля участника, профиля дела, ранее вынесенных судебных актов, интегрированных реестров, утвержденных Судебным департаментом при ВС РФ форм документов.

Это позволит выйти на качественно новый уровень информационного обмена в рамках совершения процессуальных действий сторонами, значительно сократит сроки рассмотрения споров, позволит вести полный и непрерывный контроль судом за действиями сторон, через такую систему.

Такое направление, как расширение круга лиц, наделенных правом на обращение в суд с заявлением о признании сделок должника недействительными, то есть право инициировать оспаривание (п. 4 выше) - связано с необходимостью внесения изменений в ст. 61.9 Закона о банкротстве.

Действующая редакция ст. 61.9 Закона о банкротстве не предоставляет всем кредиторам без исключения права воспользоваться правовым средством защиты своих интересов в виде оспаривания сделок. Согласно норме, закрепленной в п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве, таким правом обладает кредитор, сумма требований которого равна или превышает 10 % от общей суммы кредиторской задолженности.

Следует полагать, что необходимость доступа кредиторов к правовой защите может быть реализована за счет предоставления такого права группе конкурсных кредиторов, совокупный размер кредиторской задолженности перед которыми, включенной в реестр требований кредиторов превышает 10 %. Такой механизм уже реализован в ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "Об акционерных обществах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)//Собрание законодательства РФ от 1996 г., N 1, ст. 1) для миноритарных акционеров, например, абз. 1 п. 5 ст. 71 содержит формулировку «....акционер (акционеры), владеющие в совокупности не менее чем.....».

Существующий ограничительный критерий (превышение 10 % от общего размера кредиторской задолженности) лишает возможности активно использовать оспаривание большую часть кредиторов, а законодательно закрепленная возможность аккумуляции их требований позволит реализовать такое правовое средство защиты.

Нормативное уточнение представляется как деятельность законодательной власти, связанная с внесением дополнений в действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) следующим образом:

Изложить п. 2 ст. 61.9 ФЗ от 26.10.2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в следующей редакции: *«Заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд наряду с лицами, указанными в пункте 1 настоящей статьи, конкурсным кредитором (кредиторами), или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ними, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.»*

Что касается п. 5 выше, то, как отмечают исследователи, в последнее время некоторые объекты гражданских прав обладают столь ярко выраженной спецификой, что

необходимость учета этой специфики назрела в связи с распространенностью таких объектов. М.Ю. Хорошавин в качестве таких объектов гражданских прав рассматривает криптовалюту и отмечает, что «...Становится очевидно, что действующих норм, направленных на формирование конкурсной массы, оспаривание сделок должника, запрос и истребование сведений об имуществе, недостаточно для эффективного решения задачи по включению криптовалюты в конкурсную массу»^[13, с. 69]. Т.П. Шишмарева справедливо указывает: «Среди активов конкурсной массы, то есть имущества, предназначенного для расчетов с кредиторами, выделяется несколько элементов: вещи, имущественные и цифровые права. В доктрине выделяют такие цифровые активы, как токены и криптовалюты, контенты, Big Data, доменные имена и аккаунты, а также виртуальное игровое имущество (имеющее реальную или потенциальную стоимость)»^[16, с. 39].

Мы придерживаемся идеи, что возникающие в обществе отношения по поводу новых объектов экономических интересов должны включаться в правовое поле через механизмы нормотворчества. Примечательно, что в отношении криптовалют, с их главной идеей децентрализованности, а также нахождении средств хранения (кошельки), обмена (криптовирс) криптовалют за пределами РФ, речь должна идти в том числе и о разработке транснациональных межгосударственных правовых норм и институтов правового регулирования таких объектов.

Такое направление как выработка дополнительных критериев оценки сделок на оспоримость в процедурах банкротства, отраженном выше в п. 6, следует отнести к изучению практики оспаривания в общегражданском смысле и выявить те реперные точки, которые могут иметь значение и быть применены в обособленных спорах по применению оспаривания как правового средства защиты - в процедурах банкротства. По нашему мнению, наиболее интересной с указанной точки зрения, является практика разрешения налоговых споров в сфере доказывания налоговыми органами получения необоснованной налоговой выгоды налогоплательщиками, поскольку:

-основным объектом проверки в налоговых спорах о получении необоснованной налоговой выгоды являются - сделки (операции);

-налоговое законодательство содержит запрет уменьшения налоговой базы в результате искажения сведений о хозяйственной жизни (по сути хозяйственная жизнь и деятельность выражаются в сделках и действиях, которые совершаются участниками таких отношений);

-фискальные органы исследуют цель совершения сделки (операции), а также контрагента по сделке;

-налоговое законодательство (НК РФ) в 2017 году (Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства №30 от 24.07.2017) получило новеллу в виде статьи 54.1 – устанавливающей пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страхового взноса – что в свою очередь ограничивает установленную ГК РФ свободу договора и одновременно по сути вводит презумпцию вины за совершение сделок (операций);

-налоговые споры о получении необоснованной налоговой выгоды, также, как и оспаривание в процедурах банкротства, имеют четко установленный срок глубины проверки – 3 налоговых периода, предшествующих году, в котором начата проверка. С

учетом того, что согласно ст. 55 НК РФ – налоговый период составляет 1 календарный год – мы легко проводим параллель с 3 летним периодом возможности оспаривания сделок в банкротстве, совершенных в целях причинения вреда кредиторам;

-основной целью фискальных органов при анализе сделок, их условий, возможностей контрагентов по исполнению сделок, добросовестности, осмотрительности, стандартов поведения обычного участника хозяйственных отношений – является выявление фактов получения необоснованной налоговой выгоды, то есть по сути установление факта причинения ущерба конкретному кредитору – бюджету Российской Федерации, что прямо коррелирует с положениями законодательства о банкротстве, которые позволяют кредитору оспаривать сделки, совершенные с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2 ФЗ №127-ФЗ) – фраздаторные сделки (*лат. fraudatorius – обманной, мошеннический*).

На основе вышеизложенного полагаем, на данном этапе возможно и необходимо говорить об использовании критериев, которые прошли эволюцию и апробацию в налоговых спорах на протяжении более 10 лет, а именно:

-исполнение обязательства ненадлежащим лицом в ситуации, когда факт исполнения не оспаривается;

-неустановление местонахождения контрагента;

-отсутствие необходимых условий для достижения результата экономической деятельности (персонал, основные средства, производственные активы, склады, транспорт, разрешения, лицензии и т.д.);

-невозможность выполнения обязательств контрагентом по анализу временных рамок, места дислокации ресурсов: имущества и материальных ценностей, трудового коллектива;

-наличие/отсутствие оснований для возложения исполнения обязательства на третье лицо;

-совершение расходных операций, не являющихся обыкновенными для вида деятельности контрагентом, по сравнению с операциями, совершаемыми с должником;

-признаки указывающие на отсутствие ведения реальной экономической деятельности, «техническая компания» (отсутствие квалификации у персонала, сведения в ЕГРЮЛ о массовости руководителя и/или поданном заявлении о недостоверности данных об исполнительном органе контрагента, отсутствие позиционирования/информирования в инфо-пространстве о своей деятельности);

-несоответствие поведения контрагента, его должностных лиц при заключении и исполнении договора стандартам разумного поведения, ожидаемого в аналогичных обстоятельствах (принцип «доброго хозяина»);

-нетипичность документооборота (недочеты, неполнота, ошибки, формальность, неиспользование при наличии типовых условий в отношении конкретного контрагента, заключение прямого договора, при наличии договора-оферты);

-непринятие мер по защите нарушенного права (лояльные условия договоров с конкретным контрагентом в виде отсутствия штрафов, неустоек, пеней,кратно измененные сроки исполнения обязательств с конкретным контрагентом);

- осуществление мер по должной осмотрительности контрагентом по оспариваемой сделке (наличие «досье» контрагента с информацией об обстоятельствах выбора данного контрагента, совершение обычных действий по его проверке до совершения сделки), стандарт осмотрительности;
- исполнение обязательства по сделке собственными силами с составлением фиктивных документов об исполнении третьим лицом;
- отличие предмета сделки от фактически поставленных товаров, работ и услуг (изменение юридической квалификации совершенной сделки, притворность, которая не требует установления действительной цели сторон сделки);
- знание исполнительном органом контрагента и /или должника о невыгодности заключаемой сделки или заведомой неспособности ее исполнения;
- непрофильная сделка (без согласования, без одобрения, в разрез с деятельностью и стратегией компании, неполнота и/или недостоверность документов по конкурсной заявке – если сделка заключалась через торги);
- наличие деловой истории ведения бизнеса (сегмент рынка, публичное позиционирование, реклама, деловая репутация, исполненные сделки, рекомендации);
- существенное завышение или занижение цены сделки;
- отсутствие первичных документов бухгалтерского учета, обусловленных как обычаями делового оборота, так и условиями договора;
- сведения о привлечении к ответственности за совершенные налоговые правонарушения;
- деловая цель сделки, (установление основного мотива совершения сделки, цепочки сделок, на основе принципа: совершил бы контрагент эту сделку на общих условиях);
- групповые сделки, когда исполнение обязательств осуществляется контрагентами, входящими в одну группу, с использованием одних и тех же ресурсов.

Такое направление, как введение механизмов и алгоритмов прогнозирования оспоримости сделок в процедурах банкротства, видится как превентивная комплексная деятельность (возможно вначале на уровне практики судов и разъяснений высшей судебной инстанции) по формированию перечня критериев оценки сделки и/или действия должника, признанного судом банкротом, в разрезе временных рамок установленных ФЗ №127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", объективного и субъективного сроков исковой давности закрепленных в ГК РФ (временная шкала возможности применения оспаривания – как правового средства защиты кредиторов), критериев оспоримости установленных в ст. 61.2, 61.3 ФЗ №127-ФЗ и дополнительно предложенных критериев из практики налоговых споров, детально разработанных и описанных в Письме заместителя руководителя ФНС России Бациева В.В. от 10.03.2021 N БВ-4-7/3060@, (бывший судья ВАС РФ, судебный состав по налоговым спорам), разработке алгоритма типовых последовательных действий по сбору, анализу, проверке информации о совершенных должником с конкретным контрагентом действиях и сделках, систематизация информации из открытых источников сети Интернет - картотек, реестров, электронных ресурсов, аккумулирующих сведения об участниках финансово-хозяйственной деятельности и юридических фактах, подлежащих обязательному опубликованию, с использованием новейших алгоритмов и систем искусственного

интеллекта, использование математической модели подсчета вероятности наступления такого события, как признание сделки (действия) недействительной в результате применения кредитором (кредиторами) оспаривания как правового средства защиты в процедурах несостоятельности. А также санкционировании судом предоставления доступа конкурсному управляющему в процедурах банкротства к сведениям автоматизированных систем, реестров и ресурсов ФНС РФ.

В заключение подчеркнем, что проведенное исследование доказало динамичный и дискуссионный характер оспаривания как правового средства защиты кредиторов в делах о банкротстве, а также подтвердило важность его дальнейшего совершенствования при сохранении ключевой роли на современном этапе.

Практическая значимость результатов исследования состоит в предложении новых для обособленных споров в делах о банкротстве критериев оценки оспоримости сделок. Совершенствование использования данного инструмента направлено на реализацию основной цели законодательства о несостоятельности — установление баланса интересов сторон. Предлагаемые нормативные изменения, такие как расширение круга кредиторов, имеющих право на оспаривание, а также упрощение процесса, унификация его этапов и алгоритмизация действий при повышении роли судебного контроля, призваны снизить нагрузку на судебную систему, сократить сроки рассмотрения споров и минимизировать судебные издержки.

Таким образом, в условиях динамично развивающихся экономических отношений и необходимости повышения стабильности экономической системы государства на основе поддержания баланса его участников совершенствование правового средства защиты прав кредиторов путем оспаривания сделок представляется своевременным и обоснованным. Результаты исследования закладывают основу для дальнейших научных изысканий в данной области.

Библиография

1. Борисова Л.В. О доказывании недобросовестности должника и защите прав и законных интересов кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 8. – С. 38-41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41. EDN: JTLPMI.
2. Давыдов А.А. Особенности порядка оспаривания и последствия признания недействительными сделок, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами-как способ защиты прав конкурсных кредиторов в процедуре банкротства юридического лица // Энигма. – 2022. – № 42. – С. 74-77. EDN: LUUTCY.
3. Левушкин А.Н. Оспаривание взаимосвязанных сделок при банкротстве: классификация и основания // Гражданское право. – 2024. – № 3. – С. 2-5. DOI: 10.18572/2070-2140-2024-3-2-5. EDN: IFOZDA.
4. Левушкин А.Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствования правового регулирования // Гражданское право. – 2025. – № 02. – С. 2-5. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5. EDN: BMXUEJ.
5. Мазур А.С. Совершенствование норм законодательства о банкротстве об оспаривании сомнительных сделок кредитных организаций // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2017. – № 1. – С. 173. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.172-176. EDN: YTPFBZ.
6. Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / Под редакцией В.В. Витрянского. – 2-е

изд. – Москва: Статут, 2010. – 336 с.

7. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практическое пособие. – Москва: Издательство Проспект, 2012. – 432 с. EDN: QSFGDV.

8. Правовые основы несостоятельности (банкротства): учебное пособие для вузов / В. В. Кулаков [и др.]; под общей редакцией В. В. Кулакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 321 с. EDN: TNRHUZ.

9. Суханов Е.А. Процедура банкротства – важный элемент экономико-правовых отношений (Свириденко О.М. Концепция несостоятельности (банкротства) в России: монография) // Журнал российского права. – 2009. – Изд. "Норма" – № 8(152). – С. 143-147.

10. Сушкова О.В. Оспаривание сделок должника при несостоятельности (банкротстве), совершенных с предпочтением // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 5. – С. 111-128. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-5-111-128. EDN: USXSHD.

11. Федотов Д.В. Некоторые проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 11. – С. 36-40. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-11-36-40. EDN: GKYVJV.

12. Хаснутдинов А.И. Оспаривание сделок в процедурах банкротства // Академический юридический журнал. – 2023. – № 3 (93). – С. 348-352. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).348-352. EDN: AJREZD.

13. Хорошавин М.Ю. К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве // Цивилист. – 2024. – № 4. – С. 69. EDN: YGYDTO.

14. Худайназаров М.Г. К вопросу о подозрительности сделок, совершаемых в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки. Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Уфа. – 2023. – С. 226-230. EDN: ATLQNV.

15. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – М., 2003. – Т. 4. – С. 337. EDN: QVOTNV.

16. Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7. – С. 37-43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.037-043. EDN: MVMQWF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Оспаривание в процедурах банкротства как правовое средство защиты кредиторов: необходимо ли совершенствование?».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам оспаривания в процедурах банкротства. Автор анализирует нормы законодательства об оспаривании сделок в процедурах банкротства, раскрываются некоторые проблемы, которые возникают в связи с этим, предлагаются конкретные идеи по совершенствованию законодательства в данной сфере. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, нормы законодательства и мнения учёных. Удивительно, но автор не ссылается на судебную практику, конкретные мнения судов, которые могли бы проиллюстрировать заявленные проблемы и дополнительно аргументировать авторские выводы. Представляется, без судебной практики как предмета исследования сложно считать достаточным изученный автором материал.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о направлениях совершенствования норм об оспаривании в процедурах банкротства. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Действующая редакция ст. 61.9 Закона о банкротстве не предоставляет всем кредиторам без исключения права воспользоваться правовым средством защиты своих интересов в виде оспаривания сделок. Согласно норме, закрепленной в п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве таким правом обладает кредитор, сумма требований которого превышает 10 % от общей суммы кредиторской задолженности».

Вместе с тем автору необходимо более активно использовать эмпирические методы познания, в частности, основательно изучить подходы судов и сделать на них ссылки в исследования. В частности, в статье утверждается, что «можно констатировать тот факт, что эти спорные моменты - неопределенность формулировок, широкое усмотрение судов, распределение бремени доказывания, сроки исковой давности, злоупотребления арбитражных управляющих, сложность а порой и невозможность применения к сложным, многоступенчатым сделкам и т.д. и т.п. - стали порождать противоречивую правоприменительную практику и необходимость разъяснений введенных норм об оспаривании Главы III высшими судами (сначала Высшим Арбитражным судом РФ, а затем Верховным Судом РФ)».

Однако при этом нет конкретных ссылок на решения судов. Поэтому не ясно, о какой противоречивой судебной практике говорит автор рецензируемой статьи.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема оспаривания в процедурах банкротства сложна и неоднозначна. В рамках дел о несостоятельности (банкротстве) регулярно возникают случаи, когда оспариваются те или иные сделки. Судам следует разрешать сложные коллизии норм права, что порождает дополнительные споры. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Дискуссии, практика рассмотрения арбитражными судами правовых споров, связанных с применением различных оснований для оспаривания, анализ полученного опыта правоприменения, формирование новых дополнительных критериев оспаривания, учет современных реалий в виде широкого применения алгоритмов искусственного интеллекта, появление новых объектов экономических интересов (цифровой рубль, криптовалюта) и способов взаимодействия – блокчейн-технологии, смарт-контракты, необходимость сохранения общей прокредиторской направленности развития российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) и т.д. - показывает выраженную необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования кредиторского оспаривания сделок».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поощрять.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Такое направление как введение механизмов и алгоритмов прогнозирования оспоримости сделок в процедурах банкротства, видится как превентивная комплексная деятельность (возможно вначале на уровне практики судов и разъяснений высшей судебной инстанции) по формированию перечня критериев оценки сделки и/или действия должника, признанного судом банкротом, в разрезе временных рамок установленных ФЗ №127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", объективного и субъективного сроков исковой давности закрепленных в ГК РФ (временная шкала возможности применения оспаривания – как правового средства защиты кредиторов)». Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«Изложить п. 2 ст. 61.9 ФЗ от 26.10.2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в следующей редакции: «Заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд наряду с лицами, указанными в пункте 1 настоящей статьи, конкурсным кредитором (кредиторами), или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ними, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.»».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с вопросами оспаривания сделок в процедурах несостоятельности (банкротства).

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования, так как сделаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Попондопуло В.Ф., Борисова Л.В., Суханов Е.А., Мазур А.С., Хаснутдинов А.И. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области проблем несостоятельности (банкротства).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к толкованию норм законодательства России об оспаривании сделок в процедурах несостоятельности, но только после исправления замечаний, сделанных в настоящей рецензии, в частности, после расширения практической составляющей (эмпирической) базы по статье.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, оспаривание в процедурах банкротства как правовое средство защиты кредиторов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Анализ ... работ в области несостоятельности (банкротства), позволяет говорить об очевидно важном месте основного правового средства защиты кредиторов – процесса оспаривания. ... Но несмотря на то, что научное сообщество оценило данные изменения как огромный шаг вперед, тут же начались многочисленные дискуссии, как в среде практиков, так и в научной среде о целом ряде проблемных моментов". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Сложности правоприменителя и конкретных субъектов процесса оспаривания, участников дел о банкротстве, заключаются в размытости формулировок использованных законодателем, множестве терминов имеющих широкую дискрецию при понимании и толковании, отсутствие структурированного подхода в широком судебском усмотрении при применении норм законодательства о банкротстве, регулирующих оспаривание, полное отсутствие анализа сделок на оспоримость и прогнозирование результатов использования такого правового средства защиты для участников дела, то есть возможность получения отрицательного экономического эффекта для конкурсной массы. При том учитывая тот факт, что суду, законодатель в ст. 61.7 ФЗ №127-ФЗ, предоставляет право отказывать в оспаривании сделок, при наличии всех установленных судом оснований, как по специальным - банкротным так и по общим нормам права, если отсутствует экономический смысл в установлении факта недействительности"; "Вышеизложенное, позволяет сделать вывод, что к основным направлениям совершенствования оспаривания, как правового средства защиты кредиторов в процедурах банкротства, применяемого в отношениях, связанных с

оспариванием сделок должника в рамках несостоятельности (банкротства), в настоящее время можно, по нашему мнению, отнести: 1) упрощение процесса взаимодействия сторон, арбитражного управляющего, суда, вовлеченных в оспаривание; 2) унификацию этапов и процедур, составляющих процесс оспаривания; 3) повышение уровня эффективности судебного контроля за действиями лиц, имеющих право на обращение в суд с заявлениями о признании сделок должника недействительными; 4) расширение круга лиц, наделенных правом на обращение в суд с заявлением о признании сделок должника недействительными;

5) нормативное уточнение вновь появляющихся объектов экономических интересов общества (напр., криптовалюты), отношений (игровые предметы в онлайн играх, аккаунты в соцсетях и т.п.), для целей их введения в правовое поле и возможности защиты; 6) выработку дополнительных критериев оценки сделок на оспоримость; 7) введение механизмов и алгоритмов прогнозирования оспоримости сделки. В современных реалиях реализация таких задач совершенствования в указанных направлениях, безусловно, должна сопровождаться, в том числе внедрением современных технологий и систем искусственного интеллекта в эти процессы";

"Полагаем, что такие задачи как упрощение взаимодействия, унификация процессов, повышение уровня контроля (то есть п. 1-3) выше) должны и могут быть решены через модернизацию существующей системы используемой арбитражными судами - «Мой Арбитр», путем: а) возможной интеграции данной системы с другими государственными электронными реестрами (реестр залогов, реестр доверенностей, реестр недобросовестных контрагентов, реестр профессиональных участников рынка, реестр СРО, реестры ФНС, реестры сведений о банкротствах, сведения об электронных торгах и т.д. и т.п.); б) подключением к системе «Мой Арбитр» алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ), что позволило бы идентифицированным по квалифицированной электронной подписи (КЭП/УКЭП) участникам дел - пользователям, осуществлять взаимодействие не только с судами но и между собой (как пример: ознакомление с нормативной позицией и доказательствами стороны, экспертными заключениями, оповещение о совершенных действиях); в) использования унифицированных форм ходатайств и заявлений - через создание шаблонов, заполняемых по интуитивно понятному интерфейсу, путем выбора необходимых, заранее предложенных переменных, которые система «Мой Арбитр» с помощью алгоритмов ИИ будет формировать в считанные секунды, получая полные и достоверные сведения из профиля участника, профиля дела, ранее вынесенных судебных актов, интегрированных реестров, утвержденных судебным департаментом при ВС РФ форм документов. Это позволит выйти на качественно новый уровень информационного обмена в рамках совершения процессуальных действий сторонами, значительно сократит сроки рассмотрения споров, позволит вести полный и непрерывный контроль судом за действиями сторон, через такую систему" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует оспаривание в процедурах банкротства как правовое средство защиты кредиторов, выявляет соответствующие теоретические и практические проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Например, Г.Ф. Шершеневич – один из лучших специалистов своего времени в области несостоятельности (банкротства), исследуя, в том числе оспаривание сделок должника признанного несостоятельным, приходил к выводу, что сокрытие имущества должником от кредиторов, а также исполнение обязательств перед наиболее «настойчивыми кредиторами», причиняет вред правам всех кредиторов, а оспаривание таких сделок имеет экономический смысл, поскольку направлено на возврат имущества должника[15, с. 337]" - "Например, Г.Ф. Шершеневич — один из лучших специалистов своего времени в области несостоятельности (банкротства) — исследуя, в том числе, оспаривание сделок должника, признанного несостоятельным, приходил к выводу, что сокрытие имущества должником от кредиторов, а также исполнение обязательств перед наиболее «настойчивыми кредиторами» причиняет вред правам всех кредиторов, а оспаривание таких сделок имеет экономический смысл, поскольку направлено на возврат имущества должника [15, с. 337]" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Наш современник О.В. Сушкова, высказывая свою позицию относительно оспаривания сделок, указывая на то что оспаривание – один из способов увеличения имущества (конкурсной массы) несостоятельного контрагента, делает вывод, что в свою очередь восполнение конкурсной массы - видится основной задачей процедуры банкротства, поскольку позволяет как вернуть имущество, так и уменьшить обязательства должника[10, с. 117,120]" - "Наш современник О.В. Сушкова, высказывая свою позицию относительно оспаривания сделок, указывая на то, что оспаривание – один из способов увеличения имущества (конкурсной массы) несостоятельного контрагента, делает вывод, что, в свою очередь, восполнение конкурсной массы видится основной задачей процедуры банкротства, поскольку позволяет как вернуть имущество, так и уменьшить обязательства должника [10, с. 117, 120]" (см. на пунктуацию).

Автор указывает: "О наличии предметной области вышеуказанных дискуссии, бесспорно свидетельствует тот факт, что только в 2009 году Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ(далее ВАС РФ) принял пять Постановлений по вопросам связанным с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя",Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 №296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве», Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 №91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве»" - "О наличии предметной области вышеуказанных дискуссий, бесспорно, свидетельствует тот факт, что только в 2009 году Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) принял пять постановлений по вопросам, связанным с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»», Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о

банкротстве», Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве»" (см. на опечатку и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 16 источниками (монографией, комментарием, научными статьями, учебником, пособиями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в иску направленности исследования (ученым анализируются материалы судебной практики и разъяснения высших судов). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В заключении еще раз подчеркнем важность совершенствования оспаривания как правового средства защиты кредиторов в процедурах банкротства в условиях динамично развивающихся экономических отношений и необходимости повышения стабильности экономической системы государства на основе поддержания баланса между участниками отношений, кредиторами, должниками, при неизменной публичной функции данного баланса именно на основе описанного выше комплексного подхода"), однако они носят общий характер и не отражают всех научных достижений автора статьи. Следовательно, итоговые заключения нуждаются в конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен со стороны специалистов в сфере гражданского права, банкротного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Составляет исследование процедуры банкротства, как правового средства защиты кредиторов и формулирование предложений по ее совершенствованию. Автором статьи предмет исследования раскрыт достаточно подробно с момента закрепления изучаемой процедуры в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ и до современных аспектов ее практической и нормотворческой реализации.

Методология исследования. Предусматривает использование при проведении исследования семи заявленных в статье научных методов. Автор заявляет, что основным методом, использованным при написании научной статьи, является догматический анализ норм права. Анализ представленной на рецензирование статьи позволяет сделать вывод, что заявленный автором метод раскрывается и используется по тексту научной статьи.

Актуальность. Представляется весьма высокой. Она связана с необходимостью обеспечения баланса интересов кредиторов, должников и их контрагентов для эффективной процедуры банкротства.

Также актуальность заявленной темы определяется рядом факторов:

увеличением числа дел о банкротстве, в которых должники совершают противоправные действия, например, выводят свои активы, занижают сумму долга и нарушают права кредиторов;

усложнением схем вывода активов и ростом разновидностей недобросовестных действий. В таких условиях комплексное использование общегражданских и специальных оснований для оспаривания становится не просто правовой возможностью, а профессиональной необходимостью;

необходимостью пополнения конкурсной массы. Оспаривание сделок должника – зачастую единственная возможность пополнить конкурсную массу, что увеличивает вероятность удовлетворения требований кредиторов.

необходимостью защиты прав кредиторов. Оспаривание сделок – эффективный механизм для защиты прав кредиторов и возврата активов, отчужденных в ущерб их интересам.

Научная новизна. Критериям научной новизны научной статьи отвечают большинство ее положений. Автором выработано собственное понимание процедуры оспаривания в делах о банкротстве. Проанализирован значительный объем судебной практики по изучаемой теме с 2009 года по настоящее время, сделаны выводы на основании проведенного ее изучения. Сформулирована авторская редакция п. 2 ст. 61.9 Федерального закона

«О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Автором выделены критерии, которые прошли эволюцию и апробацию в налоговых спорах на протяжении более 10 лет. Сформулированные автором выводы подтверждаются также мнением и позициями ученых-правоведов, исследующих указанную тематику. Научную новизну проведенного автором исследования могло бы усилить изучение зарубежного опыта рассматриваемых общественных отношений.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения материала в статье

научный. Структура статьи не предусматривает рекомендуемое разделение

на отдельные элементы: введение, постановка проблемы, полученные в ходе исследования выводы и др. Между тем разделение статьи на структурные элементы позволяет: упростить восприятие информации. Текст разбивается на смысловые блоки, что делает его более удобочитаемым; систематизировать информацию в статье. Структура обеспечивает логическую основу, которая соединяет абзацы и позволяет провести читателя через всю статью, подводя к конкретным выводам и заключениям; упрощает поиск необходимого

и интересующего материала и др.

Библиография. Включает 16 источников. Некоторые из источников изданы более 5 лет назад. Представляется не совсем уместным в рамках исследования делать ссылки на учебные издания и учебники. Объем проанализированных теоретических источников представляется не совсем достаточным. При написании научной статьи рекомендуется опираться на научные статьи индексируемые в ядре РИНЦ или в международных базах научного цитирования. В целом соответствует необходимым требованиям.

Апелляция к оппонентам. В статье не всегда прослеживается. Автор анализирует подходы ученых к исследуемой проблеме, однако не всегда комментирует их позиции и делает необходимые выводы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Интерес читательской аудитории к заявленной в статье теме представляется весьма высоким. Статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Юридические исследования», однако автору необходимо при дальнейшей научной проработке указанной тематики учесть пожелания рецензента по отдельным направлениям.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Капустина А.В. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции в XI–XVIII вв // Юридические исследования. 2025. № 9. С. 148-158. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.76014 EDN: VQKINH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76014

Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции в XI–XVIII вв.

Капустина Анастасия Владимировна

кандидат юридических наук

Младший научный сотрудник; ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук

119019, Российская Федерация, Москва, Знаменка, Д. 10

✉ anvladimirovna@gmail.com

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.76014

EDN:

VQKINH

Дата направления статьи в редакцию:

23-09-2025

Дата публикации:

30-09-2025

Аннотация: В статье представлено исследование отечественного законодательства XI–XVIII вв., направленного на уголовно-правовое противодействие незаконному обороту алкогольной продукции. Актуальность исследования обусловлена значительным количеством незаконной алкогольной и спиртосодержащей продукции на современном российском рынке. Изучение исторического опыта формирования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за указанные деяния, позволяет выявить закономерности развития правовых норм и определить наиболее эффективные уголовно-правовые механизмы противодействия таким преступлениям. Целью исследования является комплексный анализ становления и развития российского законодательства по противодействию незаконным производству и обороту алкогольной

продукции, а также выявление закономерностей и особенностей данного процесса. Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за деяния, посягающие на законный оборот алкогольной продукции. Методология исследования представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов познания. В качестве общенаучных методов познания использованы: системно-структурный анализ, логический анализ текстов и суждений. В качестве частнонаучного метода использован историко-правовой метод, позволивший провести анализ развития уголовного законодательства России, направленного на охрану законно установленного порядка производства и оборота алкогольной продукции. Научная новизна исследования выражена в комплексном анализе российского законодательства XI–XVIII вв., направленного противодействие незаконному обороту алкогольной продукции. В статье представлен детальный анализ развития уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное производство и оборот алкогольной продукции на Руси и в России с древнейших времен до начала XVIII века. Основное внимание уделяется эволюции законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом спиртных напитков, получившему название «корчемство». В работе подробно исследуются первые упоминания о наказаниях за незаконную торговлю алкоголем в Псковской судной грамоте, развитие норм ответственности в эпоху Ивана III и Ивана IV. Особое место в исследовании занимает анализ системы наказаний за корчемство. Отдельное внимание уделяется периоду правления Петра I. Автор отмечает, что вопросы уголовно-правового противодействия незаконному обороту алкогольной продукции неразрывно связаны с государственной политикой в отношении оборота алкогольной продукции. Чрезмерные ограничения оборота алкогольной продукции, устанавливаемые государством, влекли увеличение доли серого рынка алкогольной продукции и рост объема коррупции в этом секторе.

Ключевые слова:

незаконный оборот алкоголя, исторический анализ, уголовное законодательство, этиловый спирт, спиртосодержащая продукция, история, алкогольная продукция, нормативные правовые акты, кабаки, корчемство

Актуальность исследования обусловлена значительным количеством незаконной алкогольной и спиртосодержащей продукции на современном российском рынке. Масштабы теневого рынка спиртных напитков, распространение контрафактной продукции и фальсификатов представляют серьезную угрозу экономической безопасности государства и здоровью граждан. Изучение исторического опыта формирования уголовного законодательства, направленного на противодействие незаконному обороту алкогольной продукции, приобретает особую значимость в контексте совершенствования современного законодательства, позволяет выявить эффективные механизмы правового регулирования и предотвратить повторение ошибок прошлого.

Настоящая проблематика нашла отражение в публикациях таких ученых-теоретиков, как А. Ю. Пиджакова, В. В. Похлебкина, И. Г. Прыжова, В. М. Чибинева и др. Большинство работ посвящены истории развития питейного дела, а также социально-экономическим аспектам данного вопроса. Вопросы же уголовно-правового противодействия незаконному обороту алкогольной продукции чаще всего находят отражение только в контексте более широких исторических исследований. Теоретическая значимость

исследования заключается в полученных результатах, обогащающих науку уголовного права. Практическая значимость заключается в выработке рекомендаций, которые могут быть учтены в законотворческой деятельности. Методология исследования представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов познания. В качестве общенаучных методов познания использованы: системно-структурный анализ, логический анализ текстов и суждений. В качестве частнонаучного метода использован историко-правовой метод, позволивший провести анализ развития уголовного законодательства России, направленного на охрану законно установленного порядка производства и оборота алкогольной продукции.

Питейное дело на Руси было известно с глубокой древности. Для этого периода характерно изготовление некрепких алкогольных напитков (кваса и пива), которые употреблялись преимущественно во время пиров и языческих ритуалов, поэтому пьянство не было распространено в Древней Руси. С принятием христианства на Руси получает распространение виноградное вино, и уже в Уставе князя Ярослава Мудрого о церковных судах предусматривалась ответственность за пьянство священнослужителей. Однако ответственности подлежал только епископ, в подчинении которого они находились. Владимир Мономах в «Поучении детям» писал: «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело» [\[7, с. 15\]](#). Состояние опьянения признавалось отягчающим обстоятельством по Русской Правде.

Как утверждают В. М. Чибинев и А. Ю. Пиджаков, процесс централизации в неблагоприятных экономических условиях, необходимость мобилизации для армии и государства всех возможных средств требовали подчинения питейного дела государственной казне, но традиционные устои, частное пивоварение и право крестьян на праздничное питье ликвидировать было сложно. Ситуация изменилась с появлением нового напитка – водки (до середины XIX в. ее называли «вином») [\[12, с. 74\]](#). В. В. Похлебкин отмечает, что впервые общегосударственная винная монополия была введена в 1474 г. Иваном III в целях извлечения максимальной прибыли для государственного бюджета [\[8, с. 21\]](#). В.В. Похлебкин дал положительную оценку введения винной монополии, считая ее прогрессивной мерой. Однако, несмотря на все плюсы винной монополии: контроль над питейным делом, пополнение государственного бюджета и т.д., по-нашему мнению, она породила целую систему взяточничества и корчемства. Аналогичная точка зрения встречается в работах М.М. Богословского и Д.Н. Бородина.

Позднее Иван IV ввел полный запрет на производство алкогольных напитков частными лицами, а для продажи учредил «царевы кабаки», которые принадлежали казне и дворянству. Д. Н. Бородин отмечал, что «при Иване Грозном, согласно постановлению Стоглавого Собора, был принят ряд мер против народного пьянства. Но во второй период своего царствования, Иван Грозный начал жаловать своих приближенных правом открытия кабаков, устроил для своих опричников царский кабак, и в целях фиска сдавал кабаки на откуп» [\[1, с. 37\]](#).

Окончательно кабацкая система была сформирована к XVI в. Английский дипломат Джильс Флетчер после посещения России в 1589 г. писал, что почти во всех городах устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая в России русским вином), пиво и мед. С их продажи царь получает оброк от 800 до 3 000 руб. в год [\[10, с. 51\]](#). Соответственно изготовление и продажа алкоголя частными лицами вели к уменьшению доходов казны, в связи с этим стали признаваться государством

незаконными. С этого времени начинает формироваться законодательство об ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции (деятельность по незаконному изготовлению и продаже спиртных напитков получила название «корчемство». Данный термин произошел от слова «корчма», под которым понималось «зап. кабак, питейный дом, но неоткупной, а вольной продажи; заезжий и постоянный двор, где держать напитки» [\[2, с. 436\]](#)).

До этого тайные производство и продажа вина преследовались только в землях, где была сильная княжеская власть, и оборот вина находился в исключительном ведении князей. Так, согласно Псковской судной грамоте «княжим людям по дворам корчмы не держать, ни во Псков, ни на приговор, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меда не продавать».

Высокий уровень пьянства и обнищание народа также являлись причиной введения уголовной ответственности за корчемные нарушения. В целях борьбы с пьянством Иван III издал Указ, согласно которому низшие слои населения могли употреблять алкоголь только четыре раза в год. Для правительственного сословия таких ограничений не устанавливалось, однако предусматривался запрет на осуществление должностных обязанностей в состоянии алкогольного опьянения. В «Вопросах Ивана IV митрополиту Макарию, содержащих проект государственных реформ» четвертый вопрос был посвящен проблемам борьбы с корчемством, от которого «крестьянам великая беда чинитца и другим погибель» [\[4, с. 577\]](#).

И. Г. Прыжов писал: «По городам, в каждый торговый день, на площадях появлялись бирючи и кликали, чтоб продажного и неявленного питья никакие люди у себя не держали, вина не курили. Но народ не слушал ничего, а продолжал по-прежнему варить пиво, курить вино, заводил тайные корчмы. Продавцы вина ходили тайно с кувшинами, плошками и ковшми. Дворовые люди, крестьяне и дворники крадут вино у бояр и торгуют им, корчемствуют архиерейские служители, монахи, монахини» [\[9, с. 86\]](#).

Впервые в истории российского законодательства отдельная глава о корчемных преступлениях была закреплена в Соборном уложении 1649 г. (гл. XXV «Указ о корчмах») [\[5, с. 443–455\]](#), которая включала следующие деяния: незаконные производство и продажа вина; продажа вина людьми крепостников, которые украли вино у своих бояр; потребление корчемного вина. Соборное уложение 1649 г. устанавливало ответственность не только за корчемство, но и за получение за него откупа. Так, если объезжие головы и дети боярские получали откуп за корчемство, их следовало «бить кнутом, и в приказе им впредь не быть».

И. И. Дитятин отмечал, что несмотря на все средства, силы, деньги и батоги, которые государство потратило на борьбу с корчемством, оно царило бок о бок с кабаком, наносило огромный ущерб казне Московского государства, развращая и разоряя народ [\[3, с. 67–68\]](#). Он подчеркивал, что корчемством занимались именно те, кому было поручено наблюдать за ним. Однако И.Г. Прыжов, напротив, отмечал, что сложившаяся система наказаний хотя и не искореняла явление полностью, но сдерживала его масштабы.

За столетие развития «государева кабацкого дела» уровень пьянства в России значительно вырос. Государство всячески поддерживало кабацких содержателей и поощряло перевыполнение плана продажи вина. Особо отличившихся приглашали на прием в Кремль и вручали награду – серебряный позолоченный ковш. Однако на местах

распространение пьянства и вместе с ним азартных игр и блуда не могло не вызывать озабоченности. В связи с этим государство, несмотря на значительную прибыль от питейного дела, было вынуждено принимать меры для борьбы с пьянством. Так, по инициативе патриарха Никона вводилась регламентация времени продажи вина и его объемов, в городах сокращалось количество кабаков, которые были переименованы в «кружечные дворы», а стоимость водки повысилась. Принятые меры вызвали протесты среди населения, государственный бюджет терпел убытки, в то время как экономическая ситуация в стране была катастрофической из-за русско-польской войны 1654–1667 гг. В результате в 1663 г. указанные меры были отменены [\[12, с. 88–93\]](#).

В 1681 г. именным указом Федора Алексеевича с боярским приговором «О продаже питей» вновь была установлена государственная винная монополия в связи со значительными недоимками государственной казны. Этим же указом устанавливалась ответственность для должностных лиц. : «А буде которые Головы и целовальники, забыв страх Божий и не опасаясь Его Великого Государя опалы, учинят за крестным целованием, будучи на кружечных дворах, о сборах Его Великого Государя Государевой денежной казны не радеть, или какую хитрость чинить, и Его Государевою денежную и питейною казною сами корыстоваться, или учинят с кружечных дворов безденежно вино и мед и пиво Воеводам и приказным людям, или кому-нибудь отдавать; а кто на них про то известит и сыщет про то допряма и в чем-нибудь которые Головы и целовальники уличены и опорочены будут: и таким Головам и целовальникам чинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылат в ссылку, безо всякой пощады, а дворы их и животы и лавки и торговые промыслы и всякие заводы, что у кого сыщется, имат на Него Великого Государя бесповоротно, и из тех дворов и из животов и из лавок и из торговых промыслов и из всяких заводов четвертая доля отдать тому, кто на того Голову или на товарищей его про то известит, и по чьему извету кто в чем по сыску уличен и опорочен будет, так же кто Воеводы и приказные люди учнут с кружечных дворов питье безденежно имат, или корчемников понаровку учинить: и у них за то по розыску поместья и вотчины и дворы и животы имат на Великого Государя бесповоротно». Указом предусматривалась ответственность и за корчемство: «А будет кто сам или людям своим и крестьянам велеть вино или пиво и мед продавать, или понаровку в корчемной продаже людям крестьянам своим или кому-нибудь учинит, или за приказную работу и мастеровым людям за мастерство и за работу, или за приказы давать, а с тем вином кто пойман будет или по чьему извету про то сыщется допряма, и у тех людей по розыску, кто учнет вино продавать и безденежно давать, также кто у кого купит, или безденежно за что-нибудь или на ссуду вино возьмет, имат на Великого Государя бесповоротно, у поместных и вотчинных поместья их и вотчины и Московские дворы и животы, а у беспоместных и у торговых потому ж дворы и животы и лавки и всякие торговые промыслы и заводы, все что у кого ни есть». «А будут чьи люди или крестьяне, без ведома помещиков своих и вотчинников, учинят вино себе курить или продавать, и пивом и медом торговать, или безденежно кому отдавать, а Бояре их, не ведая о том, не известят: и тем людям и крестьянам по розыску за то вину чинить жестокое наказание, бить кнутом, и отдавать их помещикам и вотчинникам по прежнему».

В петровскую эпоху в России происходили существенные изменения в сфере регулирования производства и оборота алкогольной продукции. Неизменной оставалась лишь борьба с корчемством. В 1688 г. в статьях «О продаже питей и о прекращении корчемства» закреплялось «А будет кто Русские люди и иноземцы сами учнут, или людям своим и крестьянам велят вино и иное корчемное питье продавать, а по извету и по розыску про то сыщется допряма: и у тех людей имат на Них Великих Государей, у поместных и у вотчинников.

Контроль за недопущением корчемного питья возлагался на объезжих голов: «Объезжему Голове быть в объезде, где сведает корчемное питье, кроме стрелецких слобод; а будучи ему в том объезде, того смотреть и беречь накрепко, чтобы корчемного и продажного никакого питья в тех слободах не было». При этом значительное число преступлений продолжало совершаться бурмистрами и целовальниками. В связи с этим в период правления Петра I ужесточаются наказания служилых людей. Так, таможенные бурмистры должны были «пошлины с привозимых напитков брать ефимками», т.е. европейскими серебряными монетами и выписывать таможенные выписки. Такое положение предусматривалось Указом Петра I «О взимании у города Архангельского пошлин с привозимых напитков» 1699 г. Если бурмистр не возьмет ефимки и пропустит тайно напитки, то с него взыскивалась пошлина в двойном размере, а напитки подлежали конфискации в пользу государства. В Указе от 15 сентября 1705 г. «О наказаниях и пенях за корчемство питьями, и о награждении доносителей за открытие корчемников» отмечалось, что «сами кабацкие бурмистры и целовальники изготавливали вина больше, продавали, а в книги с убавкой записывали и цены неравные указывали». Отдельным именным указом от 6 ноября 1699 г. предусматривалась ответственность для солдат за корчемную продажу вина: «Солдатам за ту их винную и табачную и всякую корчемную продажу учинить жестокое наказание, бить кнутом на козле нещадно, и сослать в ссылку с женами и с детьми на вечное жилье в Сибирские города и на Терек». Аналогичное наказание предусматривалось для капралов, которые знали о корчемной продаже в капральстве, но не сообщили о ней.

Благодаря многочисленным реформам Петра I изменился быт российского дворянства, в частности увеличилось потребление спиртных напитков: традиционных водки и вина. Была объявлена свобода винокурения. Но уже в 1708 г. Петр I устанавливает полную государственную монополию на производство и продажу спиртных напитков в целях увеличения государственной казны. Однако государственные спиртоводочные предприятия не справлялись с возросшей нагрузкой, а дворянские хозяйства вопреки закону продолжали заниматься частным винокурением, поэтому с 1716 г. вновь разрешается частное винокурение при уплате налога с мощностей аппаратов. При этом законодатель признавал, что несмотря на многолетнюю борьбу с корчемством, оно не было искоренено: «Многими их Великими Государей указами, то корчемство запрещено, а истребится до селе не может». В целях решения проблемы вновь предусматривались строгие наказания для всех категорий граждан. У корчемников следовало все их «пожитки и дома, поместья и вотчины, заводы и лавки конфисковать, а самого корчемника ссылать в Азов, или куда Великий Государь укажет». В некоторых случаях допускалась также ссылка на каторжные работы. Впервые закреплялась ответственность за недоносительство. У любого чина людей, кто будет знать о незаконной продаже вина, пива, меда и другого запрещенного товара и не сообщит об этом, следовало конфисковать половину имущества в пользу государства. Еще более строгое наказание назначалось, если преступление было совершено кабацким или земским бурмистром. Кроме конфискации имущества, «утайщик» ссылался на вечную каторгу.

Сенатский указ от 21 июня 1728 г. впервые закрепил ответственность за продажу казенных «питей» с примесью, не по указанным мерам и свыше определенной цены: «А ежели в той питейной продаже какие от кого явятся обманы, и кто в оном явится виновен: и им учинено будет жестокое наказание без всякого милосердия и пощады, со отнятием движимого и недвижимого имения без всяких отговорок».

Как показывает исторический опыт, вопросы уголовно-правового противодействия незаконным производству и обороту алкогольной продукции неразрывно связаны с

государственной политикой в отношении производства и оборота алкогольной продукции, которая на протяжении всей истории России преследовала фискальные цели. Анализ исторического опыта также свидетельствует, что периоды установления абсолютной государственной монополии на питейное дело характеризуются увеличением доли серого рынка алкогольной продукции и ростом объема коррупции в этом секторе, злоупотреблениями со стороны чиновников. Увеличение минимальной стоимости алкогольной продукции и акцизов также оказывают негативное влияние на рынок: производители из легального сектора переходят в теневой, а у потребителей возрастает спрос на нелегальный алкоголь, реализуемый по меньшей стоимости.

Таким образом, учитывая современные реалии и уроки прошлого, можно сделать вывод, что сегодня требуется функционирование сбалансированной системы регулирования алкогольного рынка, которая будет учитывать как фискальные интересы государства, так и вопросы борьбы с алкоголизмом и защиты здоровья населения. При этом важно избегать чрезмерного повышения цен на алкогольную продукцию, так как это неизбежно приведет к росту теневого рынка.

Библиография

1. Бородин Д. Н. Кабак и его прошлое. – СПб., 1910. – 98 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. Т. 2. – М.: Изд. центр "Терра", 1995. – 735 с.
3. Дитягин И. И. Царский кабак Московского государства. – М., 1833. – № 9. – 244 с.
4. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. – М., 1957. – 632 с.
5. Памятники русского права. Вып. 6 / под ред. К. А. Софроненко. – М., 1957. – 503 с.
6. Пашин В. П., Богданов С. В., Емельянов С. Г. Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (Власть, общество, нелегальный рынок). – Курск, 2008. – 258 с. EDN: QOIQAZ
7. Поучение детям Владимира Мономаха: С прил. Послания Вл. Мономаха к Олегу, поучений – Ксенофонта, некоего отца, св. Василия Великого и материалов для характеристики Мономаха / Ред. и примеч. В. А. Воскресенского. – СПб., 1893. – 49 с.
8. Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. – Красноярск, 1995. – 462 с.
9. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб; М., 1868. – 282 с.
10. Флетчер Д. О государстве русском. – СПб, 1905. – 138 с.
11. Ханухов Э. Р. Состояние и пути совершенствования государственного регулирования рынка алкогольной продукции России. – М., 2001. – 108 с.
12. Чибинев В. М., Пиджаков А. Ю. Этапы истории правового регулирования виноделия и винопития в России. – СПб, 2008. – 262 с. EDN: QRAQRN

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции в XI–XVIII вв. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В современных условиях проблема незаконного оборота алкогольной продукции остается одной из наиболее острых для российского общества. Масштабы теневого рынка спиртных напитков, распространение контрафактной продукции и фальсификатов представляют серьезную угрозу экономической безопасности государства и здоровью граждан. Изучение исторического опыта формирования уголовного законодательства, направленного на противодействие незаконному обороту алкогольной продукции, приобретает особую значимость в контексте совершенствования современного законодательства, позволяет выявить эффективные механизмы правового регулирования и предотвратить повторение ошибок прошлого"; "Настоящая проблематика нашла отражение в публикациях таких ученых-теоретиков, как А. Ю. Пиджакова, В. В. Похлебкина, В. М. Чибинева и др.". Дополнительно ученому необходимо раскрыть степень изученности рассматриваемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Окончательно кабацкая система была сформирована к XVI в. ... Соответственно изготовление и продажа алкоголя частными лицами вели к уменьшению доходов казны, в связи с этим стали признаваться государством незаконными. С этого времени начинает формироваться законодательство об ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции (деятельность по незаконному изготовлению и продаже спиртных напитков получила название «корчемство»); "Впервые в истории российского законодательства отдельная глава о корчемных преступлениях была закреплена в Соборном уложении 1649 г. (гл. XXV «Указ о корчмах») [5, с. 443–455], которая включала следующие деяния: незаконные производство и продажа вина; продажа вина людьми крепостников, которые украли вино у своих бояр; потребление корчемного вина. Соборное уложение 1649 г. устанавливало ответственность не только за корчемство, но и за получение за него откупа"; "За столетие развития «государева кабацкого дела» уровень пьянства в России значительно вырос. Государство всячески поддерживало кабацких содержателей и поощряло перевыполнение плана продажи вина. Особо отличившихся приглашали на прием в Кремль и вручали награду – серебряный позолоченный ковш. Однако на местах распространение пьянства и вместе с ним азартных игр и блуда не могло не вызывать озабоченности. В связи с этим государство, несмотря на значительную прибыль от питейного дела, было вынуждено принимать меры для борьбы с пьянством"; "Как показывает исторический опыт, вопросы уголовно-правового противодействия незаконным производству и обороту алкогольной продукции неразрывно связаны с государственной политикой в отношении производства и оборота алкогольной продукции, которая на протяжении всей истории России преследовала фискальные цели. Анализ исторического опыта также свидетельствует, что периоды установления абсолютной государственной монополии на питейное дело характеризуются увеличением доли серого рынка алкогольной продукции и ростом объема коррупции в этом секторе, злоупотреблениями со стороны чиновников. Увеличение минимальной стоимости алкогольной продукции и акцизов также оказывают негативное влияние на рынок: производители из легального сектора переходят в теневой, а у потребителей возрастает спрос на нелегальный алкоголь, реализуемый по меньшей стоимости" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность

избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции в XI–XVIII вв. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию.

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями, словарем, нормативным материалом). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам отсутствует. Автор ссылается на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Как показывает исторический опыт, вопросы уголовно-правового противодействия незаконным производству и обороту алкогольной продукции неразрывно связаны с государственной политикой в отношении производства и оборота алкогольной продукции, которая на протяжении всей истории России преследовала фискальные цели. Анализ исторического опыта также свидетельствует, что периоды установления абсолютной государственной монополии на питейное дело характеризуются увеличением доли серого рынка алкогольной продукции и ростом объема коррупции в этом секторе, злоупотреблениями со стороны чиновников. Увеличение минимальной стоимости алкогольной продукции и акцизов также оказывают негативное влияние на рынок: производители из легального сектора переходят в теневой, а у потребителей возрастает спрос на нелегальный алкоголь, реализуемый по меньшей стоимости"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Однако автор, определяя практическую значимость своей работы, указал, что она "... заключается в выработке рекомендаций, которые могут быть учтены в законотворческой деятельности". Таких рекомендаций ученый не дает.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории отечественного государства и права, уголовного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении элементов дискуссионности, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является эволюция уголовно-правовых норм, направленных на противодействие незаконному обороту алкогольной продукции в России на протяжении XI–XVIII веков. Автор последовательно рассматривает ключевые этапы становления государственной монополии на производство и продажу алкоголя, анализирует меры ответственности за такие деяния, как корчемство и злоупотребления должностных лиц, прослеживает взаимосвязь между фискальными интересами казны и развитием запретительного законодательства.

Методологическая основа статьи заявлена корректно и включает совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Автор применяет системно-структурный анализ, что позволяет рассмотреть законодательство как целостный, развивающийся институт; логический анализ, используемый для интерпретации текстов правовых памятников и суждений историков; историко-правовой метод, который является основным, и

позволяет провести ретроспективный анализ правовых норм в их историческом контексте. Однако в тексте статьи методы представлены поверхностно. Желательно было бы показать, как именно указанные методы применялись на практике при анализе конкретных правовых источников.

Актуальность темы статьи обоснована автором. Проблема незаконного оборота алкогольной продукции, наносящая ущерб экономической безопасности и здоровью населения, остается острой в современной России. Обращение к историческому опыту для выявления эффективных механизмов правового регулирования и системных ошибок прошлого является оправданным и ценным для современной законотворческой деятельности.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе уголовно-правовых аспектов регулирования оборота алкоголя в указанный хронологический период. Как верно отмечает автор, существующие исследовательские работы часто фокусируются на социально-экономической истории вопроса. Данная же статья восполняет этот пробел, концентрируясь на юридических нормах и санкциях. Новизна также проявляется в проведении исторических параллелей и формулировании на их основе выводов, имеющих определенную практическую значимость для современного законодателя.

Стиль статьи в целом соответствует жанру научного юридического исследования. Структура работы логична: от обоснования актуальности и методологии автор переходит к последовательному историческому изложению, от Древней Руси к петровской эпохе, и завершает работу выводами.

В содержательном плане статья демонстрирует хорошее владение историческим материалом и привлечение разнообразной научной литературы. Сильной стороной является детальный разбор конкретных правовых актов: Устава князя Ярослава, Псковской судной грамоты, Соборного уложения 1649 г., указов Ивана Грозного, Федора Алексеевича и Петра I. Автор не просто перечисляет нормы, но и анализирует их эффективность, ссылаясь на мнения современников и историков. Замечанием по содержанию является некоторая описательность и хронологическая перегруженность части текста.

Список литературы репрезентативен. Вместе с тем, для усиления историко-правовой составляющей можно было бы привлечь больше специализированных исследований, в особенности последних 10-15 лет.

Автор косвенно вступает в научную дискуссию, указывая на существование различных точек зрения. Например, упоминается положительная оценка винной монополии В. В. Похлебкиным, которой противопоставляется критический взгляд самого автора, поддержанный ссылками на Богословского и Бородина. Также приводится противоречие в оценках эффективности наказаний между И. И. Дитягиным и И. Г. Прыжовым. Однако эта полемическая составляющая могла бы быть выражена более ярко и развернуто.

Выводы статьи логичны и вытекают из проведенного анализа. Ключевой вывод о том, что жесткая государственная монополия и фискальное давление, вопреки ожиданиям, не искореняли незаконный оборот, а стимулировали рост теневого рынка и коррупции, является важным и аргументированно подкреплен историческими примерами. Практическая рекомендация о необходимости сбалансированной политики, избегающей чрезмерного роста цен, является своевременной и обоснованной.

Статья вызовет интерес у историков, юристов, законодателей и политиков, занимающихся вопросами регулирования алкогольного рынка. Ретроспективный анализ, проведенный автором, предоставляет ценный материал для осмысления долгосрочных последствий тех или иных правовых решений.

Представленная статья является аргументированным и актуальным научным исследованием. Несмотря на отдельные замечания, статья рекомендуется к публикации.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Конорезов Н.А. Институт налоговых льгот в судебной практике: некоторые проблемные аспекты //

Юридические исследования. 2025. № 9. С. 159-170. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75659 EDN: RWUAVE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75659

Институт налоговых льгот в судебной практике: некоторые проблемные аспекты

Конорезов Николай Андреевич

кандидат юридических наук

доцент, Юридический факультет, Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

✉ konorezov@list.ru

[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75659

EDN:

RWUAVE

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2025

Дата публикации:

06-10-2025

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы судебной практики в сфере реализации налоговых льгот, выявленные в деятельности арбитражных судов, судов общей юрисдикции, а также в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Предмет исследования – институт налоговых льгот в контексте его реализации в судебной практике Российской Федерации, включая правоприменительную деятельность арбитражных судов, судов общей юрисдикции, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Автором, на основе анализа соответствующих правоприменительных материалов, продемонстрированы примеры противоречивых подходов, складывающихся по двум направлениям: 1) налоговые споры о доначислении сумм налога, сбора, страховых взносов, начислении пеней и штрафов в связи с неправомерным использованием налоговых льгот и; 2) налоговые споры об

отказе в предоставлении налоговых льгот и об определении условий для их применения. Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ судебных актов, системный, сравнительно-правовой и формально-логический методы, а также метод толкования норм налогового законодательства в свете конституционных принципов и правовых позиций высших судебных инстанций. Целью работы является выявление и анализ проблемных аспектов применения налоговых льгот в судебной практике, а также формирование предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Результаты исследования могут быть применимы в правоприменительной деятельности, а также научно-исследовательской и учебной работе в области административного, финансового, налогового и конституционного права. Новизна исследования состоит в систематизации и критическом анализе противоречивых правовых позиций судов по вопросам применения налоговых льгот, а также в обосновании необходимости законодательного уточнения условий предоставления льгот. В работе впервые на основе анализа конкретных дел показана тенденция к «судебному нормотворчеству» в отсутствие четкого законодательного регулирования, а также обоснована необходимость перехода от разрозненных норм к системному правовому режиму налоговых льгот. В заключении обосновывается необходимость внесения законодательных изменений в части уточнения и конкретизации условий предоставления налоговых льгот.

Ключевые слова:

льгота, налоговые льготы, институт налоговых льгот, судебная практика, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, налогоплательщик, налоговая преференция, налоговое право, административное право

В последнее время в судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции все чаще поднимаются вопросы, касающиеся порядка установления, применения и использования налоговых льгот. В этой связи усилилась и разработанность темы исследования [\[2; 4; 6; 7; 9; 11\]](#). Такая тенденция представляется вполне закономерной на фоне увеличения количества налоговых споров в этой сфере [\[10, с. 50\]](#). Особенно заметен рост числа подобных дел в период с 2021 по 2024 гг. по сравнению с предыдущими временными отрезками. Активно налоговые споры начали рассматривать и Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в кассационном порядке, и Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в порядке конституционного контроля.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ судебных актов, системный, сравнительно-правовой и формально-логический методы, а также метод толкования норм налогового законодательства в свете конституционных принципов и правовых позиций высших судебных инстанций.

Анализ практики КС РФ позволяет отметить возрастающее внимание к вопросам, касающимся налоговых льгот. Однако, как справедливо отмечается в науке, на сегодняшний день данный судебный орган не выработал четко выраженной и последовательной позиции по этому аспекту [\[1, с. 36; 5, с. 93\]](#). В большинстве случаев КС РФ ограничивается констатацией того, что налоговые льготы обладают адресным характером, а решение вопроса об их введении относится к категории исключительной прерогативы законодателя. К примеру, в Постановлении от 31 мая 2023 г. № 28-П КС РФ

акцентировал внимание на том, что предоставленная государству дискреция в вопросах установления и прекращения налоговых обязанностей, в том числе принятие решения о предоставлении налоговых льгот отдельным категориям налогоплательщиков, не может рассматриваться как нарушающая принцип равенства. В то же время закрепление различных правовых условий для различных категорий субъектов налогового права не должно быть произвольным, должно основываться на объективных и экономически значимых обстоятельствах.

В отдельных делах, рассматривая вопросы соответствия положений налогового законодательства Конституции Российской Федерации, КС РФ обращается к анализу правовой природы и функционального назначения налоговых льгот. В частности, подчеркивается, что целью введения льгот является недопущение резкого увеличения налоговой нагрузки. Вместе с тем оценка эффективности и необходимости налоговых преференций тем или иным категориям налогоплательщиков выходит за рамки полномочий КС РФ и, соответственно, не входит в сферу его рассмотрения.

Вместе с тем, представляется, что КС РФ были представлены вполне обоснованные правовые позиции, которые должны лечь в основу правового режима налоговых льгот. В частности, КС РФ неоднократно указывал, что налоговые льготы должны соответствовать принципу равенства, не носить индивидуального и дискриминационного характера. Хотя законодатель, как было установлено ранее, порой формулирует правовые предписания о налоговых льготах таким образом, что создает неопределенность, приводящую к спорам, в том числе по причине их дискриминационного характера. В своих правовых позициях КС РФ также уточняет критерии налоговых льгот и приводит обоснованные выводы, касающиеся отнесения к ним тех или иных налоговых преференций, что, безусловно, имеет важное значение для создания единого правового режима института налоговых льгот.

Однако, несмотря на отдельные правовые позиции, сформулированные КС РФ, в судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции продолжают возникать многочисленные затруднения, в том числе связанные с определением сущности самого термина «налоговая льгота». Изучение актуальной практики правоприменения позволяет выделить ключевые проблемные аспекты, возникающие в судебном правоприменении института налоговых льгот, разделяя их по соответствующим тематическим направлениям.

Первым направлением являются налоговые споры о доначислении сумм налога, сбора, страховых взносов, начислении пеней и штрафов в связи с неправомерным использованием налоговых льгот.

В данной категории споров большое значение придается вопросу о том, является ли конкретная налоговая преференция налоговой льготой, поскольку от решения этого вопроса зависит правомерность обжалуемых действий и решений налоговых органов, в том числе и решений о привлечении налогоплательщика к ответственности. Так, достаточно распространенным являются случаи, когда налоговой орган обосновывает свое решение о привлечении налогоплательщика к ответственности (в том числе о начислении пеней и штрафов) тем, что он неправомерно применил налоговую льготу, хотя в действительности исчисление суммы налога следовало из императивно установленных правил.

Так, в одном из дел налоговой орган привлек налогоплательщика ООО «Понизовье МДЦ» к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренного

п. 1 ст. 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), за неполную уплату сумм страховых взносов. По мнению налогового органа, налогоплательщиком была занижена база для исчисления страховых взносов из-за исключения из их суммы выплаченной работникам компенсации за использование личного имущества. Налоговый орган при этом исходил из общеустановленного тарифа страховых взносов 30%, не приняв во внимание, что для субъектов малого бизнеса, к которым относился и налогоплательщик, установлен пониженный тариф в размере 15%. Налоговый орган, а также суды, рассматривающие данное дело, сделали вывод о том, что тариф 15% мог быть применен только при наличии волеизъявления самого налогоплательщика, поскольку применение налоговой льготы является его правом, наличие которого он должен обосновать. ВС РФ с данным выводом не согласился и указал, что пониженные тарифы для субъектов малого бизнеса установлены законом императивно, значит и применение этого тарифа – обязанность налогового органа, для исполнения которой у него формальных препятствий не было, учитывая, что Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС России) ведет реестр субъектов малого предпринимательства. Следовательно, привлечение налогоплательщика к ответственности являлось неправомерным.

В данном случае пониженный тариф страховых взносов не мог быть рассмотрен в качестве налоговых льгот, поскольку его применение, следуя буквальному толкованию законодательных положений, осуществляется не в заявительном, а в императивном порядке. В этом и заключается практическое значение понятия «налоговая льгота», определение которого влияет на распределение бремени доказывания между налоговым органом и налогоплательщиком. В случае, когда налоговая преференция не является льготой, налогоплательщик не обязан доказывать свое право на ее применение.

Вторым направлением являются налоговые споры об отказе в предоставлении налоговых льгот и об определении условий для их применения.

К сожалению, одной из характерных тенденций современной административной практики становится формальный, а порой и выборочный подход к вопросу предоставления налоговых льгот. Налоговые органы зачастую отказывают налогоплательщикам в применении льгот, основываясь лишь на формальном толковании норм налогового законодательства, при этом не учитывая действительную волю законодателя, цели введения конкретной льготы и особенности ее механизма реализации [\[3, с. 73\]](#). Вследствие этого налогоплательщикам приходится годами отстаивать свое право на применение налоговой льготы и нередко защиту своего права они получают только на уровне ВС РФ.

Данная проблема возникает из-за того, что налоговое законодательство устанавливает значительное количество получателей налоговых льгот, однако в нем отсутствуют четко установленные критерии и условия предоставления льгот [\[8, с. 14-17\]](#). Давая разъяснения налоговым органам, ВС РФ как на уровне отдельных Постановлений Пленума, так и в судебных актах по конкретным делам не раз отмечал, что подход к предоставлению налоговых льгот не должен быть формальным, а условия применения льгот должны толковаться и применяться таким образом, чтобы дифференциация прав налогоплательщиков осуществлялась по объективным и разумным критериям.

Достаточно распространенными в судебной практике являются случаи, когда налоговый орган отказывает в предоставлении налоговой льготы по формальным соображениям ввиду неполучения какой-либо документации. При обжаловании действий (бездействия) налоговых органов в этом случае суды, как правило, встают на сторону

налогоплательщиков. Отмечается, в частности, что налоговый орган не вправе отказывать в применении налоговой льготы лишь на основании непредоставления налогоплательщиком всех необходимых документов, которые могут быть получены налоговым органом самостоятельно в порядке межведомственного электронного взаимодействия. Более того, даже обращение в налоговый орган с заявлением о предоставлении льготы не лишает налогоплательщика права на ее получение.

Нередко как и налоговые органы, так и суды формально подходят к проверке соблюдения условий предоставления налоговых льгот. Так, в одном из дел налоговый орган отказал в предоставлении налоговой льготы, предусмотренной ст. 407 НК РФ в отношении объекта недвижимого имущества, поскольку, согласно выписке из ЕГРН, такой объект имеет наименование «иные строения», а значит льготированию по п. 4 ст. 407 НК РФ не подлежит. С данным выводом согласились суды первой и апелляционной инстанции. Однако судом кассационной инстанции отмечено, что объект налогообложения фактически является гаражом (пп. 5 п. 4 ст. 407 НК РФ), а налоговый орган и суды ограничились формальным указанием о зарегистрированном праве налогоплательщика на объект с наименованием «иные строения».

К сожалению, в отдельных случаях расходятся даже позиции судов по вопросу соблюдения условий предоставления налоговых льгот. Так, одним из знаковых споров данной категории стало дело ООО «ЛюксНефтеТрансДобыча», рассмотренное Верховным Судом РФ в 2023 г. и касающееся применения пониженных налоговых ставок по налогу на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ) в отношении добычи нефти из ранее списанных запасов. Суть дела состояла в следующем. Законодатель устанавливает нулевую налоговую ставку по НДПИ в отношении добычи полезных ископаемых из ранее списанных запасов. Месторождение, где вел добычу налогоплательщик, ранее находилось на консервации, остаточные запасы в нем были списаны, но в результате проведения дополнительных испытаний запасы нефти вновь были поставлены на государственный баланс. Налоговый орган посчитал, что в данном случае на баланс были поставлены новые, а не ранее списанные запасы полезных ископаемых, ввиду чего налогоплательщик неправоммерно применил налоговую льготу. Вывод налогового органа поддержали суды всех инстанций. ВС РФ, отменяя принятые решения, пояснил, что, во-первых, добыча полезных ископаемых без постановки их на баланс невозможна в принципе, а во-вторых, целью данной льготы является создание благоприятных условий для инвестирования недропользователями средств в освоение нефтяных ресурсов в старых залежах, имея в виду, что условия добычи нефти в этом случае, как правило, являются более обременительными. Учитывая сказанное, отказ в предоставлении налоговой льготы лишь по формальным критериям является неправоммерным.

Еще одно резонансное дело, которое стало предметом рассмотрения ВС РФ, аналогично было связано с отказом в предоставлении налоговых льгот по НДПИ (пониженного коэффициента). Как известно, с 2021 г. к НДПИ применяется коэффициент, который зависит от того, какие металлы добывает налогоплательщик (коэффициент Крента). Законодатель с целью стимулирования добычи золота и серебра установил в отношении налога на добычу данных полезных ископаемых коэффициент, равный 1. Однако налоговый орган отказал ЗАО «Косьвинский камень» в применении налоговой льготы и использовал общеустановленный коэффициент, равный 3,5. Налоговый орган, а также суды всех инстанций, посчитали, что в добытом налогоплательщиком сырье содержится недостаточно золота для применения коэффициента Крента 1. ВС РФ, отменяя принятые решения, указал, что налоговое законодательство не содержит ограничений по

применению рентного коэффициента в размере 1 в зависимости от доли содержания золота в добытом сырье. Однако главный, по нашему мнению, вывод заключается в том, что степень дифференциации условий налогообложения определяет не налоговый орган, а законодатель, поэтому отказ от предоставления налоговых льгот должен быть обоснован, не должен ущемлять права налогоплательщика и ставить его в неравные условия по сравнению с иными налогоплательщиками. Применение налоговой льготы не может быть поставлено в зависимость от усмотрения налогового органа.

Этот вывод косвенно прослеживается и в других судебных делах, которые были рассмотрены ВС РФ.

Споры об определении условий применения налоговых льгот являются, пожалуй, наиболее распространенными и одновременно наиболее сложными в судебном правоприменении данного института. В результате анализа рассмотренных выше дел складывается впечатление, что применение института налоговых льгот как в административной, так и в судебной практике будет порождать правовую неопределенность ровно до того момента, пока ВС РФ не изложит свою позицию в отношении порядка применения налоговых льгот. Конечно, такая тенденция заведомо ограничивает права налогоплательщиков на применение льгот, поскольку в отдельных случаях даже в судебной практике имеются противоположные позиции по тому или иному вопросу.

Яркой иллюстрацией сказанного является определение условий применения налоговых льгот по налогу на добавленную стоимость, что также достаточно часто становится предметом рассмотрения ВС РФ. Так, законодатель освобождает от налогообложения налогом на добавленную стоимость (далее – НДС) образовательные услуги (пп. 14 п. 2 ст. 149 НК РФ), но в судебной практике не сложилось единого мнения по вопросу о том, освобождаются ли от НДС услуги, которые не являются образовательными, но напрямую связанные с образовательным процессом (питание студентов, прокат музыкальных инструментов и т.п.).

В соответствии с позицией Арбитражного суда Дальневосточного округа, налоговое законодательство позволяет применить льготу только в отношении непосредственно образовательных услуг, а иная экономическая деятельность этого образовательного учреждения должна облагаться НДС. Однако Арбитражным судом Северо-Кавказского округа была занята иная сторона по этому вопросу. Рассматривая дело об обложении НДС предоставления курсантам форменной одежды, трудовых книжек, курсантских билетов, форменных значков и т.д., суд принял решение, что данные операции не должны облагаться НДС.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать ряд следующих выводов и предложений.

1. Налоговые льготы являются одним из наиболее неразработанных, неоднозначных и неопределенных правовых институтов, порождающих многочисленные споры, разрешение которых является серьезной проблемой и для судебных органов. К сожалению, приходится констатировать, что правовая регламентация налоговых льгот остается неэффективной. Законодатель порой формулирует предписания о налоговых льготах таким образом, что создается неопределенность в толковании условий их применения.
2. Наиболее распространенными спорами в сфере налоговых льгот являются споры о привлечении налогоплательщиков к ответственности в связи с неправомерным

использованием налоговых льгот, а также споры об отказе в предоставлении налоговых льгот. Содержание судебных споров по конкретным делам иллюстрирует тенденцию к формальному, дифференцированному подходу к применению положений налогового законодательства, не учитывающего цели налогового льготирования, механизм его функционирования, действительную волю законодателя. В результате, конкретизация законодательных положений и в целом создание единого правового режима налоговых льгот осуществляется лишь на уровне ВС РФ, правовые позиции которого на сегодняшний день выступают основным и, пожалуй, единственным ориентиром для правоприменителя.

3. С учетом рассмотренных проблем, складывающихся в судебной практике относительно применения налоговых льгот, представляется необходимым внесение законодательных изменений в части уточнения и конкретизации условий предоставления налоговых льгот:

1) законодательные положения, посвященные налоговым льготам, должны быть обособлены в самостоятельной главе НК РФ, в которой следует не только сформулировать дефиницию налоговых льгот, иных налоговых преференций, сформировать их критерии, но и разработать нормы, предусматривающие: а) систематизацию налоговых льгот; б) уточнение правового режима для каждого вида налоговых льгот; в) уточнение и систематизацию условий предоставления налоговых льгот; г) принципы и общие ориентиры предоставления налоговых льгот;

2) в нормах специальной части НК РФ, посвященных налоговым льготам по конкретным налогам, целесообразно конкретизировать условия их предоставления.

Библиография

1. Адвокатова А.С. Правовая природа налоговых льгот. Теория и правоприменительная практика // Научные записки молодых исследователей. 2014. № 1. С. 36-41. EDN: SALJKV.
2. Азархин А.В., Петров Р.В. Налоговые льготы как институт российского налогового права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 242-244. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-4-143-242-244. EDN: ВНЕСНН.
3. Голованев М.А. Применение отдельных принципов налогового права в спорах о налоговых льготах // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2024. № 1. С. 69-86. DOI: 10.55959/MSU2413-631X-27-15-1-06. EDN: MELGWL.
4. Жарулина Э.И. Оценка эффективности налоговых льгот в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 26 с.
5. Короткова Е.А. Актуальность проблемы использования налоговых льгот // Парадигма. 2019. № 2. С. 49-52. EDN: FQDTYY.
6. Моргоева А.Х. Анализ количественных показателей налоговых споров, регулируемых кассационными судами и верховным судом РФ // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 13. № 11 (152). С. 94-100. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.11.13.011. EDN: QSIJLZ.
7. Морев Д.В. Налоговые споры: как кассационная инстанция ломает практику низовых судов // Налоговед. 2024. № 5. С. 43-51. EDN: OMCWKC.
8. Тимофеев С.В. Налоговые льготы в Российской Федерации: проблемы и недостатки // Налоги. 2023. № 2. С. 14-17.
9. Федосимов Б.А. Правовое регулирование налогового льготирования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 247 с.
10. Федосимов Б.А. Совершенствование правовой регламентации института налогового льготирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 88-99.

DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).88-99. EDN: YKOOJY.

11. Федосимов Б.А. ГЛАВА 1. Теоретико-правовые основы применения налоговых льгот (глава в книге) // Правовое регулирование налогового льготирования в Российской Федерации. Чебоксары, 2025. С. 17-66.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, институт налоговых льгот в судебной практике. Автор сосредоточил внимание на анализе ряда соответствующих проблемных аспектов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В последнее время в судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции все чаще поднимаются вопросы, касающиеся порядка установления, применения и использования налоговых льгот. В этой связи усилилась и разработанность темы исследования [2; 4; 6; 7; 9; 11]. Такая тенденция представляется вполне закономерной на фоне увеличения количества налоговых споров в этой сфере [10, с. 50]. Особенно заметен рост числа подобных дел в период с 2021 по 2024 гг. по сравнению с предыдущими временными отрезками. Активно налоговые споры начали рассматривать и Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в кассационном порядке, и Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в порядке конституционного контроля".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Вместе с тем, представляется, что КС РФ были представлены вполне обоснованные правовые позиции, которые должны лечь в основу правового режима налоговых льгот. В частности, КС РФ неоднократно указывал, что налоговые льготы должны соответствовать принципу равенства, не носить индивидуального и дискриминационного характера. Хотя, законодатель, как было установлено ранее, порой формулирует правовые предписания о налоговых льготах таким образом, что создает неопределенность, приводящую к спорам, в том числе по причине их дискриминационного характера. В своих правовых позициях КС РФ также уточняет критерии налоговых льгот и приводит обоснованные выводы, касающиеся отнесения к ним тех или иных налоговых преференций, что, безусловно, имеет важное значение для создания единого правового режима института налоговых льгот"; "В данном случае пониженный тариф страховых взносов не мог быть рассмотрен в качестве налоговых льгот, поскольку его применение, следуя буквальному толкованию законодательных положений, осуществляется не в заявительном, а в императивном порядке. В этом и заключается практическое значение понятия «налоговая льгота», определение которого влияет на распределение бремени доказывания между налоговым органом и налогоплательщиком. В случае, когда налоговая преференция не является льготой, налогоплательщик не обязан доказывать свое право на ее применение"; "Отмечается, в частности, что налоговый орган не вправе отказывать в применении налоговой льготы лишь на основании непредоставления налогоплательщиком всех необходимых документов, которые могут быть получены налоговым органом самостоятельно в порядке межведомственного

электронного взаимодействия. Более того, даже необращение в налоговый орган с заявлением о предоставлении льготы не лишает налогоплательщика права на ее получение"; "Нередко как и налоговые органы, так и суды формально подходят к проверке соблюдения условий предоставления налоговых льгот. ... К сожалению, в отдельных случаях расходятся даже позиции судов по вопросу соблюдения условий предоставления налоговых льгот"; "Споры об определении условий применения налоговых льгот являются, пожалуй, наиболее распространенными и одновременно наиболее сложными в судебном правоприменении данного института. Анализируя рассмотренные выше дела, складывается впечатление, что, применение института налоговых льгот как в административной, так и в судебной практике будет порождать правовую неопределенность ровно до того момента, пока ВС РФ не изложит свою позицию в отношении порядка применения налоговых льгот. Конечно, такая тенденция заведомо ограничивает права налогоплательщиков на применение льгот, поскольку в отдельных случаях даже в судебной практике имеются противоположные позиции по тому или иному вопросу" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует некоторые проблемные вопросы применения института налоговых льгот в судебной практике. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Хотя, законодатель, как было установлено ранее, порой формулирует правовые предписания о налоговых льготах таким образом, что создает неопределенность, приводящую к спорам, в том числе по причине их дискриминационного характера" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Налоговый орган при этом исходил из общеустановленного тарифа страховых взносов 30%, не приняв во внимание, что для субъектов малого бизнеса, к которым относился и налогоплательщик, установил пониженный тариф в размере 15%" - "установлен" (опечатка).

Автор указывает: "Однако главный, по нашему мнению, вывод заключается в том, что степень дифференциации условий налогообложения определяет не налоговый орган, а законодатель, поэтому отказ от предоставления налоговых льгот должен быть обоснован, не должен не ущемлять права налогоплательщика и не ставить его в неравные условия в сравнении с иными налогоплательщиками" - "Однако главный, по нашему мнению, вывод заключается в том, что степень дифференциации условий налогообложения определяет не налоговый орган, а законодатель, поэтому отказ от предоставления налоговых льгот должен быть обоснован, не должен ущемлять права налогоплательщика и ставить его в неравные условия по сравнению с иными налогоплательщиками" (опечатки).

Ученый пишет: "Анализируя рассмотренные выше дела, складывается впечатление, что, применение института налоговых льгот как в административной, так и в судебной практике будет порождать правовую неопределенность ровно до того момента, пока ВС РФ не изложит свою позицию в отношении порядка применения налоговых льгот" - "В результате анализа рассмотренных выше дел складывается впечатление, что применение института налоговых льгот как в административной, так и в судебной практике будет порождать правовую неопределенность ровно до того момента, пока ВС

РФ не изложит свою позицию в отношении порядка применения налоговых льгот" (пунктуационные и стилистические ошибки).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки.

Библиография исследования представлена 11 источниками (диссертационными работами и научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования (ученым анализируется судебная практика по вопросам применения налоговых льгот). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Налоговые льготы являются одним из наиболее неразработанных, неоднозначных и неопределенных правовых институтов, порождающих многочисленные споры, разрешение которых является серьезной проблемой и для судебных органов. К сожалению, приходится констатировать, что правовая регламентация налоговых льгот остается неэффективной. Законодатель порой формулирует предписания о налоговых льготах таким образом, что создается неопределенность в толковании условий их применения. 2. Наиболее распространенными спорами в сфере налоговых льгот являются споры о привлечении налогоплательщиков к ответственности в связи с неправомерным использованием налоговых льгот, а также споры об отказе в предоставлении налоговых льгот. Содержание судебных споров по конкретным делам иллюстрирует тенденцию к формальному, дифференцированному подходу к применению положений налогового законодательства, не учитывающего цели налогового льготирования, механизм его функционирования, действительную волю законодателя. В результате, конкретизация законодательных положений и в целом создание единого правового режима налоговых льгот осуществляется лишь на уровне ВС РФ, правовые позиции которого на сегодняшний день выступают основным и, пожалуй, единственным ориентиром для правоприменителя. 3. С учетом рассмотренных проблем, складывающихся в судебной практике относительно применения налоговых льгот, представляется необходимым внесение законодательных изменений в части уточнения и конкретизации условий предоставления налоговых льгот: 1) законодательные положения, посвященные налоговым льготам, должны быть обособлены в самостоятельной главе НК РФ, в которой следует не только сформулировать дефиницию налоговых льгот, иных налоговых преференций, сформировать их критерии, но и разработать нормы, предусматривающие: а) систематизацию налоговых льгот; б) уточнение правового режима для каждого вида налоговых льгот; в) уточнение и систематизацию условий предоставления налоговых льгот; г) принципы и общие ориентиры предоставления налоговых льгот; 2) в нормах специальной части НК РФ, посвященных налоговым льготам по конкретным налогам, целесообразно конкретизировать условия их предоставления"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере налогового права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Институт налоговых льгот в судебной практике: некоторые проблемные аспекты» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере налогообложения и практика их применения, а именно, вопросы установления, применения и использования налоговых льгот.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический и др. Применение современных методов научного познания позволило автору сформулировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Тема статьи является актуальной. Автор правильно отмечает, что «в последнее время в судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции все чаще поднимаются вопросы, касающиеся порядка установления, применения и использования налоговых льгот». Особое внимание автор обращает на отсутствие субстантивного наполнения термина «налоговая льгота», что создает сложности в правоприменении. А также, существующие проблемы дискриминационного характера в этой области налогового законодательства, связанные с нарушением принципа равенства налогоплательщиков, не способствуют эффективному и рациональному формированию бюджета. Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования налогового законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в и этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной. В частности, заслуживает внимания вывод автора статьи: «... налоговые льготы являются одним из наиболее неразработанных, неоднозначных и неопределенных правовых институтов, порождающих многочисленные споры, разрешение которых является серьезной проблемой и для судебных органов. К сожалению, приходится констатировать, что правовая регламентация налоговых льгот остается неэффективной. Законодатель порой формулирует предписания о налоговых льготах таким образом, что создается неопределенность в толковании условий их применения». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной, которые можно расценивать как вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию соответствует своему названию. Тема раскрыта. Автором соблюдены требования к объему материала. Материал изложен последовательно и ясно. Теоретические положения грамотно проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология, в том числе, и юридическая. Автором предпринята попытка структурировать статью. Структура статьи соответствует требованиям, предъявляемым к научно-исследовательским работам. В содержании

статьи присутствуют разделы: введение, основная часть и заключение. Во введении определена актуальность темы, предмет и методология исследования. В основной части статьи автор, выявляя проблемы законодательства о налоговых льготах, не только корректно апеллирует к оппонентам, но и аргументирует собственную позицию, характеризующуюся научной новизной. В заключении кратко представлены итоги исследования. Замечаний нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет, ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения корректные, оформлены ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Институт налоговых льгот в судебной практике: некоторые проблемные аспекты» может быть рекомендована к опубликованию. Статья соответствует редакционной политике научного журнала «Юридические исследования». Тема является актуальной, статья отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Статья по этой теме будет представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области налогового права, административного права, а также, будет полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Гончарова Ю.В. Публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах-участницах ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан // Юридические исследования. 2025. № 9. С. 171-184. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75238 EDN: PIKQVH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75238

Публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах-участницах ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан

Гончарова Юлия Викторовна

ORCID: 0009-0008-2929-7342

начальник юридического отдела; юридический отдел; ООО "Калужская Нива"

248003, Россия, Калужская обл., г. Калуга, ул. Никитина, д. 83, кв. 5

✉ goncharova.julia@bk.ru

[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75238

EDN:

PIKQVH

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2025

Дата публикации:

06-10-2025

Аннотация: В работе проведено исследование правовых отношений, возникающих в области производства и оборота органической продукции на территории Республики Казахстан. Предметом исследования является опыт Республики Казахстан в законодательной деятельности в области производства и оборота органической продукции, совершенствования принятого законодательства в исследуемой области с учетом изменений требований мировых стандартов производства органической продукции. Цель исследования – провести сравнительный анализ международного опыта и опыта России в сфере органического хозяйства, рассмотреть некоторые проблемы и эффективность правового регулирования оборота органической продукции в России.

Задачи исследования – обосновать необходимость законодательного регулирования производства органической продукции, а также обозначить риски развития органического производства; выявить меры финансовой поддержки производителей органической продукции. Методологическая основа исследования представлена системно-структурным методом, который использовался при изучении законодательства в области производства органической продукции; метод сравнительного правоведения использовался в ходе анализа норм законодательства с целью выявления взаимосвязей, общих характеристик с иными отраслями права; статистический метод позволил обобщить информацию, содержащуюся в отчетах. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последнее время в Российской Федерации отмечен законодательный интерес в развитии отечественного рынка производства органической продукции, что нашло отражение в принятом Президентом Российской Федерации Указа № 309 от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», изучение опыта, а также его имплементация поможет России с ее огромным потенциалом для производства органической продукции, наличием площадей сельскохозяйственных угодий и природных ресурсов занять лидирующее место среди мировых производителей органической сельскохозяйственной продукции. Установлены существенные отличия публично-правового регулирования отношений в области производства органической продукции на примере России и Республики Казахстан. Выявлены основные проблемы, сдерживающие развитие взаимной торговли органической продукции внутри ЕАЭС. Внесены предложения о необходимости дополнения действующего законодательства, в частности предложено разграничить понятия "производство органической продукции" и "оборот органической продукции", разработать единую государственную систему поддержки производителям органической продукции.

Ключевые слова:

органическая продукция, производство органической продукции, продовольственная безопасность, устойчивое развитие, система взаимных гарантий, сертификация, подтверждение соответствия, стандарты производства, маркировка, оборот органической продукции

Тенденции развития мировой экономики в области сельскохозяйственной деятельности в последнее время направлены на производство экологических, качественных и безопасных продуктов питания, ведение сельского хозяйства способом, оказывающим наименьшее воздействие на окружающую природную среду, снижение техногенной нагрузки на экологическую обстановку, поддержание и сохранение здоровья человека и животных. Необходимость закрепления гарантий, установленных статьей 12 Конституции РФ о праве граждан на безопасную окружающую среду обусловлены Доктриной продовольственной безопасности РФ и Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [\[1\]](#). Воронина Н.П. и Ведышева Н.О. указывают на необходимость выработки стратегического планирования развития органического сельского хозяйства, как одного из условий обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельского хозяйства [\[2\]](#). О потребности установления эколого-правового регулирования отмечает Новикова Е.В. [\[3\]](#), Шпаковский Ю.Г. неразрывно связывает социальное благополучие с наличием правового регулирования в области экологии и

продовольственной безопасности [\[4\]](#).

Производство органической сельскохозяйственной продукции (далее – органическая продукция) и ее оборот на рынке сельскохозяйственной продукции направлены на достижение целей сохранения экологической обстановки, природного разнообразия, охраны национального здоровья и увеличения продолжительности жизни [\[6\]](#), что является одной из первостепенных задач, стоящей перед Россией и странами-участницами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), в рамках международного сотрудничества, рассматривающих возможность обращения органической продукции внутри ЕАЭС. Необходимость исследования нормативно-правовых актов в области производства органической продукции, принятых в ЕАЭС с целью повышения экспортного потенциала органической продукции и развитию органического хозяйства в странах-участницах ЕАЭС нашла отражение в работах Вартамовой М.Л. [\[5\]](#).

В настоящее время отсутствие Соглашения о взаимном признании стандартов производства органической продукции (далее – соглашение об эквивалентности) внутри стран-участниц ЕАЭС, не позволяет странам, входящим в ЕАЭС вести торговую деятельность органической продукцией. Обязательным условием для экспорта органической продукции является получение страной-экспортером сертификата соответствия продукции органическим стандартам принимающей страны, соглашение об эквивалентности внутри ЕАЭС позволит устранить существующие барьеры, снизить затраты производителей на прохождение процедур соответствия продукции органическим стандартам. Сейчас для экспорта органической продукции в страны ЕАЭС, необходимо получить пять сертификатов соответствия продукции по числу стран-участниц, соглашение об эквивалентности предполагает использование одного сертификата соответствия.

Однако следует обратить внимание, что отсутствие соглашения об эквивалентности не является единственной проблемой, касающейся экспорта органической продукции внутри ЕАЭС. Более того, существенные различия в законодательстве стран-участниц ЕАЭС, специфика отношений внутри ЕАЭС, не позволяют достигнуть определенных договоренностей о совместной деятельности по производству и обороту органической продукции, а также свободному ее обращению в ЕАЭС.

О перспективах развития рынка производства органической продукции подробно изложено в исследованиях Пивоварова В.Ф., Разина А.Ф., Ивановой М.И., Мещеряковой Р.А.

Иншакова А.О. и Анисимова А.П., отмечают, что стандарты в области производства органической продукции стран-участниц ЕАЭС нуждаются в существенной доработке и приведению в соответствие с мировыми требованиями к производству органической продукции [\[6\]](#).

Страны-участницы ЕАЭС приняли национальные стандарты производства и законодательные акты в области отношений, связанных с органической продукцией, имеющие как сходные между собой положения, так и существенные отличия как по сроку принятия, так и по своему юридическому содержанию, понятийному аппарату и пр. [\[7\]](#).

Республика Армения приняла закон № 23-Н «Об органическом сельском хозяйстве» в 2008 г., который является первым принятым национальным законодательством в области

производства органической продукции в ЕАЭС. В Республике Беларусь действует закон от 09.11.2018 г. № 144-З «О производстве и обращении органической продукции», в Российской Федерации отношения, связанные с производством органической продукции регулируются в соответствии с федеральным законом от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и внесении изменений в отдельные законодательные акты». Республика Киргизия приняла закон № 66 «Об органическом производстве» только в 2023 г., чему предшествовал довольно длительный период согласования. В Республике Казахстан в настоящее время действует закон от 10.06.2024 г. № 89-VIII ЗРК «О производстве и обороте органической продукции», заменивший ранее действующий закон от 27.11.2015 г. № 423-V ЗРК «О производстве органической продукции».

Остановимся подробнее на законодательстве Республики Казахстан в области производства и оборота органической продукции.

Следует отметить, что в Республике Казахстан на государственном уровне не только принята стратегия по развитию рынка органической продукции, но и проведена работа по привлечению в этот сегмент миллиардных инвестиций для быстрого запуска производства и выхода на международный рынок органической продукции [\[11\]](#).

Республика Казахстан согласно исследованиям [\[8\]](#), проведенным **Научно-исследовательским институтом органического сельского хозяйства (далее – FiBL)** совместно с **Международной федерацией движений за органическое сельское хозяйство (далее – IFOAM)**, является одним из лидеров среди производителей-экспортеров органической продукции в мире, занимая 4-е место среди экспортеров органической пшеницы, 6-е место по экспорту органических семян масличного льна и общее 9-е место среди мировых экспортеров органической продукции [\[9\]](#). Рейтинг составлен среди 123 мировых стран-производителей органической продукции, в число которых вошли США, занимающее первое место, далее Германия и Китай, занявшие соответственно второе и третье места.

В России международные сертификаты соответствия стандартам производства органической продукции получил 61 производитель из 262 предприятий [\[10\]](#), занимающихся производством органической продукции, из них сертификат, позволяющий экспортировать продукцию в страны Европейского союза имеют 40 производителей, 19 производителей получили сертификат США, что не позволяет на данном этапе занимать какие-либо места в рейтинге экспортеров-производителей органической продукции и выходить на мировые рынки, несмотря на наличие ресурсов как для производства, так и для экспорта органической продукции. Тем не менее, в настоящее время Россия является лидером по темпам прироста земель, используемых в органическом производстве, занимая 23 место в мире по этому показателю [\[12\]](#). Планируется к концу 2025 года, в соответствии с поставленной Президентом РФ задачей, стать мировым лидером на рынке органической продукции и довести долю присутствия до 15 % от мирового производства для чего надо освоить дополнительно 10 млн. га. земель сельскохозяйственного производства.

В связи с этим, примечателен опыт Республики Казахстан в области выработки законодательства, регулирующего отношения в области производства и оборота органической продукции.

Необходимость принятия закона от 10.06.2024 г. № 89-VIII ЗРК «О производстве и обороте органической продукции» (далее – закон № 89-VIII ЗРК) была обусловлена

несоответствием положений ранее действующего закона Республики Казахстан № 423-V ЗРК «О производстве органической продукции» от 27.11.2015 г. (далее – закон № 423-V ЗРК) мировым тенденциям в области производства и оборота органической продукции.

В первую очередь следует обратить внимание на расширение понятийного аппарата закона № 89-VIII ЗРК. Введение понятия «оборот органической продукции» вполне обосновано, так как помимо непосредственных производителей органической продукции, в отношениях присутствуют и процессы, не связанные с производством, такие как транспортировка, хранение, маркировка, реализация через торговые сети, утилизация органической продукции. В ранее действующем законе № 423-V ЗРК понятие «оборот органической продукции» отсутствовало, так же как отсутствует понятие «оборот органической продукции» и в российском законодательстве об органической продукции. В соответствии со статьёй 2 Федерального закона от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и внесении изменений в отдельные законодательные акты» (далее – ФЗ № 280-ФЗ) в понятие «производство органической продукции» законодателем заложены все процессы жизнедеятельности органической продукции, такие как производство, маркировка, транспортировка, хранение, что на взгляд автора требует уточнения и разграничения производственных циклов органической продукции с иными процессами, не связанными с ним [\[13\]](#).

Далее, наряду с понятием «оборот органической продукции» законом № 89-VIII ЗРК введено понятие «система учета и прослеживаемости органической продукции». Система учета и прослеживаемости представляет собой информационную базу данных, которая содержит все необходимые сведения об органической продукции, включая ее состав, способы производства и получения, а также сведения о процессах, не связанных с производством органической продукции, что по мнению автора, позволяет участникам процесса производства, проверяющим органам, потребителям и иным заинтересованным лицам получать достоверную информацию о всех этапах жизнедеятельности органической продукции от момента ее производства до реализации конечному потребителю либо утилизации. В ФЗ № 280-ФЗ не предусмотрен инструментарий учета органической продукции, как и отсутствует Реестр семян сельскохозяйственных растений и сельскохозяйственных животных, используемых для производства органической продукции содержит сведения о предприятиях-производителях, местах хранения семян растений и животных, предназначенных именно для использования в органическом производстве, создавая единую базу данных, функции по ведению которого возложены на министерство сельского хозяйства Республики Казахстан.

Обращает на себя внимание и закрепление в законе № 89-VIII ЗРК государственной поддержки в виде субсидирования затрат производителей органической продукции при прохождении сертификации и получения подтверждения соответствия продукции органическим стандартам, которая осуществляется в соответствии с законом Республики Казахстан от 08.07.2025г. № 66-III ЗРК «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий».

В российском праве на настоящий момент отсутствует единая государственная политика в установлении средств стимулирования и поддержки для производителей органической продукции [\[14\]](#), предоставление субсидий производителям органической продукции осуществляется лишь региональными мерами поддержки, но далеко не во всех субъектах Российской Федерации, в которых органическое производство имеет место быть [\[15\]](#).

Полухин А.А., Кондратьева О.В., Войтюк В.А., Слинко О.В. отмечают, что развитие

системы государственной поддержки, разработка ключевых механизмов стимулирования для производителей органической продукции, а также для участников иных процессов, не связанных с производством, являются ключевым фактором устойчивого развития органического производства, причем поддержка государства должна оказываться системно, охватывая не только производство, но и подготовку кадров, стимулирование торговых сетей, а так же создание таких условий, при которых производство органической продукции будет экономически выгодно для производителя [\[16\]](#).

Ввиду высоких затрат на прохождение сертификации по национальным стандартам производства органической продукции, необходимостью получения международных сертификатов соответствия производства органической продукции законом № 89-VIII ЗРК введена норма, позволяющая сократить издержки производителей в этой части. Это возможность создавать объединения производителей – простые товарищества, для целей прохождения процедур подтверждения соответствия продукции стандартам производства органической продукции, с последующим созданием «системы совместных гарантий (PGS)». В этом случае участники таких объединений могут получать сертификат соответствия продукции стандартам производства органической продукции на всех членов простого товарищества, избирать лицо, уполномоченное на ведение документального прохождения сертификации, на основании заключенного договора либо соглашения о ведении совместной деятельности. Такая система гарантий обеспечивает прозрачность, открытость и доверие между участниками товарищества и иными участниками отношений в исследуемой области.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о системном комплексном подходе Республики Казахстан в выработке государственной политики в области исследуемых отношений.

В России создание объединений производителей органической продукции и системы совместных гарантий поможет повысить интерес малых форм хозяйствующих субъектов к переходу от традиционного сельского хозяйства к органическому сельскому хозяйству и производству органической продукции, позволит снизить издержки на получение сертификата соответствия продукции органическим стандартам, а также будет содействовать продовольственной безопасности, достижению поставленных Президентом РФ национальных целей и устойчивому развитию сельских территорий.

Существенным препятствием в достижении договоренностей между странами-участницами ЕАЭС в заключении соглашения об эквивалентности является также наличие существенных различий в требованиях, предъявляемых к маркировке продукции. Если законом Российской Федерации об органической продукции при маркировке органической продукции допускается использование слов, кроме «органический» и производных от него, таких слов как «биологический», «экологический», то законом о производстве и обороте органической продукции Республики Казахстан закреплен запрет на использование при маркировке органической продукции любых слов и производных от них, кроме слова «органический» и производных от него. Именно жесткие требования к маркировке органической продукции, использование не допускающих двойного толкования терминов являются основными гарантиями качества для потребителей органической продукции, ограничивая злоупотребление (гринвошинг) [\[17\]](#).

Проведенное исследование, позволяет сделать вывод, что существующие различия в нормативно-правовом регулировании производства и оборота органической продукции, требованиях, предъявляемых к маркировке продукции, различий в понятийном аппарате,

используемом в законодательных актах в исследуемой области двух стран-участниц ЕАЭС России и Республики Казахстан, не позволяют достигнуть договоренностей в заключении соглашения об эквивалентности. В настоящее время, законодательство России и стран-участниц ЕАЭС нуждается в доработке, в частности имеется необходимость уточнить понятийный аппарат, используемый в законах об органической продукции, применительно для российского законодательства ввести понятие «оборот органической продукции», установить и разграничить ответственность производителей органической продукции от ответственности иных участников процессов, не связанных с производством органической продукции, разработать единую систему государственной поддержки и гарантий для производителей органической продукции, обеспечить доступ населения к информации о качестве и свойствах органической продукции через социальную рекламу, ввести органическую продукцию путем осуществления государственных закупок продуктов питания в бюджетные учреждения - детские сады, школы и иные социальные учреждения, тем самым закладывая основу здоровья нации.

Несмотря на то обстоятельство, что законодательства стран-участниц ЕАЭС имеют различия, применение опыта стран-участниц ЕАЭС, в частности Республики Казахстан, позволят России с учетом особенностей, свойственных российской правовой системе, выработать меры по совершенствованию национального законодательства в области отношений, связанных с органической продукцией.

Библиография

1. Гончарова Ю.В. Органическое сельское хозяйство как гарант права человека на благоприятную окружающую среду // Сборник научных статей и докладов XIV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией П.А. Меркулова. Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики. г. Орёл, 2022. С. 103-109. EDN: TXNJBFB.
2. Воронина Н.П., Ведышева Н.О. Эколого-правовое обеспечение продовольственной безопасности в системе национальных приоритетов РФ // Монография. Москва, 2024. С. 112.
3. Новикова В.Е. Эколого-правовое регулирование на этапе развития зеленой экономики в России // Экологическое право. 2020. № 4. С. 9-16.
4. Шпаковский Ю.Г. Юридическое законотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6 (151). С. 145.
5. Вартамова М.Л. Формирование и перспективы развития единого рынка органической продукции стран ЕАЭС // Российское предпринимательство. 2019. № 3. Т. 20. С. 633-644. DOI: 10.18334/rp.20.3.40514. EDN: ZCDPBR.
6. Иншакова А.О., Анисимова А.П. Аграрные технологии органического земледелия как фактор развития правового обеспечения внешнеторгового оборота в ЕАЭС // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей Международного юридического форума памяти профессора В.К. Пучинского. Под редакцией Е.Е. Фроловой, Е.П. Русаковой. Москва, 2021. С. 121-131. EDN: BSQOOX.
7. Соколова Ж.Е. Достижения и возможности производства и торговли органической продукции на пространстве ЕАЭС (на примере Киргизии и Белоруссии) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2018. № 9 (42). С. 15-23. EDN: YRSBMT.
8. Официальный сайт Союза органического земледелия // <https://xn--80aaebhr4cacjh3gze.xn--p1ai/news/opublikovan-svezhij-ezhegodnyj-obzor-mir-organicheskogo-selskogo-hozyajstva-2025/> (дата обращения: 20.07.2025).

9. Информационный интернет-ресурс (статистические данные) // <https://www.organic-world.net/index/news-organic-world/article/3620.html> (дата обращения: 20.07.2025).
10. Информационный портал органики // <https://organicfund.ru/potrebitelyam/informacionnyj-portal-organiki> (дата обращения: 20.07.2025).
11. Болатбек Б.Б., Нурахова Б.Ж., Сатбаева Г.С. Органическое сельское хозяйство Казахстана: цели, научные принципы // Проблемы агрорынка. 2025. № 1. <https://doi.org/10.46666/2025-1.2708-9991.15> (дата обращения: 20.07.2025).
12. Архипова В.А. Тенденции развития органического сельского хозяйства в России на фоне мировых трендов // Экономические науки. 2023. № 2. // <http://oecomia-et-jus.ru/single/2023/2> (дата обращения: 20.07.2025).
13. Гончарова Ю.В., Гусева Т.А. Производство органической продукции в Российской Федерации: законодательное обеспечение и правоприменительная практика // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 40. № 4. С. 81-89. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-81-89. EDN: GLWIZX.
14. Тихомирова И.А. Государственная поддержка производства органической продукции в Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия "Право". 2021. Т. 21. № 3. С. 117-123. DOI: 10.14529/law210317. EDN: RTBRII.
15. Павлов А.Ю. Концептуальные основы оказания государственной поддержки производителям органической продукции на различных типах сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. Т. 66. № 6 (396). С. 579-582. DOI: 10.55186/25876740_2023_66_6_579. EDN: IODBXN.
16. Полухин А.А., Кондратьева О.В., Войтюк В.А., Слинко О.В. Ключевые направления государственной поддержки развития органического сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 2. С. 41-46. DOI: 10.32651/252-41. EDN: NDHDUM.
17. Ельникова Е.А. Правовые средства стимулирования развития российского органического сельскохозяйственного производства // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 140-143.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах-участницах ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. В заголовке имеется опечатка - "странах-участницах".

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Тенденции развития мировой экономики в области сельскохозяйственной деятельности в последнее время направлены на производство экологических, качественных и безопасных продуктов питания, а также ведения сельского хозяйства способом, оказывающим наименьшее воздействие на окружающую природную среду, снижением техногенной нагрузки на экологическую обстановку, а также направленной на поддержание и сохранение здоровья человека и животных. Доктрина продовольственной безопасности РФ и Указ Президента РФ «О национальных

целях развития российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» также подтвердили необходимость законодательного закрепления гарантий, закрепленных статьей 12 Конституции РФ о праве граждан на безопасную окружающую среду [1]. Производство органической сельскохозяйственной продукции (далее – органическая продукция) и ее обращение на рынке сельскохозяйственной продукции направлено на достижение целей сохранения экологической обстановки, природного разнообразия, охраны национального здоровья и увеличения продолжительности жизни [2], что является одной из первостепенных задач, стоящих перед странами-участницами Единого экономического союза (далее – ЕАЭС), в рамках международного сотрудничества, рассматривающих возможность обращения органической продукции внутри ЕАЭС". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Однако, следует обратить внимание, что отсутствие соглашения об эквивалентности не является единственной проблемой, касающейся экспорта органической продукции внутри ЕАЭС. Более того, существенные различия в законодательстве стран-участниц ЕАЭС не позволяют достигнуть определенных договоренностей в совместной деятельности по производству и обороту органической продукции, а также свободному ее обращению в ЕАЭС. Каждая страна-участница ЕАЭС имеет свое законодательное регулирование, в области отношений, связанных с органической продукцией, имеющее и сходные положения, и существенные отличия между собой как по сроку принятия, так и по юридическому содержанию"; "По мнению автора, применительно к российскому закону об органической продукции, то здесь стоит отметить, что создание подобных обществ и системы совместных гарантий поможет повысить интерес мелких производителей к переходу от традиционного сельского хозяйства к органическому сельскому хозяйству и производству органической продукции, позволит снизить издержки на получение сертификата соответствия продукции органическим стандартам, а также будет содействовать продовольственной безопасности, достижению поставленных Президентом РФ национальных целей и устойчивому развитию сельских территорий" и др. Однако в целом статья носит описательный, реферативный характер, представляя собой компиляцию использованных при ее написании источников.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует особенности публично-правового регулирования производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участницах ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан. В заключительной части работы содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В настоящее время отсутствие подписанного Соглашения о взаимном признании стандартов производства органической продукции (далее – соглашение об эквивалентности) внутри стран-участниц ЕАЭС, не позволяет странам, входящим в ЕАЭС осуществлять торговую деятельность органической продукцией, так как экспорт органической продукции осуществляется только в соответствии с принятыми на территории страны экспортера стандартами производства органической продукции" - "В настоящее время отсутствие подписанного Соглашения о взаимном признании стандартов производства органической продукции (далее – соглашение об эквивалентности) внутри стран-участниц ЕАЭС не позволяет странам, входящим в ЕАЭС,

осуществлять торговлю органической продукцией, так как экспорт органической продукции осуществляется только в соответствии с принятыми на территории страны-экспортера стандартами производства органической продукции" (см. на пунктуацию и стилистику).

Ученый отмечает: "Каждая страна-участница ЕАЭС имеет свое законодательное регулирование, в области отношений, связанных с органической продукцией, имеющее и сходные положения, и существенные отличия между собой как по сроку принятия, так и по юридическому содержанию" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "Страны-участницы ЕАЭС имеют действующее в настоящее время законодательные акты и национальные стандарты, регулирующие отношения, связанные с производством и обращением (оборотом) органической продукции" - "действующие" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 11 источниками (научными статьями и аналитическими материалами). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведенное исследование, позволяет сделать автору вывод, что существующие различия в нормативно-правовом регулировании производства и оборота органической продукции, условиях маркировки, различия в применяемом понятийном аппарате, используемом в законодательных актах в исследуемой области двух стран-участниц ЕАЭС России и Республики Казахстан, не способствуют достижению соглашения о признании стандартов производства органической продукции между странами-участницами ЕАЭС"), однако они носят общий характер. Автору необходимо указать, в чем именно заключается положительный опыт Казахстана, что конкретно необходимо сделать для устранения существующих различий в национальном нормативно-правовом регулировании производства и оборота органической продукции. Таким образом, выводы по результатам проведенного исследования нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере аграрного права, земельного права при условии ее доработки: уточнении наименования работы, раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов научной новизны и дискуссионности, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие регулирования производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы сравнительно-правового анализа в части сопоставления публично-правового регулирования производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС; обобщение – для суммирования опыта государств участниц ЕАЭС; метод интерпретации правовых норм и юридико-догматический, примененные автором в целях толкования законодательства государств участниц ЕАЭС.

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений, учитывая вызовы стоящие перед экономикой и экологическими системами стран участниц ЕАЭС. Как отмечено автором, «необходимость закрепления гарантий, установленных статьей 12 Конституции РФ о праве граждан на безопасную окружающую среду обусловлены Доктриной продовольственной безопасности РФ и Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»». Актуализирует тематику исследования также поставленная Президентом РФ задача к концу 2025 года выйти в мировые лидеры рынка органической продукции и нарастить долю присутствия до 15 % от мирового производства. Опыт правового регулирования производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС на примере Республики Казахстан мог бы быть весьма полезен и в формировании как соответствующей отечественной правовой базы, так и законодательства других стран участниц ЕАЭС.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуется публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан. Выделены проблемы синхронизации правового регулирования в странах участниц ЕАЭС: терминологические различия; наличие существенных различий в требованиях, предъявляемых к маркировке продукции, а также подходах к стимулированию и поддержке производителей органической продукции и т.д.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

В плане оформления выявлена опечатка: «...стать мировым лидером на рынке органической продукции и довести долю присутствия до 15 % от мирового производства для чего надо освоить дополнительно 10 млн. га. Земель» (отсутствие пробела между «дополнительно» и «10 млн.»).

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Выделяя главную проблему – существенные отличия в нормативно-правовом

регулировании производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан, автор не предлагает системного выхода из сложившейся ситуации путем организации правотворческой работы в государствах-участниках союза. Вероятно, это выходило за рамки его исследования, однако было бы весьма практически полезным предложить план соответствующей совместной работы стран участниц ЕАЭС посредством органов управления ЕАЭС.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых и публично-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Публично-правовое регулирование производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам публично-правового регулирования производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции. Автором раскрывается законодательство и опыт Казахстана, положения международно-правовых актов, практика в данной сфере. Как отмечается в статье, «примечателен опыт Республики Казахстан в области выработки законодательства, регулирующего отношения в области производства и оборота органической продукции». В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о публично-правовом регулировании производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции в странах участниц ЕАЭС на примере опыта Республики Казахстан. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ

и осуществить толкование норм действующего законодательства в различных странах. Например, следующий вывод автора: «Республика Армения приняла закон № 23-Н «Об органическом сельском хозяйстве» в 2008 г., который является первым принятым национальным законодательством в области производства органической продукции в ЕАЭС. В Республике Беларусь действует закон от 09.11.2018 г. № 144-З «О производстве и обращении органической продукции», в Российской Федерации отношения, связанные с производством органической продукции регулируются в соответствии с федеральным законом от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и внесении изменений в отдельные законодательные акты». Республика Киргизия приняла закон № 66 «Об органическом производстве» только в 2023 г., чему предшествовал довольно длительный период согласования. В Республике Казахстан в настоящее время действует закон от 10.06.2024 г. № 89-VIII ЗРК «О производстве и обороте органической продукции», заменивший ранее действующий закон от 27.11.2015 г. № 423-V ЗРК «О производстве органической продукции»».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема публично-правового регулирования производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Тенденции развития мировой экономики в области сельскохозяйственной деятельности в последнее время направлены на производство экологических, качественных и безопасных продуктов питания, ведение сельского хозяйства способом, оказывающим наименьшее воздействие на окружающую природную среду, снижение техногенной нагрузки на экологическую обстановку, поддержание и сохранение здоровья человека и животных».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«существующие различия в нормативно-правовом регулировании производства и оборота органической продукции, требованиях, предъявляемых к маркировке продукции, различий в понятийном аппарате, используемом в законодательных актах в исследуемой области двух стран-участниц ЕАЭС России и Республики Казахстан, не позволяют достигнуть договоренностей в заключении соглашения об эквивалентности».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«законодательство России и стран-участниц ЕАЭС нуждается в доработке, в частности имеется необходимость уточнить понятийный аппарат, используемый в законах об органической продукции, применительно для российского законодательства ввести понятие «оборот органической продукции», установить и разграничить ответственность производителей органической продукции от ответственности иных участников процессов, не связанных с производством органической продукции, разработать единую систему государственной поддержки и гарантий для производителей органической продукции, обеспечить доступ населения к информации о качестве и свойствах органической продукции через социальную рекламу, ввести органическую продукцию путем осуществления государственных закупок продуктов питания в бюджетные

учреждения - детские сады, школы и иные социальные учреждения, тем самым закладывая основу здоровья нации».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с публично-правовым регулированием производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, предложив конкретные идеи для реформирования российского законодательства.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Болатбек Б.Б., Нурахова Б.Ж., Сатбаева Г.С., Иншакова А.О., Анисимова А.П. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к публично-правовому регулированию производства и оборота органической сельскохозяйственной продукции.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Англоязычные метаданные

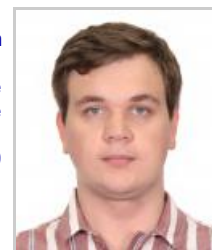
Electronic evidence in criminal proceedings: experience of foreign countries and Russian prospects.

Turshin Andrei Ivanovich

Postgraduate student; Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya; Russian State University of Justice

152850, Russia, Yaroslavl region, Poshekhonye, Sogozhi river embankment, 2, sq. 9

✉ antursh@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is electronic evidence in criminal proceedings. The object of the research consists of legal relationships arising in the course of using electronic evidence in the proof of a criminal case. The author examines such aspects of the topic as the definition and characteristics of electronic evidence, as well as ways to confirm their authenticity. The analysis is conducted both in the context of the Russian legal system, where electronic evidence does not yet have an independent regulation, and in foreign legal systems that have already developed specific norms. A comparative aspect examines the approaches of China, India, Brazil, the USA, and other countries, which allows for the identification of development trends and the proposal of directions for improving Russian legislation. The work aims to form a holistic understanding of the place and role of electronic evidence in modern criminal proceedings. The methodology of the research is based on the use of general scientific and specific scientific methods of cognition. The legal-dogmatic method is applied to interpret the content of legal norms. The formal-logical method was used to identify and study the characteristics of electronic evidence. The method of comparative legal studies allowed for the examination of foreign experience in regulating electronic evidence. The scientific novelty of the research lies in the study of relevant foreign approaches to electronic evidence and their authenticity. Various approaches have been identified that are used to ensure the authenticity and integrity of electronic evidence applied in global practice. It has been established that in most countries, considerable attention is paid to verifying the integrity of electronic evidence, and special procedural rules are introduced that allow for the objective confirmation of the preservation of evidence through digital means (electronic signatures, checksums). Based on the research results, the author formulated a definition of electronic evidence that takes into account approaches to ensuring their integrity and authenticity. A classification of electronic evidence is proposed concerning the extent to which their equivalence to original information is confirmed by digital verification means. The obtained results can be used to develop approaches to ensuring the authenticity of electronic evidence in the Russian criminal process through digital technologies.

Keywords: reliability of electronic evidence, comparative law, digitization, criminal procedure, criminal process, proof, electronic evidence, integrity of electronic evidence, electronic signature, checksum

References (transliterated)

1. Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S. Kontseptsiya elektronnoy dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. S. 270-294. DOI: 10.21202/jdtl.2023.11. EDN: SGAOKS.
2. Rossinskii S. B. O doktrinal'nykh podkhodakh k ponimaniyu dokazatel'stv po

- ugolovnomu delu: istoriya i sovremennost' // Lex russica. 2023. T. 76. № 6. S. 57-69. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069. EDN: JDHPLR.
3. Kolichenko A. A. Problemy proverki i otsenki elektronnykh dokazatel'stv v sovremennom ugolovnom protsesse: dis. kand. yurid. nauk: 5.1.4. – Nizhnii Novgorod, 2024. 224 s. EDN: IVFWDX.
 4. Voronin M. I. Elektronnye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). S. 74-84. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084. EDN: JZBDUT.
 5. Okonenko R. I. "Elektronnye dokazatel'stva" i problemy obespecheniya prav grazhdan na zashchitu tainy lichnoi zhizni v ugolovnom protsesse: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Soedinennykh Shtatov Ameriki i Rossiiskoi federatsii: dis. ... kan. yurid. nauk: 12.00.09. – M., 2016. 158 s. EDN: VMNEAE.
 6. Yakovleva K. Yu. Ispol'zovanie elektronnoi informatsii v ugolovno-protsessual'nom dokazyvanii: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. – Moskva, 2023. 202 s.
 7. Pastukhov P. S. Modernizatsiya ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya v usloviyakh informatsionnogo obshchestva: dis. dok. yurid. nauk: 12.00.09. – 2015, M. 454 s. EDN: QIXPVH.
 8. Zigura N. A. Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.09. – Chelyabinsk, 2010. 20 s. EDN: QGZBQF.
 9. Zazulin A. I. Pravovye i metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya tsifrovoi informatsii v dokazyvanii po ugolovnomu delu: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – Ekaterinburg, 2018. 251 s. EDN: BPRQQK.
 10. Sokolov Yu. N. Informatsionnye tekhnologii i oborot tsifrovyykh dannykh v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki: dis. ... dok. yurid. nauk: 5.1.4. – Ekaterinburg, 2023. 440 s. EDN: EGYKTJ.
 11. Mitrofanova M. A. Elektronnye dokazatel'stva i printsip neposredstvennosti v arbitrazhnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.15. – Saratov, 2013. 27 s. EDN: SVERLD.
 12. Zuev S. V. Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie i znachenie // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2020. № 3 (26). S. 46-51. EDN: YJXYEK.
 13. Golovko L. V. Tsifrovizatsiya v ugolovnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya? // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2019. № 1. S. 15-25. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002. EDN: KORQGW.
 14. Malygin K. V. Ispol'zovanie elektronnykh dokumentov v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnykh stran: dis. ... kand. yurid. nauk. – Perm', 2024. 303 s.
 15. Shalumov M. S. Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve // Ugolovnyi protsess. 2021. № 12 (204). S. 80-85. DOI: 10.53114/20764413_2021_12_80. EDN: SBPAFK.
 16. Go Ch., Chen S. "Elektronnye dokazatel'stva v Kitae" // Pravo i tsifrovaya ekonomika. 2024. № 1. S. 35-51. DOI: 10.17803/2618-8198.2024.23.1.035-051. EDN: YTUIIA.
 17. Yakovleva K. Yu. Kontrol'naya summa kak element dostovernosti dokazatel'stva, soderzhashchego elektronnyuyu informatsiyu, v ugolovnom protsesse // Rossiiskii sledovatel'. 2024. № 2. S. 39-43. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-2-39-43. EDN: QTOFGL.
 18. Bharati R. K., Nagarale S. Digital Forensic Science and Evidentiary Standards in the Bharatiya Sakshya Adhinyam (BSA) 2023: A Legal Examination of Admissibility // Indian Journal of Natural Sciences. February, 2025. Vol. 15, issue 88. Pp. 88853-88866.

19. Varghese J. Electronic and digital records under Bharatiya Sakshya Adhiniyam, 2023. Part II. Judicial Vision. May, 2024. Pp. 1-28.
20. Righi Ivahy Badaró, G. H. Os standards metodológicos de produção na prova digital e a importância da cadeia de custódia // Boletim IBCCRIM. São Paulo. 29 (343). P. 7-9.
21. Saad M., Costa Rossi H., Partata P. Henrique. Does obtaining digital evidence in criminal proceedings require its own legal discipline? An analysis of the concept, characteristics and peculiarities of digital evidence // Brazilian Journal of Criminal Procedure. 2024. Vol. 10, No. 3. Pp. 1-34.
22. Silva D. B., Barbosa R. de S. Provas digitais e a cadeia de custódia no rhc 143.169 // Revista contemporânea. Vol. 4. No. 12. Article e6782.
23. Alhawawsheh A., Alfalahi Q., Soltan K., Taher A., Dhaheer L. Digital Evidence as a Means of Proof in Criminal Proceedings in the UAE // Access to Justice in Eastern Europe. 2025. 8(3). P. 1-20.
24. Chawki M. Anti-Cyber and Information Technology Crimes Law. Egypt Law No. 175 of 2018. Unofficial Translation. Paris, 2020.
25. Grimm P. W., Capra D., Joseph G. P. Authenticating Digital Evidence // Baylor Law Review. 2017. Vol. 69. P. 1-55.
26. Facciola J. M., Barrett L. Law of the Foal: Careful Steps Toward Digital Competence in Proposed Rules of Evidence 902(13) and 902(14) // Georgetown Law Technology Review. 2016. Vol. 1. P. 6-34.

Differentiation of criminal liability for attacks on personal and family secrets

SHokur Andrei Vladimirovich

Senior Lecturer; Graduate School of Public Law; Pacific State University

140 Pacific Street, Khabarovsk, 680042, Russia, Khabarovsk Territory

✉ 2020104885@togudv.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of differentiation of criminal liability for encroachments on personal and family secrets in modern Russian criminal law. The author focuses on the need for an integrated approach to ensuring proper legal protection of this area of legal relations, emphasizing the importance of the difference between the collection and dissemination of confidential information. The object of the study is social relations arising in the field of personal and family secrets, as well as criminal law mechanisms that ensure the protection of these relations. The subject of the study is legal structures and legal institutions regulating the differentiation of criminal liability for these offenses. The purpose of the study is to develop scientifically based proposals to improve the mechanism for differentiating criminal liability for attacks on personal and family secrets, taking into account current trends and the increasing threat of intrusion into the private sphere of citizens. Special attention is paid to the study of foreign experience and judicial practice of the highest judicial instances of Russia. The author identifies the shortcomings of the current legislation regarding the insufficient differentiation of responsibility for the collection and dissemination of personal and family secrets. Recommendations are proposed to improve the effectiveness of legal protection of confidentiality, including the introduction of additional liability for violating personal information related to various types of secrets, as well as tougher sanctions for individual cases of disclosure. The methodological basis of the

research includes the use of formal logical methods of analysis and synthesis, classification and limitation of concepts, comparative jurisprudence, historical and legal and comparative legal methods. The scientific novelty of the work consists in a detailed analysis of currently existing approaches to the differentiation of criminal liability, as well as the systematization of foreign practices and the development of specific recommendations for the reform of domestic legislation, focusing on increasing the level of protection of personal and family secrets in the context of modern technology and social change. In contrast to existing approaches that consider personal and family secrets as a single or related object, the study substantiates their differentiation. Personal secrecy is positioned as the core of the constitutional right to privacy of an individual, while family secrecy is interpreted as confidential information that arises within a special social community – the family, and is protected in the interests of all its members.

Keywords: punishment, sanctions, criminal law, personal data, personal secrets, criminal liability, criminal, composition of crime, family secrets, differentiation

References (transliterated)

1. Arzamastsev M. V. Pravila otsenki priznakov deyanii, differentsiruyushchikh administrativnuyu i ugovnuyu otvetstvennost' // Uголовное право. 2017. № 4. S. 12-20. EDN: ZHBIVR.
2. Braude I. L. Voprosy zakonodatel'noi tekhniki // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1957. № 8. S. 52-59.
3. Voronin V. N. Kachestvo ugovno-pravovoi okhrany svedenii, sostavlyayushchikh gosudarstvennuyu tainu: problemy konstruirovaniya norm i differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2017. № 7. S. 98-107. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.098-107. EDN: ZDLSPR.
4. Duyunov V. K., Kondratyuk S. V. O differentsiatsii otvetstvennosti v rossiiskom prave i v ugovnom zakonodatel'stve: ponyatie, priroda, status i znachenie // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 11A. S. 201-214. DOI: 10.34670/AR.2020.91.11.026. EDN: YCJOWA.
5. Zhuk M. S. Klassifikatsiya ugovno-pravovykh institutov // Obshchestvo i pravo. 2009. № 5. S. 168-176. EDN: ONLSTT.
6. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logika: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / pod red. prof. V. I. Kirillova. Izd. 6-e, pererab. i dop. M.: TK Velbi, Prospekt, 2008. 235 s.
7. Kudryavtsev V. N. Kriminalizatsiya: optimal'nye modeli // Uголовное право v bor'be s prestupnost'yu. M., 1981. S. 3-10.
8. Lesnievski-Kostareva T. A. Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika. M.: NORMA, 1998. 296 s.
9. Lokshina S. M. Kratkii slovar' inostrannykh slov. M.: Russkii yazyk, 1978. 311 s.
10. Nurkaeva T. N., Divaeva I. R. Narushenie neprikosновенности chastnoi zhizni: voprosy tolkovaniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // Vestnik VEGU. 2015. № 1. S. 45-56. EDN: TIOLOD.
11. Orlovskaya N. A. Osnovaniya i printsipy postroeniya ugovno-pravovykh sanktsii: monografiya. Odessa: Yurid. lit., 2011. 622 s.
12. Rogova E. V. Ugovno-politicheskie osnovy differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti // Bezopasnost' biznesa. 2017. № 5. S. 53-58. EDN: ZGUDZZ.
13. Rogova E. V., Ishigeev V. S., Parfinenko I. P. Vliyanie ugovno-pravovykh sanktsii na individualizatsiyu nakazaniya // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. 2016. T. 10, №

4. C. 710-720. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).710-720. EDN: XQTRKT.
14. Timoshenko Yu. A. Ugolovnyi prostupok: sposob mezhotraslevogo sblizheniya ili differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti? // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4. S. 112-115. EDN: CJKGOT.
15. Khachak B. N. Mezhdunarodno-pravovye osnovy differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti (otdel'nye aspekty problemy) // Rossiiskaya yustitsiya. 2018. № 3. S. 56-57. EDN: YQDYUY.
16. Shesler A. V. Differentsiatsiya i individualizatsiya ugovalnogo nakazaniya kak metody realizatsii ugovolno-pravovoi politiki // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 3. S. 123-128. EDN: YAALKX.
17. Goode S. The Right to Privacy. / S. Goode. N.Y., 1983. 149 p.
18. Smith, Rhona K.M. The Essentials of Human Rights / Rhona K.M. Smith, van der Anker. Hodder Arnold, 2005. 382 p.

Information support for public procurement and its institutional content

Nazarova Natal'ya Alekseevna

Postgraduate student; Department of Private Law Disciplines; Federal State Research University 'Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation' Chief Procurement Specialist; LLC 'Sinara-Transport Machines'

34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Academic District, 117218, Russia

✉ nazarova29041980@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the relationship between the informational support of public procurement and its effectiveness, including the context of minimizing appeals (in administrative and judicial procedures). The author emphasizes the electronization and digitalization of public procurement in the context of the stated research topic. In the author's understanding, electronization is a form, while digitalization is an algorithm for carrying out procurement (in a broad sense: not only as a procedure, but as a legal relationship, including contractual obligations). The author examines and evaluates the role of operators of electronic trading platforms in public procurement, noting that, while not being direct subjects of contracting, they influence the results of the contract itself. The article analyzes Eurasian cooperation in terms of informational collaboration, highlighting the critical component of mutual recognition of electronic digital signatures. The methodology of the work is presented through general scientific research methods, such as analysis and synthesis, deduction, dialectics, systematic and comparative methods, as well as specific methods, in particular, formal legal analysis. The novelty of the research presented in the article lies in the institutional approach to assessing the informational support of public procurement (for state and municipal needs); the author has identified causal relationships between information and the effectiveness of procurement. Furthermore, the author proposes for the first time an understanding of the institutional content of procurement information in its relationship with the administrative control of public procurement. Judicial control is not analyzed in the article as it is a separate subject of research due to its procedural specificity. The author also concludes that the activities of electronic trading platform operators influence the effectiveness of procurements: while not being direct participants in the contractual relationships between the customer and the supplier, they determine the contractual obligations that arise subsequently. The author forecasts the necessity of mutual recognition of electronic digital signatures at the level of the EAEU, without which the formation of a

common market for public procurement in the Eurasian space will be impossible.

Keywords: import substitution, Electronic Marketplace Operator, digital signature, Eurasian Economic Union, digital procurement, electronic, transparency, information, public purchases, purchases

References (transliterated)

1. Agapova E.V., Belyaeva O.A. Neordinarnyi pravovoi rezhim publichnykh zakupok u sub"ektov malogo i srednego biznesa // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2020. № 3(19). S. 26-31. EDN: IKWTIE.
2. Korolev E.V. Problemy dokazyvaniya tekhnicheskogo sboya pri provedenii elektronnykh trgov // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2024. T. 21, № 2. S. 208-218. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-208-219. EDN: GUICDH.
3. Belyaeva O.A. Pravovye problemy publichnykh zakupok v energeticheskom sektore na sovremennom etape // Nравstvennye imperativy rossiiskoi gosudarstvennosti: dostoinstvo lichnosti, suverenitet, solidarnost': Sbornik nauchnykh trudov Pervogo Belgorodskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma. V 2 t., Belgorod, 11-12 sentyabrya 2024 goda. Belgorod, 2024. S. 44. EDN: LWIYPG.
4. Belyaeva O.A. Tsifrovaya evolyutsiya publichnykh zakupok: novye gorizonty // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 3(51). S. 78.
5. Aleinikova M.Yu., Karakhimova A.D. Razvitie sistemy gosudarstvennykh zakupok v kontekste mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Kuznechno-shtampovoe proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniem. 2024. № 3. S. 136-148. EDN: XQMTGT.
6. Proskuryakov A.V. Ekonomicheskie i pravovye aspekty osushchestvleniya gosudarstvennykh zakupok v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik evraziiskoi nauki. 2023. T. 15. № s.l. URL: <https://esj.today/PDF/14FAVN123.pdf> (data obrashcheniya 26 marta 2025 g.). EDN: SHYLRL.
7. Katvalyan A.E. Printsip otvetstvennosti za rezul'tativnost' obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd, effektivnost' osushchestvleniya zakupok // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2020. T. 15. № 8. S. 75-83. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.075-083. EDN: QVOBCF.
8. Belyaeva O.A. Osnovy teorii korporativnykh zakupok. M.: INFRA-M, Norma, 2025. 240 s. ISBN 978-5-16-113361-3. DOI: 10.12737/2188406. EDN: EBLDCJ.
9. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie): monografiya: v 5 t. T. 1 / otv. red. L.Yu. Vasilevskaya. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Prospekt", 2021. S. 262. ISBN 978-5-392-34160-3.
10. Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva / T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, V. R. Avkhadeev [i dr.]. 8-e izdanie pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva: Norma, 2024. 656 s. ISBN 978-5-00156-353-2. EDN: VJUIJQ.
11. Belyaeva O.A. Pravovaya kompozitsiya kontraktnoi sistemy v sfere zakupok // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2021. № 1(21). S. 57-61. EDN: EVIFQP.
12. Agapova E.V., Vershinina I.A. Kontraktnaya sistema kak na ladoni: ot planirovaniya do zaklyucheniya kontrakta. Kaliningrad, 2023. S. 83. EDN: QGAZRG.

Prospects for the use of artificial intelligence in money circulation

Andrianova Natalia Gennadievna

PhD in Law

Senior Researcher, Department of Administrative Law and Administrative Process; Institute of State and Law of
the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

✉ natalia.g.andrianova@gmail.com

Abstract. The development of artificial intelligence technology is one of the priority, yet not fully explored, areas of scientific and technological development. In this regard, the article analyzes the issues of implementing and using artificial intelligence technology in monetary circulation. The approaches to defining the concept of "artificial intelligence technology" in legislation and scientific literature are analyzed. Categories of artificial intelligence and the specifics of their potential use are identified and analyzed. The concepts of "monetary circulation" and its structural elements are studied. Approaches to determining the place and role of legal regulation of monetary circulation within the system of financial law are analyzed. The article examines the features and prospects of using artificial intelligence technology in the processes of cash circulation, non-cash circulation, and digital monetary circulation. General scientific methods (dialectical method of scientific cognition, systemic method, methods of analysis, synthesis, generalization, induction, deduction, observation, explanation, interpretation and classification, description of concepts and terms) and special legal methods (in particular, formal legal method) were used in the course of this research. As a result of the study on the promising directions for using artificial intelligence technology in cash circulation, non-cash circulation, and digital monetary circulation, it was found that a risk-oriented approach should be adhered to when implementing and utilizing artificial intelligence technology in monetary circulation processes to ensure a balance between the development of this technology and the prudent management of associated risks. The lack of clear regulatory legal regulation concerning the use of artificial intelligence in monetary circulation processes leads to uncertainty and problems regarding the responsibility for decisions made by artificial intelligence. It is concluded that, in this regard, there is a need to develop new regulatory frameworks that take into account the specifics of artificial intelligence operations and ensure a balance between innovation and the protection of societal and state interests.

Keywords: AI, digital technologies, money, digitalization, financial law, private interests, public interests, artificial intelligence, money circulation, digital ruble

References (transliterated)

1. Kuznetsova N.V. K voprosu o pravosub'ektnosti iskusstvennogo intellekta // Pravo i biznes. 2025. № 2. S. 25-32. DOI: 10.18572/2712-8865-2025-2-25-32 EDN: DEADVD.
2. Kurochkin S.A. Iskusstvennyi intellekt v grazhdanskom protsesse // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2024. № 2. S. 42-74. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74 EDN: MCJWYW.
3. Shitkina I.S., Biryukov D.O. Iskusstvennyi intellekt: pravovye aspekty // Pravo i ekonomika. 2023. № 11. S. 5-14. EDN: PBUKCK.
4. Antonov A.A. Iskusstvennyi intellekt: voprosy pravosub'ektnosti // Yurist. 2023. № 9. S. 23-28.
5. Akhmet'yanova Z.A., Akhmet'yanov A.R. Iskusstvennyi intellekt-ob'ekt ili sub'ekt prava? // Yurist. 2024. № 6. S. 24-29.
6. Ishcheinov V.Ya. Primenenie iskusstvennogo intellekta v informatsionnoi bezopasnosti

- // Deloproizvodstvo. 2024. № 2. S. 90-93.
7. Primenenie iskusstvennogo intellekta na finansovom rynke: doklad dlya obshchestvennykh konsul'tatsii. M.: Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii, 2023. S. 5-13.
 8. Safonova M.F., Alekseenko A.Yu. Perspektivy ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rabote vnutrennego auditora khozyaistvuyushchego sub"ekta // Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet. 2022. № 12. S. 1403-1427. DOI: 10.24891/ia.25.12.1403 EDN: OJRCPV.
 9. NASA Framework for the Ethical Use of Artificial Intelligence (AI) // URL: <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20210012886/downloads/NASA-TM-20210012886.pdf>.
 10. What is strong AI? // URL: <https://www.ibm.com/think/topics/strong-ai>.
 11. Bel'skii K.S. Emissionnoe pravo kak institut finansovogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 5. S. 55. EDN: HTEXTH.
 12. Bel'skii K.S. Dopolnyaya i razvivaya teoriyu emissionnogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 8. S. 71. DOI: 10.31857/S013207690006243-9 EDN: IEJDRU.
 13. Karaseva M.V. Emissionnoe pravo kak obshchii finansovo-pravovoi institut // Finansovoe pravo. 2025. № 6. S. 2-6. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-6-2-6 EDN: FGLWEA.
 14. Pravovoe regulirovanie denezhnogo obrashcheniya (Denezhnoe pravo) : monografiya / N.M. Artemov, I.B. Lagutin, A.A. Sitnik, M.N. Urda. Moskva : Norma : INFRA-M, 2022. 96 s.
 15. Arzumanova L.L. Pravo denezhnogo obrashcheniya kak podotrasl' finansovogo prava Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. S. 12-13. EDN: ZPJSHF.
 16. Krokhina Yu.A. Finansovoe pravo Rossii : uchebnik. Moskva : Norma : INFRA-M, 2025.
 17. Kak iskusstvennyi intellekt menyaet rabotu s nalichnymi i bankovskii biznes v tselom: keis Al'fa-Banka // URL: https://www.cashcirculation.ru/bsm_articles/kak-iskusstvennyi-intellekt-menyaet-r/.
 18. Andrianova N.G. Finansovo-pravovye osobennosti tsifrovogo rublya kak vida tsifrovoy valyuty tsentral'nogo banka // Bankovskoe pravo. 2024. № 3. S. 24-32. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-24-32 EDN: HHVRZL.
 19. Massovoe vnedrenie tsifrovogo rublya nachnetsya 1 sentyabrya 2026 goda // URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=25772>.

The social conditioning of probation in modern Russia.

Biryukov Ivan Igorevich

Postgraduate student; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
Junior Researcher; Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Academic District, 117218, Russia

✉ biryukov27@internet.ru

Abstract. The article presents the results of a study aimed at identifying the patterns and prerequisites of the current social and economic situation in the Russian Federation that have led to the development and implementation of probation in the domestic legal framework as a tool to assist in neutralizing factors of unlawful behavior during the post-criminal period of an

individual's life who has previously been subjected to criminal responsibility. The relevance of scientific exploration in this direction is connected to the fact that by the time the relevant regulatory legal act on probation was adopted, a complex of problems had formed that pose a threat to the safety of the individual, society, and the state, with their resolution being, among other things, in the realm of effective assistance in the resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of convicted persons following the application of state coercive measures as a response to the commission of socially dangerous acts. Alongside this, the research interest in the causal characteristics of the application of probation is determined by its temporal features, given that previously proposed projects for the institutionalization of this socio-legal phenomenon did not receive adequate support. The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction), interdisciplinary (axiological, statistical) and special legal (formal legal, historical legal, method of interpretation of legal norms) methods. The conclusion of this scientific work consists of the author's findings that by the early 2020s, the introduction of probation tools into Russian legislation, considering the current socio-economic and geopolitical situation, can be characterized as a necessary response by the state to the problems of rampant recidivism, the criminalization of society; impediments to economic development due to insufficiently effective use of available labor resources; the need to attract additional revenues to the budget system of the Russian Federation; and optimization of federal budget expenditures in the context of colossal sanctions pressure from unfriendly states; and other factors derived from these impacts on the state of national security. The obtained results contribute to the expansion of scientific understanding of the complex social and economic factors for the introduction of probation norms into domestic legislation at the current stage of state and legal development, as well as their alignment with objective social needs.

Keywords: social rehabilitation, social adaptation, resocialization, crime prevention, recidivism, national security, social conditioning, probation, staff shortage, budget system

References (transliterated)

1. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. Izbrannye lektsii. – M.: "Logos", 2004. – 447 s.
2. Gilinskii Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'. Avtorskii kurs. 4-e izd., pererab. i dop. – SPb.: OOO Izdatel'skii Dom "Alef-Press", 2018. – 517 s.
3. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. d.yu.n., prof. A.I. Dolgovoi. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Norma, 2005. – 912 s.
4. Kurs sovetskoi kriminologii. Preduprezhdenie prestupnosti / Alimov S.B., Antonov-Romanovskii G.V., Dashkov G.V., Ermakov V.D., i dr.; pod red.: Karpets I.I., Korobeinikov B.V., Kudryavtsev V.N. – M.: Yurid. lit., 1986. – 352 s.
5. Utkin V.A. O perspektivakh probatsii v Rossii // Uголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. S. 5-8; EDN: WHMRFL.
6. Mel'nikova O.V. Sluzhba probatsii – prioritetnoe napravlenie razvitiya uголовно-исполнительной системы Rossiiskogo gosudarstva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2021. – № 11 (203). – S. 220-222.
7. Golodov P.V. Probatsiya v Rossiiskoi Federatsii: nekotorye problemy soderzhaniya i pravovoi reglamentatsii // Penitentsiarnaya nauka. 2022. T. 16, № 2 (58). S. 194-203; DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009; EDN: MKVKTF.
8. Shmarov I.V. Preduprezhdenie prestuplenii sredi osvobozhdennykh ot nakazaniya

- (Problema sotsial'noi adaptatsii). – M.: Yur. lit., 1974. – 136 s.
9. Sotsiologiya prava: uchebnyk / Syrykh V.M. – 4-e izd., dop. i pererab. – M.: Yustitsinform, 2012. – 473 s.
 10. Ter-Akopov A.A. Bezopasnost' cheloveka: sotsial'nye i pravovye osnovy. – M.: Norma, 2005. – 272 s.
 11. Ugolovno-pravovaya okhrana natsional'nykh interesov: monografiya / otv. red. S.L. Nudel'. – M.: Prospekt, 2025. – 272 s.
 12. Nudel' S.L. Ugolovno-pravovye mekhanizmy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti // Zhurnal rossiiskogo prava. 2023. T. 27. № 11. S. 62-74; DOI: 10.61205/jrp.2023.128; EDN: LUDEWV.
 13. Kudryavtsev V.N. Izbrannye trudy po sotsial'nym naukam: v 3 t. / T. 1: Obshchaya teoriya prava. Ugolovnoe pravo. – M.: Nauka, 2002. – 567 s.
 14. Preduprezhdenie retsidivnoi prestupnosti. Teoretiko-prikladnoe issledovanie: monografiya / N.S. Artem'ev, G.V. Kurbatova, A.N. Pavlukhin, N.D. Eriashvili. – M.: YuNITI-DANA : Zakon i pravo, 2020. – 128 s.; EDN: IFYAEQ.
 15. Romashov R.A. Penitentsiarnaya sotsializatsiya i postpenitentsiarnaya resotsializatsiya lits, osuzhdennykh k nakazaniyu v vide lisheniya svobody // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2018. № 7. S. 181-194; EDN: QYNGOG.
 16. Pravovoe upravlenie v krizisnykh situatsiyakh: monografiya / S.B. Bal'khaeva, Kh.I. Gadzhiev, S.A. Gracheva i dr.; otv. red. Yu.A. Tikhomirov; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. – M.: Prospekt, 2022. – 280 s.
 17. Sotsial'nye posledstviya i tsena prestupnosti: monografiya / M.M. Babaev, O.R. Afanas'eva; M-vo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, Federal'noe gos. kazennoe uchrezhdenie "Vserossiiskii nauch.-issled. in-t". – M.: VNII MVD Rossii, 2012. – 125 s.; EDN: XAIJUT.
 18. Sabitov R.A. Uchenie o posledstviyakh prestuplenii: monografiya. – M.: Yurlitinform, 2015. – 527 s.; EDN: TRXUYL.
 19. Shcherbakov S.V. Retsidivnaya prestupnost': kriminologicheskaya kharakteristika i problemy preduprezhdeniya: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. – M., 2009. – 169 s.; EDN: NQPWTJ.
 20. Khabrieva T.Ya. Izbrannye trudy: v 10 t. T. 6. Soderzh.: Teoriya tolkovaniya prava. Teoriya pravotvorchestva. Kontseptsii razvitiya zakonodatel'stva. – M., 2018. – 472 s.
 21. Krainova N.A. Finansovye aspekty resotsializatsii osuzhdennykh v sisteme prioritetnykh zadach razvitiya Rossiiskoi Federatsii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2022. № 1. S. 25-32; DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).1.025-032; EDN: EVQMGZ.
 22. Finansovoe pravo na rubezhe epokh: monografiya / pod red. I.I. Kucheroва. – M.: Prospekt, 2024. – 336 s.

Specifics of Applying the Statute of Limitations in Protecting Public Interest through Anti-Corruption Lawsuits: Insights from Constitutional Court Decision No. 49

Svashenko Alexander Sergeevich

Counsel, Attorney of Litigation Practice at EPAM Law

Abstract. This article examines the key issues of application of the limitation period in cases involving anti-corruption lawsuits aimed at protecting public interests and initiated by prosecutors. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice, identifying differences in the approach of courts to the interpretation of norms and legal regulation in this area. The circumstances under which it is possible to deviate from the standard limitation periods if it is necessary to protect the public good and ensure fairness are studied separately. The central object of the analysis is the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 49-P of October 31, 2024, which establishes the conditions and legal grounds for such exceptions, which emphasizes the importance of protecting the public interest in the fight against corruption and maintaining law and order. The research employs methods of comparative analysis, study of judicial practice, and a systematic approach. It is based on legal acts, court decisions, and doctrinal approaches to the statute of limitations. The study identifies key legal conflicts between public and private interests in applying limitation periods to anti-corruption claims. For the first time, a comprehensive analysis of the Constitutional Court Decision No. 49-P of October 31, 2024 is provided, which justifies the possibility of waiving limitation periods to protect state interests. The author concludes that legislative clarification of the criteria for exceptions to limitation periods is necessary, along with strengthened guarantees for bona fide participants in civil turnover. Measures are proposed to enhance legal certainty and balance public and private interests in anti-corruption cases.

Keywords: Constitutional Court, judicial practice, public interests, asset recovery, protection of public interest, countering corruption, illicit enrichment, prosecutor's office, anti-corruption claims, limitation

References (transliterated)

1. Mishakova N. V. Deyatel'nost' prokuratury Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korruptsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2022. № 3 (91). S. 71-80.
2. Chumakov A. V. Balans konstitutsionnykh tsennostei v strategiyakh protivodeistviya nezakonnomu obogashcheniyu (na primere Rossii) // SKO. 2019. № 5 (132). S. 113-124.
3. Kozlov T. L. Osnovnye napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya protivodeistviya korruptsii v organakh vlasti // Russian Journal of Economics and Law. 2012. № 4 (24). S. 55-57.
4. Rubtsova M. V. Deyatel'nost' organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii v sfere protivodeistviya korruptsii // The Scientific Heritage. 2020. № 57-4. S. 17-21.
5. Yagodin R. S., Volkov P. A. Protivodeistvie korruptsii // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2017. № 2 (48). S. 259-265.
6. Golovko I. I. Osobennosti uchastiya prokurora v rassmotrenii sudom ego zayavleniya ob obrashchenii imushchestva v dokhod Rossiiskoi Federatsii kak sredstvo presecheniya i preduprezhdeniya korruptsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 414. S. 181-186.
7. Grigor'eva N. N., Petushkov D. N. Predmet antikorrupcionnogo iska - denezhnye sredstva, poluchennye v kachestve vzyatki // Zakonnost'. 2021. № 5. S. 23-34.

8. Bochkarev S. A. Korruptsiya vne srokov iskovoi davnosti // Zakonnost'. 2021. № 2. S. 8-12.
9. Inshakov S. M., Kazakova V. A. Preduprezhdenie i presechenie korruptsii grazhdansko-pravovymi merami // Nauchnyi portal MVD Rossii. 2019. № 4. S. 30-34.
10. Magomedov K. O. Ob effektivnosti protivodeistviya korruptsii v gosudarstvennykh organakh vlasti // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2014. № 3. S. 201-212.
11. Bagautdinov F. N. Kontrol' za sootvetstviem raskhodov gosudarstvennykh sluzhashchikh ikh dokhodam: voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'nogo mekhanizma i praktiki primeneniya // Zakonnost'. 2023. № 6. S. 24-31.
12. Sinitsyn S. A. Sroki iskovoi davnosti po antikorrupsionnym iskam ob iz'yatii imushchestva iz chastnoi sobstvennosti: voprosy pravovoi kvalifikatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2025. № 1. S. 131-141.

Civil liability of tour operators and travel agents: prospects for legislative changes.

Sergienko Sergey Yurevich

Postgraduate student; Department of Public Law and Digital Law; Moscow Financial and Industrial University 'Synergy';
Legal Adviser, Geo LLC

150 Krasnoarskiy Rabochy Ave., office 119, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, 660064, Russia

✉ 143417@mail.ru

Grib Volodymyr Grigorievich

Doctor of Law

Doctor of Law; Honored Lawyer of the Russian Federation; Professor; Department of Public Law and Digital Law;
Moscow University of Finance and Industry 'Synergy'

115230, Russia, Moscow, Nagatino-Sadovniki district, Khlebozavodsky proezd, 7, building 10

✉ vg-profesor@yandex.ru

Abstract. The article addresses current issues of civil liability of tour operators and travel agents towards customers of tourism services in the modern tourism market. The basis for the study was the initiative to develop a draft law revising the allocation of civil legal liability in the implementation of tourism products, which provides for limiting the liability of tour operators for the actions of travel agents. The study explores the concept of civil legal liability, analyzes the current situation, determines the feasibility of this initiative, and its impact on consumer rights. The object of the study is comprehensive civil legal relations arising between the parties in the implementation of tourism products, including the mechanism for distributing civil legal liability between the tour operator and the travel agent towards the customer and tourists under the contract for the implementation of tourism products. The methodological basis of the research includes general scientific and special methods of cognition, including the dialectical method, analysis of regulatory legal acts, comparative legal method, systemic approach to the study of legal relations in the field of tourism, and historical-legal method in the study of the development of tourism legislation. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of possible consequences of limiting the civil legal liability of tour operators for the actions of travel agents, as well as in the systemic analysis of the legislative initiative and identification of the legal consequences of its implementation.

According to the authors, the legislative initiative to limit the liability of tour operators under contracts for the implementation of tourism products will lead to an increase in the dominant position in the tourism market and a weakening of control over the activities of travel agents. This, in turn, will lead to negative consequences for consumers, which contradicts the state policy in the field of consumer rights protection and will entail the need for state oversight of travel agents. Based on the conducted research, the authors propose measures, including: strengthening the regulation of relations between the tour operator and the travel agent through the establishment of imperative norms; limiting the application of consumer legislation norms regarding provided penalties; restricting tour operators in the direct sale of tourism products to consumers of tourism services.

Keywords: tourist, consumer protection, legal regulation, tourist services, tourist product, travel agent, tour operator, civil liability, tourist activity, compensation for damage

References (transliterated)

1. Akchurin R. A. Ponyatie i pravovaya priroda dogovora o realizatsii turistskogo produkta / R. A. Akchurin // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2023. – № 11-1 (86). – S. 21-24. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-1-21-23. EDN: KMAZDU.
2. Anan'eva E. O. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dogovora ob okazanii turisticheskikh uslug / E. O. Anan'eva, P. V. Ivliev // Zakon i pravo. – 2020. – № 07. – S. 64-66. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10320. EDN: NGQKHX.
3. Bredikhin A. L. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' v strukture yuridicheskoi otvetstvennosti / A. L. Bredikhin, N. P. Parfenov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 7 (235). – S. 91-92. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_91. EDN: EEEVBQ.
4. Zubenko Yu. S. Grazhdanskoe pravo: uchebnoe posobie / Yu. S. Zubenko. – Barnaul : Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2024. – 407 s. EDN: INVNJG.
5. Kalinina I. A. Osobennosti grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti turagenta pered potrebitелеm po trebovaniyam o vozmeshchenii ubytkov v sluchae predostavleniya turoperatorom turistskogo produkta nenadlezhashchego kachestva / I. A. Kalinina // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2019. – № 2. – S. 68-79. DOI: 10.17277/pravo.2019.02.pp.068-079. EDN: OLPLGP.
6. Kudrevatykh A. S. Yuridicheskaya otvetstvennost' sub'ektov turistskoi deyatel'nosti (turisticheskogo obsluzhivaniya). Chast' pervaya / A. S. Kudrevatykh // Turizm: pravo i ekonomika. – 2024. – № 1. – S. 5-10. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-1-5-10. EDN: HJYOH0.
7. Kuskov A. S. Grazhdansko-pravovye aspekty turistskoi deyatel'nosti / A. S. Kuskov, N. V. Sirik. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Rusains", 2024. – 208 s.
8. Maksimov V. A. Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya ucheniya o grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti / V. A. Maksimov // Sovremennye tendentsii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya. – 2023. – № 9. – S. 224-227.
9. Otcheskii I. E. Rol' sudebnoi praktiki v zashchite narushennykh prav potrebiteli turisticheskikh uslug / I. E. Otcheskii, D. V. Volodina // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2018. – № 3 (88). DOI: 10.17803/1994-1471.2018.88.3.128-137. EDN:

LBNTTV.

10. Pudyakova (Filatova), I. S. Turistskoe zakonodatel'stvo Rossii: sovremennye aspekty / I. S. Pudyakova (Filatova) // Provintsial'nye Nauchnye Zapiski. – 2023. – Turistskoe Zakonodatel'stvo V Rossii. – № 1 (17). – S. 24-27.
11. Sergienko S. Yu. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya turizma v RF / S. Yu. Sergienko // Ekonomika i pravo. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sbornik statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (9 aprelya 2024 g.). – Petrozavodsk : MTsNP "NOVAYa NAUKA", 2024. – S. 71-76. DOI: 10.46916/11042024-2-978-5-00215-346-6. EDN: JUBMPJ.
12. Sergienko S. Yu. O nekotorykh problemnykh aspektakh v regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnoshenii na turisticheskoy rynke / S. Yu. Sergienko, V. G. Grib // Turizm: pravo i ekonomika. – 2024. – № 2 (89). – S. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-2-27-30. EDN: CWWGRZ.
13. Sergienko S. Yu. Problemy pravoprimereniya polozheniya ob elektronnoy putevke pri realizatsii turistskogo produkta / S. Yu. Sergienko // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – 2025. – № 3 (153). – S. 1-4. DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.102. EDN: RUDLOY.
14. Sirik N. V. Bezopasnost' turistskogo biznesa: poisk optimal'nogo balansa grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti turoperatorov i turagentov / N. V. Sirik, A. S. Kuskov // Bezopasnost' Biznesa. – 2022. – № 4. – S. 11-15. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-4-11-15. EDN: IQSZUO.
15. Chkhutiashvili L. V. Novyi vektor pravovogo regulirovaniya turistskoi deyatel'nosti v tsifrovoy ekonomike / L. V. Chkhutiashvili, P. E. Korolev // Pravo i tsifrovaya ekonomika. – 2024. – № 4 (26). – S. 38-44. DOI: 10.17803/2618-8198.2024.26.4.038-044. EDN: GIVZZU.

The Heir as a Key Figure in the Bankruptcy Procedure of the Deceased Person

Zhuravlyov Vladislav Vital'evich

Assistant Professor; Institute of Law, Social Management and Security; Udmurt State University

1 Universitetskaya str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russia

✉ ian.cupola@yandex.ru

Abstract. The current regulation of insolvency of the deceased person in Russia is named as «bankruptcy of the inheritance estate» in most part of the scientific papers dedicated to this legal topic. Researchers use this naming to justify the restoration of the deceased's legal capacity. This fiction helps recognize the deceased as the subject of bankruptcy before the final distribution of property among creditors. This kind of a «resurrection» of a citizen generates a legal consequence as if a separation of property masses appeared. Basis of such an interpretation might lie in paragraph 4 of Article 223.1 of Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)». The resulting conclusion of this approach leads to competition between creditors of the heir and creditors of the deceased, which makes liability of the legal successor unlimited. From that point of view, the position of the heir is in obvious contradiction with the norm of paragraph 1 of Article 1175 of the Civil Code of the Russian Federation. This is why the Supreme Court describes the status of the heirs as exclusively procedural. The heir has an interest in the inheritance mass, but a procedural understanding of his status cuts off his material position in the insolvency procedure. By referring to the history of law and comparative case law (English and German law), the status of the heir in the bankruptcy

procedure of the deceased person is determined in the research. The author also reviewed the legislation, its scientific understanding, and application in relation to the implementation of the principle of limited liability for the debts of an insolvent citizen. After the examination of the Russian approach in the regulation of bankruptcy of the deceased, the author suggests that the idea of giving the heir the status of a fictitious debtor should be abandoned. The principle of limited liability for the debts of the deceased person proves that there is no automatic «mixing» of property upon inheritance. The heir should be perceived as the owner of two blocs – personal and hereditary – regardless of the fate of the property transferred to him. This understanding imposes the legal successor with the duty to «liquidate» the inheritance, as it happens in insolvency. Isolation of property blocs as an a priori construction serves as the key point of this paper and brings consistency to the interpretation of the current regulation. So, competition between creditors is excluded, grounds for personal liability of the legal successor are proposed, and mutual obligations are preserved. But, most importantly, the figure of the heir is determined as the key one to the process of insolvency of the deceased.

Keywords: limited liability of an heir, separation, creditors of a deceased person, inheritance, legal succession, debtor, deceased person, insolvency, law of succession, heir

References (transliterated)

1. Frolov, I. V. *Institutsional'naya teoriya pravovogo regulirovaniya nesostoyatel'nosti i bankrotstva grazhdan: dis. ... d-ra yuridicheskikh nauk.* Moskva, 2023.
2. Faizullin, R. V. *Kategoriya dolzhnika po pravu nesostoyatel'nosti (bankrotstva) Rossii i Germanii: dissertatsiya ... kand. yurid. nauk.* Krasnoyarsk, 2022.
3. Suvorov, E. D. *Problemy realizatsii printsipa ravenstva kreditorov nesostoyatel'nogo dolzhnika: dis. ... d-ra yurid. nauk.* Moskva, 2023.
4. Egorov, A. V. *Konkursnoe osparivanie otказа ot prinyatiya nasledstva: d'yavol v detalyakh // Tsivilistika.* 2022. – T. 1. – № 1. – S. 182-199.
5. Khodyreva, E. A. *Pravo nasledovaniya v rossiiskom grazhdanskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk.* Moskva, 2021. S. 5-8.
6. Kazantseva, A. E. *Teoriya nasledstvennogo i prichastnykh k nemu pravootnoshenii po grazhdanskomu pravu Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk.* Tomsk, 2015.
7. Svateeva, O. A. *Otvetstvennost' naslednikov po dolgam nasledodatel'ya: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* Kolomna, 2007.
8. Tsimmerman, R. *Formy zaveshchaniya: "volya zakonodatel'ya" ili vyrazhenie pravovoi kul'tury? // Vestnik grazhdanskogo prava.* 2017. № 1. S. 227-271.
9. Schmidt, J. P. *Transfer of Property on Death and Creditor Protection: The Meaning and Role of "Universal Succession" // Nothing So Practical As a Good Theory.* Edinburgh, 2017. P. 323-337.
10. Gongalo, Yu. B., Mikhalev, K. A., Petrov, E. Yu., Putintseva, E. P. *Osnovy nasledstvennogo prava Rossii, Germanii, Frantsii. M.: Statut,* 2015.
11. Bergmann, V. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyi zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu. M.: Volters Kluver,* 2008.
12. Rohlf, S. *Die Rechtsfolgen der beschränkten Erbenhaftung für die Gläubiger des Erblassers im antiken und mittelalterlichen römischen Recht.* Hamburg, 2002.
13. Dozhdev, D. V. *Pravovoe obshchenie: opyt rimskogo prava. // Evropeiskaya traditsiya chastnogo prava: issledovaniya po rimskomu i sravnitel'nomu pravu. Tom 1. Statut,*

2021. S. 140-204.

14. Shishmareva, T. P. Pravovye sredstva obespecheniya effektivnosti protsedur nesostoyatel'nosti v Rossii i Germanii: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva, 2022.
15. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter, 2008.
16. Freitag-Loringoven, A. L. Vstuplenie naslednika v obyazatel'stva i prava. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1905.
17. Cherepakhin, B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu. Moskva: Statut, 2020.
18. Schmidt, J. P. Itinera hereditatis: Strukturen der Nachlassabwicklung in historisch-vergleichender Perspektive. Hamburg: Mohr Siebeck, 2022.
19. Dormidontov, G. F. Ob otvetstvennosti naslednikov po obyazatel'stvam ostavitelya nasledstva. Kazan': V universitetskoi tipografii, 1881. Vyp. I.
20. Kasso, L. A. Preemstvo naslednika v obyazatel'stvakh nasledodatelya. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1895.
21. Mikhalev, K. A., Petrov, E. Yu. Personifikatsiya nasledstvennoi massy // Zakon. 2023. № 6. S. 25-39.
22. Ostanina, E. A. Imushchestvennaya obosoblennost' fizicheskogo litsa i svyazannye s neyu posledstviya // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2024. № 12. S. 48-74.
23. Wacke, A. Die Konfusion: Schuldtilgungsgrund oder nur Ausschluss der Klagbarkeit? Zur Vornahme der Erfüllung mit sich selbst // Perspektiven des Privatrechts am Anfang des 21. Jahrhunderts: Festschrift für D. Medicus zum 80. Geburtstag am 9. Mai 2009 / hrsg. von V. Beuthien. Köln: Carl Heymanns Verlag, 2009. S. 543-587.
24. Zikun, I. I. Konkursnaya surrogatsiya // Sbornik statei k 20-letiyu zakona o bankrotstve i 30-letiyu pervogo sovremennogo rossiiskogo zakona o bankrotstve // Natsional'naya assotsiatsiya po bankrotstvu i upravleniyu problemnymi aktivami "Bankrotnyi klub". 2023. S. 56-75.

Challenging in bankruptcy procedures as a legal means of protecting creditors: is improvement necessary?

Poerov Sergei Valerevich

Postgraduate student; Department of Business and Corporate Law; Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

123242, Russia, Moscow, Presnensky district, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 1

✉ poerov@buroresheniy.ru

Abstract. The research objectives are: to substantiate the need for improving the challenge mechanism, particularly through the proposed main directions of such improvement; to introduce innovative ideas on implementing methods for verifying the reality of transactions and counterparties, used in tax disputes, into separate disputes in bankruptcy cases when pursuing creditor protection through challenging transactions; and to develop an algorithm for predicting the voidability of transactions in bankruptcy cases before initiating a challenge in court. The article examines one of the main legal means of protecting a creditor in bankruptcy procedures – the challenging of transactions. The aim of the work is to formulate possible ways and directions for improving the mechanism of challenging transactions as a legal means

of creditor protection. This is explored through aspects such as modernizing the criteria for assessing the voidability of a debtor's transactions and actions during suspect periods. Attention is paid to the analysis of problematic issues in the interpretation of legal norms on challenging transactions and their enforcement. The main difficulties arising in the process of enforcing creditor rights in bankruptcy cases are highlighted. The methodological basis included both general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy, deduction, dialectical method) and specific legal methods (formal legal, comparative legal). The author concludes that it is relevant to improve the legal instrument of challenging transactions by developing and implementing into practice: additional criteria for the preliminary assessment of a transaction's voidability; forecasting the results of a challenge prior to initiating litigation; using AI algorithms to collect and analyze information about the challenged transaction and the counterparty from open registries and sources; expanding the range of creditors entitled to challenge transactions; and codifying these changes in bankruptcy legislation. According to the author, the proposed innovations related to the implementation of criteria from tax disputes will help elevate the challenging of transactions as a legal means of protecting creditor interests to a new qualitative level. Furthermore, they will ensure the achievement of a number of positive effects: reduction of legal costs, increased transparency of the challenge procedure, procedural economy due to reduced time for court consideration of separate disputes, and decreased burden on the judicial system by reducing the number of non-standard challenge processes in bankruptcy cases. In addition, the proposed directions for improvement can serve as a starting point for new research endeavors.

Keywords: invalidity of transactions, debtor's insolvency, legal consequences of contestation, contestability of transactions, improvement of legislation, legal framework, contesting transactions, insolvency, bankruptcy, legal regulation

References (transliterated)

1. Borisova L.V. O dokazyvanii nedobrosovestnosti dolzhnika i zashchite prav i zakonnykh interesov kreditorov po delam o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2023. – № 8. – S. 38-41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41. EDN: JTLPMI.
2. Davydov A.A. Osobennosti poryadka osparivaniya i posledstviya priznaniya nedeistvitelnymi sdelok, vlekushchikh za soboi okazanie predpochteniya odnomu iz kreditorov pered drugimi kreditorami – kak sposob zashchity prav konkursnykh kreditorov v protsedure bankrotstva yuridicheskogo litsa // Enigma. – 2022. – № 42. – S. 74-77. EDN: LUUTCY.
3. Levushkin A.N. Osparivanie vzaimosvyazannykh sdelok pri bankrotstve: klassifikatsiya i osnovaniya // Grazhdanskoe pravo. – 2024. – № 3. – S. 2-5. DOI: 10.18572/2070-2140-2024-3-2-5. EDN: IFOZDA.
4. Levushkin A.N. Nichtozhnye i osporimye sdelki: priroda, problemy pravoprimeneniya i sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya // Grazhdanskoe pravo. – 2025. – № 02. – S. 2-5. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5. EDN: BMXUEJ.
5. Mazur A.S. Sovershenstvovanie norm zakonodatel'stva o bankrotstve ob osparivanii somnitel'nykh sdelok kreditnykh organizatsii // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina. – 2017. – № 1. – S. 173. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.172-176. EDN: YTPFBZ.
6. Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo): Nauchno-prakticheskii kommentarii novell zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya / Pod redaktsiei V.V. Vitryanskogo. – 2-e izd. – Moskva: Statut, 2010. – 336 s.
7. Popondopulo V.F. Bankrotstvo. Pravovoe regulirovanie: Nauchno-prakticheskoe

- posobie. – Moskva: Izdatel'stvo Prospekt, 2012. – 432 s. EDN: QSFQDV.
8. Pravovye osnovy nesostoyatel'nosti (bankrotstva): uchebnoe posobie dlya vuzov / V. V. Kulakov [i dr.]; pod obshchei redaktsiei V. V. Kulakova. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 321 s. EDN: TNRHUZ.
 9. Sukhanov E.A. Protsedura bankrotstva – vazhnyi element ekonomiko-pravovykh otnoshenii (Sviridenko O.M. Kontseptsiya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v Rossii: monografiya) // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2009. – Izd. "Norma" – № 8(152). – S. 143-147.
 10. Sushkova O.V. Osparivanie sdelok dolzhnika pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve), sovershennykh s predpochteniem // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. – 2019. – № 5. – S. 111-128. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-5-111-128. EDN: USXSHD.
 11. Fedotov D.V. Nekotorye problemy osparivaniya sdelok s neravnotsennym vstrechnym ispolneniem v protsedure bankrotstva // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2024. – № 11. – S. 36-40. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-11-36-40. EDN: GKYVJV.
 12. Khasnutdinov A.I. Osparivanie sdelok v protsedurakh bankrotstva // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. – 2023. – № 3 (93). – S. 348-352. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).348-352. EDN: AJREZD.
 13. Khoroshavin M.Yu. K voprosu o vklyuchenii kriptovalyuty v sostav konkursnoi massy dolzhnika pri bankrotstve // Tsivilist. – 2024. – № 4. – S. 69. EDN: YGYDTO.
 14. Khudainazarov M.G. K voprosu o podozritel'nosti sdelok, sovershaemykh v tselyakh prichineniya vreda imushchestvennym pravam kreditorov // V sbornike: Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki. Sbornik nauchnykh statei po materialam III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa. – 2023. – S. 226-230. EDN: ATLQNV.
 15. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. – M., 2003. – T. 4. – S. 337. EDN: QVOTNV.
 16. Shishmareva T.P. Kriptovalyuta v sostave konkursnoi massy nesostoyatel'nogo dolzhnika // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA). – 2020. – № 7. – S. 37-43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.037-043. EDN: MVMQWF.

The development of domestic criminal legislation on liability for illicit trafficking in alcoholic beverages in the XI–XVIII centuries

Kapustina Anastasiya Vladimirovna

PhD in Law

Senior Researcher; Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation

✉ anvladimirovna@gmail.com

Abstract. The article presents a study of the domestic legislation of the XI–XVIII centuries, aimed at criminal law counteraction to illicit trafficking in alcoholic beverages. The relevance of the study is due to the significant number of illegal alcoholic and alcohol-containing products on the modern Russian market. Studying the historical experience of the formation of criminal legislation providing for responsibility for these acts makes it possible to identify patterns in the development of legal norms and identify the most effective criminal law mechanisms for countering such crimes. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the formation and development of Russian legislation on combating illegal production and

trafficking of alcoholic beverages, as well as identifying patterns and features of this process. The subject of the study is the criminal law norms providing for liability for acts that infringe on the legal turnover of alcoholic beverages. The research methodology is represented by a set of general scientific and private scientific methods of cognition. The following general scientific methods of cognition are used: system-structural analysis, logical analysis of texts and judgments. The historical and legal method was used as a private scientific method, which made it possible to analyze the development of Russian criminal legislation aimed at protecting the legally established procedure for the production and turnover of alcoholic beverages. The scientific novelty of the research is expressed in a comprehensive analysis of the Russian legislation of the XI–XVIII centuries, aimed at countering the illicit trafficking of alcoholic beverages. The article presents a detailed analysis of the development of criminal law norms providing for liability for the illegal production and trafficking of alcoholic beverages in Russia and in Russia from ancient times to the beginning of the XVIII century. The main focus is on the evolution of legislation in the field of combating illicit trafficking in alcoholic beverages, dubbed "korchemstvo". The paper examines in detail the first mentions of punishments for illegal alcohol trafficking in the Pskov judicial charter, the development of standards of responsibility in the era of Ivan III and Ivan IV.

A special place in the study is occupied by the analysis of the punishment system for drunkenness. Special attention is paid to the reign of Peter I. The author notes that the issues of criminal law counteraction to illicit trafficking in alcoholic beverages are inextricably linked with the state policy on alcohol trafficking. Excessive restrictions on alcohol turnover imposed by the State have led to an increase in the share of the grey alcohol market and an increase in corruption in this sector.

Keywords: alcoholic beverages, regulatory legal acts, alcohol-containing products, history, ethyl alcohol, criminal legislation, historical analysis, illegal alcohol trafficking, pubs, catering

References (transliterated)

1. Borodin D. N. Kabak i ego proshloe. – SPb., 1910. – 98 s.
2. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 2 t. T. 2. – M.: Izd. tsentr "Terra", 1995. – 735 s.
3. Dityagin I. I. Tsarskii kabak Moskovskogo gosudarstva. – M., 1833. – № 9. – 244 s.
4. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XV–XVII vv. / pod red. L. V. Cherepnina. – M., 1957. – 632 s.
5. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 6 / pod red. K. A. Sofronenko. – M., 1957. – 503 s.
6. Pashin V. P., Bogdanov S. V., Emel'yanov S. G. Gosudarstvennaya alkogol'naya politika v Rossii: ot Vitte do Stalina (Vlast', obshchestvo, nelegal'nyi rynek). – Kursk, 2008. – 258 s. EDN: QOIQAZ
7. Pouchenie detyam Vladimira Monomakha: S pril. Poslaniya VI. Monomakha k Olegu, pouchenii – Ksenofonta, nekoego ottsa, sv. Vasiliya Velikogo i materialov dlya kharakteristiki Monomakha / Red. i primech. V. A. Voskresenskogo. – SPb., 1893. – 49 s.
8. Pokhlebin V. V. Chai i vodka v istorii Rossii. – Krasnoyarsk, 1995. – 462 s.
9. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda. – SPb; M., 1868. – 282 s.
10. Fletcher D. O gosudarstve russkom. – SPb, 1905. – 138 s.
11. Khanukhov E. R. Sostoyanie i puti sovershenstvovaniya gosudarstvennogo

regulirovaniya rynka alkohol'noi produktsii Rossii. – M., 2001. – 108 s.

12. Chibinev V. M., Pidzhakov A. Yu. Etapy istorii pravovogo regulirovaniya vinodeliya i vinopitiya v Rossii. – SPb, 2008. – 262 s. EDN: QRAQRN

The Institute of Tax Benefits in Judicial Practice: Some Problematic Aspects

Konorezov Nikolai Andreevich

PhD in Law

Associate Professor; Faculty of Law; Kuban State University

Stavropol str., 149, Krasnodar Territory, 350040, Russia

✉ konorezov@list.ru

Abstract. The article addresses the tax benefits implementation in the case law of arbitration courts, general jurisdiction courts, and in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The subject of the study is the tax benefits in the context of its implementation in the judicial practice of the Russian Federation, including the law enforcement activities and case law of arbitration courts, general jurisdiction courts, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The author, based on the analysis of relevant law enforcement materials, demonstrates examples of contradictory approaches emerging in two areas: 1) tax disputes related to the reassessment of tax amounts, fees, insurance contributions, as well as the imposition of fines and penalties due to the unlawful use of tax benefits; and 2) tax disputes regarding the refusal to grant tax benefits and the determination of conditions for their application. The methodology of the research is based on a comprehensive approach, including the analysis of judicial acts, systemic, comparative-legal, and formal-logical methods, as well as the method of interpreting the norms of tax legislation in light of constitutional principles and the legal positions of higher judicial authorities. The purpose of the work is to identify and analyze problematic aspects of the application of tax benefits in judicial practice, as well as to formulate proposals for improving legal regulation in this area. The results of the research can be applied in law enforcement activities, as well as in scientific research and educational work in the field of administrative, financial, tax, and constitutional law. The novelty of the study lies in the systematization and critical analysis of contradictory legal positions of courts regarding the application of tax benefits, as well as in substantiating the need for legislative clarification of the conditions for granting benefits. The study for the first time shows, based on the analysis of specific cases, a trend towards "judicial norm-making" in the absence of clear legislative regulation, as well as substantiates the need to move from fragmented norms to a systemic legal regime for tax benefits. In conclusion, the necessity of legislative changes is justified in terms of clarifying and specifying the conditions for granting tax benefits.

Keywords: administrative law, tax law, tax preference, taxpayer, Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, Constitutional Court of the Russian Federation, institute of tax benefits, tax benefits, benefits

References (transliterated)

1. Advokatova A.S. Pravovaya priroda nalogovykh l'got. Teoriya i pravoprimeritel'naya praktika // Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei. 2014. № 1. S. 36-41. EDN:

SALJKV.

2. Azarkhin A.V., Petrov R.V. Nalogovye l'goty kak institut rossiiskogo nalogovogo prava // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2020. № 4 (143). S. 242-244. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-4-143-242-244. EDN: BHECHH.
3. Golovanev M.A. Primenenie otdel'nykh printsipov nalogovogo prava v sporakh o nalogovykh l'gotakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit. 2024. № 1. S. 69-86. DOI: 10.55959/MSU2413-631X-27-15-1-06. EDN: MELGWL.
4. Zharullina E.I. Otsenka effektivnosti nalogovykh l'got v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. 26 s.
5. Korotkova E.A. Aktual'nost' problemy ispol'zovaniya nalogovykh l'got // Paradigma. 2019. № 2. S. 49-52. EDN: FQDTYY.
6. Morgoeva A.Kh. Analiz kolichestvennykh pokazatelei nalogovykh sporov, reguliruemyykh kassatsionnymi sudami i verkhovnym sudom RF // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2024. T. 13. № 11 (152). S. 94-100. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.11.13.011. EDN: QSIJLZ.
7. Morev D.V. Nalogovye spory: kak kassatsionnaya instantsiya lomaet praktiku nizovykh sudov // Nalogoved. 2024. № 5. S. 43-51. EDN: OMCWKC.
8. Timofeev S.V. Nalogovye l'goty v Rossiiskoi Federatsii: problemy i nedostatki // Nalogi. 2023. № 2. S. 14-17.
9. Fedosimov B.A. Pravovoe regulirovanie nalogovogo l'gotirovaniya v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 247 s.
10. Fedosimov B.A. Sovershenstvovanie pravovoi reglamentatsii instituta nalogovogo l'gotirovaniya v Rossiiskoi Federatsii // Pravoprimenenie. 2022. T. 6, № 1. S. 88-99. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).88-99. EDN: YKOOJY.
11. Fedosimov B.A. GLAVA 1. Teoretiko-pravovye osnovy primeneniya nalogovykh l'got (glava v knige) // Pravovoe regulirovanie nalogovogo l'gotirovaniya v Rossiiskoi Federatsii. Cheboksary, 2025. S. 17-66.

Public law regulation of the production and circulation of organic agricultural products in the EAEU member countries based on the experience of the Republic of Kazakhstan.

Goncharova Yuliya Viktorovna

Head of the Legal Department; Legal Department; Kaluzhskaya Niva LLC

83 Nikitina St., Kaluga, Kaluga Region, 248003, Russia

✉ goncharova.julia@bk.ru

Abstract. The author studied the legal relations arising in the field of production and circulation of organic products on the territory of the Republic of Kazakhstan. The subject of the study is the experience of the Republic of Kazakhstan in legislative activities in the area of production and circulation of organic products, the improvement of the adopted legislation in the studied area, taking into account changes in the requirements of global standards for organic production. The aim of the research is to conduct a comparative analysis of international experience and the experience of Russia in the field of organic farming, to examine certain issues and the effectiveness of legal regulation of the circulation of organic products in Russia. The research objectives are to substantiate the need for legislative regulation of organic product production, as well as to identify the risks associated with the development of organic production; to determine the measures of financial support for organic

product producers. The methodological basis of the research is presented through a systematic method, comparative legal methods, statistical methods, historical methods, and methods of analysis and synthesis. The author examines the legal acts regulating organic product production in the Republic of Kazakhstan in a historical retrospective, drawing parallels with the current legislation of the Russian Federation in the field of organic product production. The relevance of the research is due to the recent legislative interest in the development of the domestic market for organic product production in the Russian Federation, which is reflected in the Decree No. 309 of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024, "On the National Goals for the Development of the Russian Federation for the Period Until 2030 and Prospects Until 2036." Studying this experience and its implementation will help Russia, with its vast potential for organic product production, the availability of agricultural land, and natural resources, to take a leading position among the world's producers of organic agricultural products. The work includes a comparative analysis of the current legislation of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, identifying differences in norms and outlining issues of mutual recognition of production standards among the EAEU member states using the example of the two countries.

Keywords: turnover of organic products, labeling, production standards, conformity assessment, system of mutual guarantees, certification, sustainable development, food security, production of organic products, organic products

References (transliterated)

1. Goncharova Yu.V. Organicheskoe sel'skoe khozyaistvo kak garant prava cheloveka na blagopriyatnyuyu okruzhayushchuyu sredu // Sbornik nauchnykh statei i dokladov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod obshchei redaktsiei P.A. Merkulova. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nye problemy nauki i praktiki. g. Orel, 2022. S. 103-109. EDN: TXNJBf.
2. Voronina N.P., Vedysheva N.O. Ekologo-pravovoe obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti v sisteme natsional'nykh prioritetov RF // Monografiya. Moskva, 2024. S. 112.
3. Novikova V.E. Ekologo-pravovoe regulirovanie na etape razvitiya zelenoi ekonomiki v Rossii // Ekologicheskoe pravo. 2020. № 4. S. 9-16.
4. Shpakovskii Yu.G. Yuridicheskoe zakonotvorchestvo kak chast' sotsial'nogo planirovaniya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. T. 18. № 6 (151). S. 145.
5. Vartamova M.L. Formirovanie i perspektivy razvitiya edinogo rynka organicheskoi produktsii stran EAES // Rossiiskoe predprinimatel'stvo. 2019. № 3. T. 20. S. 633-644. DOI: 10.18334/rp.20.3.40514. EDN: ZCDPBR.
6. Inshakova A.O., Anisimova A.P. Agrarnye tekhnologii organicheskogo zemledeliya kak faktor razvitiya pravovogo obespecheniya vneshnetorgovogo oborota v EAES // Sravnitel'no-pravovye aspekty pravootnoshenii grazhdanskogo oborota v sovremennom mire. Sbornik statei Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma pamyati professora V.K. Puchinskogo. Pod redaktsiei E.E. Frolovoi, E.P. Rusakovoi. Moskva, 2021. S. 121-131. EDN: BSQOOX.
7. Sokolova Zh.E. Dostizheniya i vozmozhnosti proizvodstva i trgovli organicheskoi produktsii na prostranstve EAES (na primere Kirgizii i Belorussii) // Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve. 2018. № 9 (42). S. 15-23. EDN: YRSBMT.
8. Ofitsial'nyi sait Soyuza organicheskogo zemledeliya // <https://xn--80aaebhr4cacjh3gze.xn--p1ai/news/opublikovan-svezhij-ezhagodnyj-obzor-mir->

- organicheskogo-selskogo-hozyajstva-2025/ (data obrashcheniya: 20.07.2025).
9. Informatsionnyi internet-resurs (statisticheskie dannye) // <https://www.organic-world.net/index/news-organic-world/article/3620.html> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
 10. Informatsionnyi portal organiki // <https://organicfund.ru/potrebitelyam/informacionnyj-portal-organiki> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
 11. Bolatbek B.B., Nurakhova B.Zh., Satbaeva G.S. Organicheskoe sel'skoe khozyaistvo Kazakhstana: tseli, nauchnye printsipy // Problemy agrorynka. 2025. № 1. <https://doi.org/10.46666/2025-1.2708-9991.15> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
 12. Arkhipova V.A. Tendentsii razvitiya organicheskogo sel'skogo khozyaistva v Rossii na fone mirovykh trendov // Ekonomicheskie nauki. 2023. № 2. // <http://oecomia-et-jus.ru/single/2023/2> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
 13. Goncharova Yu.V., Guseva T.A. Proizvodstvo organicheskoi produktsii v Rossiiskoi Federatsii: zakonodatel'noe obespechenie i pravoprimeritel'naya praktika // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 40. № 4. S. 81-89. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-81-89. EDN: GLWIZX.
 14. Tikhomirova I.A. Gosudarstvennaya podderzhka proizvodstva organicheskoi produktsii v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik YuUrGU. Seriya "Pravo". 2021. T. 21. № 3. S. 117-123. DOI: 10.14529/law210317. EDN: RTBRII.
 15. Pavlov A.Yu. Kontseptual'nye osnovy okazaniya gosudarstvennoi podderzhki proizvoditelyam organicheskoi produktsii na razlichnykh tipakh sel'skikh territorii // Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal. 2023. T. 66. № 6 (396). S. 579-582. DOI: 10.55186/25876740_2023_66_6_579. EDN: IODBXN.
 16. Polukhin A.A., Kondrat'eva O.V., Voityuk V.A., Slin'ko O.V. Klyuchevye napravleniya gosudarstvennoi podderzhki razvitiya organicheskogo sel'skogo khozyaistva // Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii. 2025. № 2. S. 41-46. DOI: 10.32651/252-41. EDN: NDHDUM.
 17. El'nikova E.A. Pravovye sredstva stimulirovaniya razvitiya rossiiskogo organicheskogo sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2022. № 11 (215). S. 140-143.